

Пенни Джордан

Верит – не верит?

Пенни Джордан
Верит – не верит?
Серия «Крайтоны», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159546
Оригинал: PennyJordan, "The Perfect Match?"*

Аннотация

Казалось бы, что может помешать любви Крисси и Гая? Однако жизнь диктует свои суровые законы. Взаимные упреки, недоверие, обида, ревность – и все летит в тартарары. Они должны расстаться! Впрочем... Прочтите этот роман, и вы узнаете, как изменчива порой бывает судьба...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	30
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	59
ГЛАВА ПЯТАЯ	87
ГЛАВА ШЕСТАЯ	106
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	131
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	155
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	172
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	179

Пенни Джордан Верит – не верит?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– И ты действительно не против поездки в Хэслвич, чтобы во всем разобраться?

– Да нет же, мама, ничуть не против, – быстро переглянувшись с отцом, заверила Крисси мать.

В маленькой дружной семье ни для кого не было секретом, насколько мать Крисси огорчают беспутный образ жизни и бесконечное пьянство младшего брата.

Давно, когда только вышла замуж, она пыталась образумить Чарлза, наивно полагая, что он искренне хочет исправиться. Однако восемь лет назад Чарлз украл несколько ценных безделушек у одного из своих приятелей и продал их, чтобы расплатиться за выпивку, без которой уже не мог обходиться. Кража открылась, Чарлз был арестован и оказался за решеткой. И тогда мать Крисси заявила, что всякому терпению приходит конец, и окончательно порвала с братом.

Крисси отлично понимала, что вынудило мать принять такое решение.

Как-никак отец Крисси – талантливый хирург-кардиолог в центральной больнице небольшого городка на границе с

Шотландией, мама – член городского совета и нескольких благотворительных комитетов.

Сомнительная репутация брата настолько противоречила принципам жизни семейства Крисси, что мать поневоле оказалась перед нелегким выбором.

Теперь, когда дядя Чарлз умер, кому-нибудь естественно, одному из них – придется отправиться в Чешир, разобраться с его имуществом и продать дом в Хэслвиче, который, в отличие от своей части фермы и земли в Чешире, унаследованных от родителей, Чарлз не успел промотать. Крисси сама вызвалась съездить в Хэслвич и заняться этими неприятными делами.

– Одному Богу известно, в каком состоянии сейчас дом. Мать Крисси брезгливо пожала плечами. – Помню, последний раз, когда я была там, все выглядело страшно запущенным. Невозможно было открыть ни один шкаф, не опасаясь, что тебе на голову не свалится пустая бутылка. Хотела бы я знать, почему Чарлз... – Она закрыла глаза. – Даже в детстве мальчик был не таким, как другие ребяташки... Такой неуклюжий, он всегда поступал себе во вред. Он был так не похож на нашего отца – такого же доброго, мягкого человека, как и наш дедушка... Вообще-то и в детстве мы никогда не дружили – может быть, из-за большой разницы в возрасте... – Она покачала головой. – Я чувствую себя виноватой в том, что тебе придется ехать в Хэслвич, но у нас на носу конференция в Мехико, а потом еще эта поездка, где папе пред-

стоит выступить с лекциями...

– Перестань, мама, все в порядке, – терпеливо повторила Крисси. – Честное слово, я ничуть не против, да и времени у меня сейчас хватает.

В школе, где Крисси преподавала английский, намечались перемены, и она уже предупредила родителей о запланированном, судя по неясным слухам, сокращении штатов.

– Все равно, мне не по душе, что тебе придется жить в доме Чарлза, – сказала мать.

– Кому-то необходимо навести в нем порядок, – напомнила ей Крисси. – Дом надо продать, чтобы уплатить все долги дяди Чарлза, а ты сама говоришь, что на дом никто и смотреть не станет, пока его не отмоют и не отскребут снизу доверху.

– Знаю, знаю. Кстати, я вспомнила: надо непременно связаться с банком и с нотариусом. Ты должна иметь мою доверенность на ведение всей необходимой переписки.

И снова Крисси незаметно переглянулась с отцом.

Чарлз Плэтт оставил своим родственникам не только запущенный дом и сомнительную репутацию, но и значительные долги.

Крисси была отнюдь не в восторге от мысли, что ей придется разбираться во всей этой путанице, но ей не хотелось расстраивать маму еще больше, выказывая свое отвращение к предстоящим хлопотам.

Последний раз Крисси была в Хэслвиче вскоре после

смерти дедушки, и ее воспоминания об этом городке и доме сливались с мамиными переживаниями и горем.

Дядя Чарлз жил со своей матерью в Чешире на старой ферме, которая переходила от отца к сыну на протяжении нескольких поколений. Но дедушка, разочаровавшись в сыне и зная его слабость к спиртному, продал землю соседу. После смерти бабушки Чарлз продал и ферму.

Крисси до сих пор помнит, какой стыд охватил ее, когда она увидела, как дядя Чарлз, шатаясь и спотыкаясь, с трудом выбирается из одного из пабов. Мать шла с Крисси за покупками, и девочка навсегда запомнила, как та побледнела и задохнулась, а затем, круто повернувшись, поспешила увести дочь подальше от толпы мальчишек, улюлюкающих вслед пьяному Чарлзу.

Тогда Крисси поняла, почему такая боль появляется в глазах и в голосе матери всякий раз, когда речь заходит о ее брате.

Теперь, став взрослой, Крисси, разумеется, была полностью *au fait*¹ того, как ее дядя пристрастился сначала к спиртному, а затем и к азартным играм.

Слабохарактерный и тщеславный, он мало походил на простодушных фермеров, среди которых вырос. Чарлз был еще подростком, когда всем стало ясно, что он не собирается, как было заведено в семье, заниматься земледелием.

– Он разбил сердце нашего отца, – как-то раз призналась

---

¹ *Au fait* (франц.) – в курсе. – Здесь и далее прим, перев.

мать Крисси. – Чего только отец не делал – он даже продал часть земли, чтобы выделить Чарлзу небольшое содержание. Чарлз заявил, что хочет стать актером, и отец попытался понять и поддержать его. Однако скоро оказалось, что все это лишь предлог, чтобы вытянуть из отца побольше денег. Чарлз начал пить и просаживать отцовские деньги сначала в Чeshire, а затем, когда его дружки поняли, что у него за душой ни гроша, снова в Хэслвиче.

Во время этого разговора Крисси стало ясно, какую боль причиняло матери и ее родителям бесчестное поведение ее дяди, как сильно отличался его беспутный образ жизни от раз и навсегда упорядоченной жизни семьи. Никто был не в силах понять, как и почему Чарлз смог так легко нарушить все нравственные запреты, испокон веку определявшие жизнь семьи. Как же сильно он опозорил своих родных!

Теперь, когда он умер, вместе с ним отошла в прошлое и часть истории Хэслвича. Семейство Плэттов, как свидетельствовали надгробные камни на кладбище возле церкви, прожило в этих краях больше трехсот лет, и Чарлз был последним из них.

– Не расстраивайся, – посоветовала Крисси маме, подошла к ней, обняла и поцеловала ее.

Внешне они очень похожи друг на друга – у обеих широко посаженные миндалевидные глаза и высокие скулы, но мама была небольшого роста, чуть выше пяти футов и двух дюймов, и полноватая, а Крисси унаследовала от отца высокий

рост и стройную фигуру.

Родители девушки были темноволосые, но волосы самой Крисси, густые и блестящие, цветом напоминали отполированный до блеска каштан.

Накануне своего двадцативосьмилетия Крисси считала себя особой взрослой и совершенно зрелой, а потому уже давно перестала обращать внимание на мужчин, которые восторженно оборачивались ей вслед, явно ожидая, что ей польстит их восхищение. По мнению Крисси, внешняя привлекательность отнюдь не является главным фактором для появления сердечной привязанности. Ей хотелось чего-то большего. Она была уверена, что настоящее чувство придет к ней только тогда, когда ее инстинктивно потянет к кому-то и станет ясно, что это магнетическое притяжение настолько сильно и властно, что его невозможно игнорировать. Короче говоря, Крисси была весьма романтична, хотя и отказывалась признаваться в этом даже самой себе.

– Это нечестно! – полунасмешливо-полуворчливо пеняла ей одна из подруг прошлым летом. – Да будь у меня твоя внешность, уж я бы знала, что делать! Ты просто не понимаешь, до чего тебе повезло.

– Настоящая красота таится внутри, – ответила ей Крисси, искренне веря в этот постулат.

Давно, когда она еще училась в университете, к ней настойчиво подъезжал один из агентов довольно известного модельного агентства, но она отказывалась принимать его

предложения всерьез.

Некоторые сомневались, не противоречит ли ее неиссякаемое чувство юмора строгим принципам преподавания, однако Крисси доказала, что способность смеяться, шутить и находить в жизни хорошее ничуть не мешает ей быть отличным педагогом.

– Мне не нравится, что тебе придется жить в доме Чарлза, – повторила мать.

Крисси села напротив нее.

– Мам, мы уже обо всем договорились, – напомнила она. – Я еду в Хэслвич, чтобы подготовить дом к продаже, и смогу лучше всего сделать это, если поживу там.

– Да, ты, разумеется, права, но ведь я знаю, как жил Чарлз... – Мама слегка поежилась.

Она была чистоплотной хозяйкой и замечательной женой, достойной наследницей своих предков.

– Я возьму с собой простыни, полотенца и умывальные принадлежности, – сказала Крисси.

– Это я должна туда ехать, – возразила дочери Роуз Олдхэм. – Ведь Чарлз был... был моим братом.

– И моим дядей, – ответила Крисси и добавила: – Не забудь, ты сейчас никуда не можешь ехать. У тебя нет времени, а вот у меня его предостаточно.

Несмотря на свои современные взгляды на жизнь, мать Крисси с нетерпением ожидала дня, когда ее дочь станет женой и матерью, а потому Крисси не захотела дать ей понять,

что искренне рада возможности отправиться в Хэслвич. У Крисси появился благовидный предлог отклонить приглашение одного из своих коллег, все полугодие настойчиво убеждавшего ее присоединиться к нему и его друзьям в поездке по Провансу.

Разумеется, мысль о путешествии по Провансу была более чем заманчива, чего никак нельзя сказать об обществе коллеги. В глубине души Крисси испытывала необъяснимую слабость к пылким головорезам со страниц исторических романов и потому, рассудком не одобряя это, безжалостно одергивала себя всякий раз, когда чей-либо взгляд заставлял ее сердце сладко таять.

Коллега-преподаватель отнюдь не принадлежал к категории мужчин, способных вызвать подобное «таяние», и мог бы стать, вне всякого сомнения, безупречным мужем и заботливым отцом, но он не был одарен магической способностью утолить томительный и по-женски неясный голод души и сердца, неудержимо влекущий Крисси к такому мужчине, который сможет очаровать ее и вскружить ей голову, к мужчине, встреча с которым станет вызовом судьбе, мужчине, который будет ей идеальной парой, – словом, к Мужчине с большой буквы;

Впрочем, одно для Крисси совершенно ясно – встреча с героем грез в Хэслвиче ее не ожидает, поскольку Хэслвич сонный городок, главным событием в жизни которого бывала проходившая раз в неделю ярмарка, – словом, это насто-

ящая тихая заводь, где никогда ничего не случается.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Как я понимаю, грабители, вломившиеся в Квинсמיד, до сих пор не пойманы? – спросил Гай Кук у Дженни Крайтон, когда та вошла в тесную антикварную лавочку, совладельцами которой они были.

– Нет, – ответила Дженни, покачав головой. Речь шла о недавнем взломе и ограблении в доме ее свекра.

Дженни улыбнулась, глядя на Гая. Он на редкость красивый мужчина, и, не будь Дженни счастлива со своим мужем, она бы легко потеряла голову, пополнив ряды женщин, безответно вздыхающих по Гаю. В нем привлекало все: и мужественно-властная красота, и безупречно сложенное, мускулистое тело. С такой фигурой он вполне мог бы стать фото-моделью и рекламировать самый вызывающий фасон джинсов «в обтяжку» в модных журналах. И загадочно-бездонные глаза в густых ресницах, способные метнуть в женщину неотразимый, исполненный неясных намеков взгляд. А если добавить к этому пьянящему коктейлю ярко выраженное обаяние, унаследованное Гаем от не столь далеких предков-цыган, то легко понять, почему не только Дженни, но и любая другая представительница прекрасного пола могла бы охарактеризовать Гая весьма лаконично: «Не мужчина – мечта!», подкрепив это описание полным обожания взглядом.

Нельзя сказать, что Дженни была совсем уж неподвластна чарам Гая, его привлекательной наружности или неожиданной и потому еще более опасной щедрости и теплоты. Однако Дженни любила Джона, а потому лишь про себя сетовала, что Гай до сих пор не предложил ни одной женщине все, чем природе было угодно так щедро одарить его.

– Благодарение Богу, что хоть Бен не пострадал, – добавила она, – хотя пережил настоящее потрясение. Ты же знаешь, какой он упрямый и с каким трудом мы с Джоном уговорили его поселить в доме хоть кого-нибудь, чтобы не жить одному.

– Расскажи подробнее, – попросил Гай. – Я делал опись антиквариата в доме по поручению его страховой компании, и Бен разъярился не на шутку, когда я посоветовал ему установить сигнализацию. Судя по тому, что произошло, он так и не собрался это сделать?

– Ну, ты же знаешь Бена, – ответила Дженни. – Ему еще повезло, ведь воры унесли не так много. Полиция полагает, что их что-то спугнуло: или телефонный звонок, или чье-то появление возле дома.

– Трудно поверить, что у кого-то хватило наглости вломиться в дом среди бела дня и спокойно вынести не только ценные безделушки, но и кое-что из мебели.

– Полиция нас предупредила, что шансы отыскать что-либо из украденных вещей практически равны нулю. В последнее время совершено несколько краж такого рода, и следователь полагает, что это дело рук мелких банд, наезжающих

из соседнего города в надежде раздобыть денег на наркотики. Разумеется, им ничего не стоит быстренько смотаться, а потому найти их самих и украденное почти не представляется возможным.

– Но ты убедила старика не оставаться в доме одному? – поинтересовался Гай, начиная просматривать содержимое большой картонной коробки, приобретенной на распродаже. Он подозревал, что там, скорее всего, окажется всякая ерунда, но кто знает...

– Нет, к сожалению, – вздохнула Дженни. – Однако в конце недели должна приехать Мэдди. Ты же знаешь, она каждое лето приезжает сюда из Лондона на несколько недель.

– А Макс приедет с ней? – спросил Гай, имея в виду старшего сына Джона и Дженни, мужа Мэдди.

Дженни закусила губу.

– Нет... нет, он не приедет. Похоже, сейчас он занят довольно запутанным делом, и ему, кажется придется лететь в Испанию встречаться с клиенткой. Она путешествует на яхте и должна зайти и один из испанских портов.

Макс был адвокатом по гражданским делам и работал в Лондоне, арендуя жутко дорогой офис в престижном районе. Он специализировался на бракоразводных делах, и Гай давно заметил, что большинство его клиентов – женщины. Макс любил женщин, вернее, ему нравилось водить их за нос, строя из себя неотразимого соблазнителя.

Гай был не слишком высокого мнения о Максе, но друже-

ские чувства к Дженни не позволяли ему высказывать все, что он думает о ее сыне.

В конце концов, хотя Дженни и ее муж, Джон, теперь счастливы, жизнь не всегда баловала их...

В отличие от Макса, Гай искренне любил женщин. Всех женщин вообще, но некоторых – особенно. Его тянуло к женщинам типа Дженни радушным, мягким, женственным, красивым неясной, внутренней красотой. Яркая, броская внешность, привлекающая взгляд, никогда не интересовала Гая. Сам он очень хорош собой и отлично знает, что внешняя красота – еще не главное. Мягкий характер, уступчивость и готовность любить – вот что неподвластно времени, вот что, по мнению Гая, достойно истинной любви и искренней привязанности.

Гай уже давно смирился с мыслью, что Дженни – не для него, что она любит мужа. Партнер по бизнесу навсегда останется для нее всего лишь другом. «Притом очень юным другом», – однажды заметила она, подчеркивая разницу в возрасте между ними. Впрочем, Гаю исполнилось тридцать девять лет, и он отнюдь не считал себя юнцом.

– Бена потряс сам факт ограбления, – говорила Дженни, – но больше всего его огорчила пропажа маленького столика из тиса. Насколько я помню, отец Бена изготовил точную копию столика французской работы, который принадлежал еще его бабушке. Столик очень хорошенький, но, поскольку это не оригинал, никакой реальной ценности не представля-

ет.

– Однако дорог как память, – заметил Гай.

– Вот именно, – согласилась с ним Дженни. – На днях я рассказала Люку о наших событиях, и он сказал, что у той семьи, что живет в Чeshire, до сих пор хранится подлинный столик – такой же, как тот, с которого была изготовлена копия, стоявшая у Бена. Два совершенно одинаковых столика некогда привез из Франции кто-то из рода Крайтонов в подарок своим дочерям-двойняшкам. Теперь один такой принадлежит отцу Люка, а второй хранится у его дяди.

– Ммм... Вероятно, вору не сообразили, что столик Бена всего лишь подделка.

– Возможно. Хотя полиция полагает, что они прихватили его просто потому, что он стоял в коридоре и его можно было легко унести, так же как и серебряные безделушки. Мы с Рут потратили целый день, чтобы осмотреть весь дом и составить список пропавших предметов. Ясное дело, Бен был не в состоянии и не в настроении помогать нам. Я более или менее помнила, где что находилось, но Рут, разумеется, была намного пунктуальнее – как-никак она ведь сестра Бена. Выходит, она уже вернулась из Штатов?

– Да, они с Грантом прилетели в субботу. – Дженни рассмеялась. – Просто чудо, как твердо они придерживаются давнего соглашения жить три месяца в его стране и столько же у нее на родине.

– Я буду рад повидаться с ними. Они так любят друг друга

– просто удивительно!

– Надо думать! То, что им довелось пережить, заставляет их еще больше ценить счастье быть вместе.

– Согласен. Значит, чудеса все-таки случаются...

– Настоящая любовь всегда так сильна, что ничто не сможет уничтожить или омрачить ее, – мягко добавила Дженни. – За все время, что им пришлось провести в разлуке, ни у кого из них не возникало даже мысли об измене. Теперь наконец они вместе! Бобби недавно жаловалась мне, что, хотя их свадьбы были сыграны практически и одно и то же время, Рут и Грант остаются более романтической парой, чем они с Люком.

– Ну, не надо забывать, что у Бобби с Люком ребенок, к тому же оба они стремятся сделать карьеру, – заметил Гай, – а бабушка с дедушкой давно на пенсии и могут позволить себе думать лишь друг о друге.

– Верно, они на пенсии, – возразила Дженни, – но Рут до сих пор деятельно трудится в дюжине разных комитетов, да еще занимается родителями-одиночками. И у Гранта, насколько тебе известно, весьма и весьма разносторонние интересы, так что без дела никто из них не сидит. Иногда стоит мне только выслушать, чем они занимаются, как на меня накатывает усталость. Поневоле сравниваешь, насколько отличаются их энергия и готовность радоваться жизни от пассивной безучастности Бена. Жизнь все меньше интересует его.

Дженни нахмурилась, размышляя о своем свекре.

– А как операция по замене сустава бедра? – спросил Гай. – Он не раздумал?

– Надеюсь, и не раздумает, – рассеянно откликнулась Дженни. – Операция намечена на конец лета, и мы уже решили, что, когда Бена выпишут из больницы, Мэдди приедет ухаживать за ним на первых порах. Он намного свободнее чувствует себя с ней – вероятно, потому, что она жена Макса, а Макс, по мнению Бена, безгрешен, как ангел.

– Ты, похоже, не разделяешь его точку зрения, – догадался Гай.

Дженни кивнула.

– Бен всегда баловал Макса. Поэтому Макс убежден в своей исключительности. Когда он женился на Мэдди, я так надеялась... – Дженни умолкла и, тряхнув головой, резко изменила тему разговора: – Ну как, нашел что-нибудь стоящее?

– Пожалуй, ничего, – ответил Гай, понимая, что Дженни предпочитает не углубляться в тонкости семейных проблем. – Сегодня я договорился посмотреть вещи еще в одном старом доме, хотя сильно сомневаюсь, что попадетс что-либо интересное. Это дом Чарли Плэтта, – мрачно добавил он.

– Чарли Плэтта? – эхом откликнулась Дженни и снова нахмурилась, но тут же кивнула. – Ну да, я вспомнила, кто это.

– Вот-вот, – подтвердил Гай. – Судя по всему, он спился.

– Ах, бедняга, – сочувственно вздохнула Дженни.

– Нашла кого жалеть! – фыркнул Гай. – Да он был первый пройдоха в городе! Его родители от него отреклись, и он не

оставил своей родне ничего, кроме долгов.

По тону Гая Дженни решила, что Чарли задолжал и ему. Дженни понимала, что, если догадка ее верна, Гай ни за что не признается, что мошенник-выпивоха обвел его вокруг пальца.

Гай был человеком легким и мягким в общении, предпочитавшим думать о других скорее хорошо, нежели плохо. Впрочем, во всем, что касалось лично его, Гай был дьявольски горд. Дженни подозревала, что эта болезненная гордость напрямую связана с тем, что клан Куков, многочисленные представители которого жили в городке, произошел, если верить местным легендам и слухам, от грешной страсти наивной дочери школьного учителя к красавцу цыгану из табора, что кочевал когда-то в этих краях. Подобные рассказы заставляли обывателей относиться ко всему семейству Куков со странной смесью презрения и благоговейного ужаса.

Дочь учителя, когда последствия ее увлечения перестали быть тайной, поспешно выдала замуж за овдовевшего содержателя трактира, который готов был жениться на ком угодно, лишь бы обеспечить должный присмотр за целым выводком малых детей.

С тех пор, в зависимости от того, какую ступень занимал в иерархии городка говорящий, о клане Куков отзывались или с неподдельной завистью, или же с подозрением.

Сменилось не одно поколение, однако, рассуждая об удачливости Куков, люди по-прежнему имели в виду не толь-

ко процветающие таверны и пабы, принадлежавшие семье, но и иные, весьма отчаянные способы приумножить доход, как, например, мелкое и крупное браконьерство, незаконный отлов рыбы или что-нибудь вроде того. Некую долю авантюризма в ведении дел богобоязненные горожане склонны были приписывать цыганской предприимчивости, унаследованной от бесшабашного кочевника-цыгана.

Разумеется, никто из членов семьи Гая уже не занимался ни браконьерством, ни каким-либо другим незаконным промыслом. Гай как-то заметил в беседе с Дженни, что умение расставлять силки ушло вместе с поколением его прадеда, его друзьями и сверстниками, многие из которых служили в Чеширском полку в годы первой мировой войны.

– Но от репутации не избавишься, – сказал тогда Гай. – Раз уж я из семьи Куков, приходится быть Куком.

– Пожалуй, даже твоя разбойничья сногшибательная красота тут не поможет, – поддразнила его Дженни.

– Да уж, – вздохнул Гай. Он устал считать, сколько раз почтенные отцы запрещали своим юным дочерям встречаться с ним. Теперь он частенько с удивлением вспоминал, что был, пожалуй, единственным подростком, сумевшим прослыть необузданным сорвиголовой, оставаясь девственником.

В пятницу в магазинах короткий день. Дженни ушла, Гай запер лавку и отправился домой. Еще предстояло просмотреть деловые бумаги – ему принадлежала половина акций

одного из ресторанов, дела которого шли в последнее время весьма недурно. Совладельцами были сестра Гая и ее муж. Кроме того, Гай был партнером в небольшой строительной фирме своего родственника.

Недавно Гаю пришло в голову, что капиталовложения в небольшие частные дома могут принести немалый доход, если, отремонтировав, сдавать их в краткосрочную аренду служащим одного из международных концернов, только что открывшего в городке филиал.

Антиквариат, и в особенности старинная мебель, вне всякого сомнения, был главным в жизни Гая. Но его деятельной натуре не хватало размеренного, неторопливого ведения дел в лавке.

Гай нахмурился, просматривая почту. Он и Дженни были главными организаторами ярмарки антиквариата, намеченной на следующий месяц. Они надеялись не толькошний раз привлечь внимание к городку, но и собрать достаточно денег, чтобы открыть приют для матерей-одиночек. Идея этого благотворительного проекта принадлежала Рут, которая стала матерью, не будучи замужем.

Гай принялся сверять список любителей антиквариата, заявивших о своем желании принять участие в ярмарке, со списком пригласительных писем, разосланных ранее. Ему вдруг пришли на память слова Дженни о Чарли Плэтте.

Когда-то они с Чарли учились в одной школе. И только. Гай пошел в первый класс, когда Чарли был уже в выпуск-

НОМ.

Глядя на худенького, бледного мальчика, которого постоянно одолевали приступы астмы (слава Богу, с годами Гай избавился от нее), едва ли можно было предположить, что, повзрослев, он станет сильным и крепким. Гай был младшим ребенком в семье, и старшие сестры баловали и с удовольствием нянчили болезненного, тихого, прилежного мальчика. Чарли Плэтт безошибочно выбрал первоклашку в качестве идеальной жертвы. Чаще всего измывательства кончались тем, что Гай вынужден был отдавать ему деньги, полученные на школьные завтраки.

Гай храбро сопротивлялся. Его старшие и куда более склонные к возне и озорству двоюродные братья частенько задирали и даже поколачивали его, но безуспешно. У Гая была тайна, которую он старательно скрывал от своей семьи. Гай панически боялся воды. Из-за астмы ему не разрешали не только плавать, но даже просто барахтаться в речке, протекавшей по окраинам городка. Холодная вода в любой момент могла спровоцировать очередной изнурительный приступ.

Чарли Плэтт разгадал его тайну и выяснил, что Гай не только воды боится, но и того, что о его слабости могут узнать другие. Нетрудно догадаться, что старшеклассник тут же обратил это себе на пользу.

Гай так и не смог забыть день, когда Чарли Плэтт окунул его в реку и продержал его голову под водой так долго, что

Гай уже было распрощался с жизнью, если бы не один из его двоюродных братьев, крепкий здоровяк, случайно оказавшийся на берегу реки. Увидев, что происходит, он вызволил Гая и восстановил справедливость – грубо, по-мальчишески. Больше Чарли никогда не пытался мучить Гая.

Гай научился плавать. Чарли окончил школу, и Гай встретил его несколько лет спустя. К тому времени Чарли уже всю пил горькую и совсем опустился.

И вот теперь Чарли умер... Гай испытывал скорее удивление, чем жалость или сожаление, и у него не было ни малейшего желания следовать лаконичным инструкциям, оставленным на его автоответчике некоей молодой особой, назвавшейся Крисси Олдхэм.

Интересно, кто она такая? По четкому, деловитому тону Гай решил, что она едва ли одна из тех особ женского пола, что сменяли друг дружку в доме Чарли. Наверное, родня Чарли наняла ее разобрать имущество покойного.

Гай нахмурился еще больше. Смерть Чарли поневоле заставила его задуматься о том, что ему скоро стукнет сорок, а похвастаться он может лишь кругленькой суммой в банке да тесным кружком близких друзей.

Эйврил, его старшая сестра, во время прошлых рождественских праздников увидав, как Гай весело играет и возится с ее внуками, твердила, что ему давно пора обзавестись семьей и детьми. Господи, у нее уже внуки! Но как-никак Эйврил на пятнадцать лет старше его.

Гай не горел желанием следовать ее советам. Ему трудно представить, что можно делить свою жизнь с другим человеком, не испытывая при этом такой горячей любви, без которой твое существование теряет всякий смысл.

Ему лишь однажды посчастливилось пережить подобную глубину чувств, а она... Гай вскочил, прошелся по комнате и, остановившись у окна, принялся разглядывать открывшийся вид.

Он переехал в этот дом шесть лет назад. Расположенный в престижном районе городка аккуратный особнячок был когда-то предназначен для служителей церкви. Через три дома от Гая жила Рут, приходившаяся Дженни теткой по мужу, а соседние дома занимали члены совета директоров крупнейшего в Хэслвиче концерна «Аарльстон-Бекер».

Гай подозревал, что среди его соседей были и такие, кто полагал, будто этот дом велик и слишком хорош для человека с плебейской фамилией Кук. Даже если этот Кук окончил престижную школу и университет и побывал практически во всех столицах Европы. И лишь тогда вернулся в родной городок и открыл собственное дело.

Гай взглянул на часы и вздохнул. До визита в дом Чарли Плэтта у него оставалось около часа, но на письменном столе громоздилась такая кипа бумаг, что и двух часов не хватит, чтобы со всем разобраться.

Криси выпрямилась и застонала. Безбожно ломило спину. С момента приезда в Хэслвич она не покладая рук уби-

ралась в доме покойного дяди. Состояние дома она могла охарактеризовать лишь словами «авгиевы конюшни».

Чарли, похоже, покупал все газеты, освещавшие скачки и бега, и не выбрасывал, а попросту сваливал их в огромную кучу на полу гостиной. Крисси собиралась устроиться именно там, но для этого требовалось избавиться от мусора. Впрочем, это еще цветочки. Выгребать пришлось не только газеты, но и письма, и счета – по большей части неоплаченные, – и всякую рекламную дребедень. Казалось, дядя Чарли хранил все на свете, как старьевщик.

Крисси не удивилась, что продавцы местного супермаркета стали поглядывать на нее с явным подозрением, когда она скупил почти все имевшиеся черные мешки для мусора.

Сперва она планировала сжечь ненужный хлам в крошечном садике, что располагался позади дома. Но поняла, что рискует спалить весь город, и была вынуждена обратиться в коммунальную службу.

Утром перед домом остановился пустой грузовик, и два дружелюбно настроенных грузчика принялись забрасывать в кузов полнехонькие мешки.

Дом стоял в ряду точно таких же коттеджей на окраине города, представлявшей собой нечто вроде естественной террасы. Когда-то на этом месте располагались укрепленные городские стены. Крисси догадывалась, что на постройку этих домов пошел «позаимствованный» у стен камень, точно так же, как и блоки, использовавшиеся прежде для строитель-

ства замка, превратившегося в руины в годы Гражданской войны.

Критически осмотрев дом, Криси решила, что он мог бы стать идеальным жилищем для холостяка или молодой пары без детей, не пожалей владельцы времени и немалых средств, чтобы превратить неказистую постройку в уютное гнездышко.

Несколько коттеджей по соседству были недавно обновлены, другие ремонтировались, и их свежевыкрашенные стены сильно контрастировали с запущенным домом Чарли.

Криси очистила от мусора вторую спальню, и теперь у нее наконец появилось место для ночлега. Мать Криси, несомненно, одобрила бы старательность, с которой девушка скребла ванную и кухню, прежде чем рискнула воспользоваться всеми удобствами. Криси, правда, еще не решила, безопасно ли будет хранить еду в холодильнике, из которого она успела выкинуть многочисленные заплесневелые припасы и остатки приготовленной когда-то пищи.

Однако худшее ожидало ее впереди: утром следующего дня у Криси была назначена встреча с поверенным покойного дяди.

Одежду Чарли Криси сложила в прозрачные пакеты. За ними должен был зайти представитель благотворительного общества.

В доме, как и предполагали родители, не оказалось ровным счетом никаких ценных вещей, продажа которых могла

бы облегчить выплату долгов. Криси не нашла ничего интересного, за исключением очень симпатичного столика из тиса.

В разговоре с матерью она упомянула о своей находке, и Роуз тут же вспомнила, что столик принадлежал ее бабушке, прабабушке Криси. – Пожалуйста, не продавай его, Криси, – попросила мать. – Лучше договорись, чтобы его оценили, и мы выплатим необходимую сумму. Знаешь, когда мама умерла, я спросила Чарли об этом столике, но он заявил, что ничего не знает. – Роуз вздохнула. – Наверное, можно было догадаться, что он оставит столик себе. Я очень рада, что он его не продал.

Криси пообещала вызвать эксперта-оценщика и сказала, что договорилась о встрече с антикваром. Ему предстояло оценить еще множество безделушек. Криси подозревала, что они не представляют никакой ценности, однако надо было в этом убедиться.

Столик, вне всякого сомнения, был очень хорош. Криси вытерла с него пыль, отполировала до блеска и внимательно рассмотрела. Столик был сработан на совесть и, кроме того, отличался каким-то неуловимым, женственным изяществом.

Криси взглянула на часы. Антиквар, рекомендованный ей поверенным дяди, должен появиться с минуты на минуту. Тисовый столик Криси предусмотрительно поставила в дальней гостиной, сложив все безделушки в прихожей. Как

только антиквар выскажет свое мнение, она сможет вызвать оценщика недвижимости и начать переговоры о продаже дома;

Крисси устало потянулась. Она вымоталась до предела, но мысль о том, что в доме не осталось ни пылинки, ни паутинки, доставляла ей искреннее удовольствие. Хотя, пожалуй, остатки паутины все же заметны, горестно вздохнула Крисси, обратив внимание на подозрительные пятна на своей футболке, утром блиставшей безукоризненной белизной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гай поднялся на крыльцо и резко постучал в дверь коттеджа. Помня, какой образ жизни вел Чарли Плэтт, Гай облачился в изрядно выцветшие, поношенные джинсы и столь же неприглядную, застиранную футболку, севшую из-за многочисленных стирок и теперь обтягивающую его грудь. Времена, когда его считали болезненным слабаком, навсегда остались в прошлом. Посещая аукционы антиквариата, Гай искренне забавлялся, когда его принимали за грузчика.

Крисси услышала стук в дверь и поспешила отпереть. Гай равнодушно взглянул на нее и собрался было представиться, как вдруг что-то заставило его посмотреть на нее более внимательно. Крисси ответила ему столь же потрясенно-напряженным взглядом.

Разумеется, она слыхала о так называемой «любви с первого взгляда» – кто же о ней не слышал? – хотя всегда считала это выдумкой.

Невероятно, что в наши исполненные сумасшедшего ритма дни можно вот так, всего за несколько секунд, испытать подобное озарение. Внезапно понять, что перед тобой тот самый единственный в целом мире мужчина, предназначенный тебе и больше никому, с которым тебе: суждено прожить всю жизнь, до самой смерти.

Впрочем, ни одно из этих логичных, достойных всяческих

похвал рассуждений не пришло Крисси в голову, пока она стояла и не отрываясь смотрела Гаю в глаза.

На улицах, в домах по соседству люди, наверное, продолжали заниматься своими обычными делами, но Крисси и Гай словно перенеслись в какой-то другой мир, принадлежавший теперь только им, где существовали лишь они и где не было места никому другому.

Крисси почувствовала, как бешено бьется сердце и кровь стучит в висках. Дыхание ее участилось и готово было вот-вот прерваться. Гай пристально всматривался в ее лицо, и она глядела на него так же внимательно и жадно.

В первое мгновение, стоя в дверях, она просто отметила, что антиквар очень хорош собой, красив настоящей мужественной красотой. Впрочем, не сводится же все только к тому, что Крисси сразила его внешность. Казалось, одним долгим взглядом Крисси сумела вобрать в себя не только его наружность, но и его характер, его душу, его мысли и чувства.

Похоже, между ними в одну секунду возникла невидимая, но становившаяся с каждым мгновением все прочнее связь, разорвать которую они уже не были вольны. Крисси отступила назад, пропуская антиквара в прихожую и пытаясь сообразить, что же именно могло стать причиной столь внезапно нахлынувшего на них обоих чувства.

Гай с трудом верил, что все это происходит с ним. Он, конечно же, знал, что в его семье поговаривают, будто, кроме чисто физического сходства с соблазнителем-цыганом, к

некоторым из Куков иногда по наследству переходят и определенные свойства души: склонность к внезапным увлечениям, например. Впрочем, до этого момента ничто не подсказывало ему, что он обладает подобной склонностью. Может быть, именно потому он не верил в такие пересуды.

Гай считал себя современным человеком, готовым перешагнуть в двадцать первый век. Тем удивительнее было неожиданное откровение, снизошедшее на него, когда дверь распахнулась и он, увидев на пороге ее, в ту же секунду понял, что заглядывает в глаза собственной судьбе, своему будущему. Ему казалось, он уже знает, каким мягким будет водопад ее темно-рыжих волос, когда заструится между его пальцев, знает, каким податливым будет ее тело и какова на ощупь ее кожа, чувствует ее сладостный аромат, знает, как она посмотрит на него и какое восклицание сорвется с ее губ в то мгновение, когда они вместе достигнут вершины наслаждения. Он знал... он все это знал заранее...

Гай слышал стук собственного сердца. Пульсация крови в висках наполнила его голову непрерывным барабанным гулом, предупреждающим о таящейся впереди опасности. Он знал, глядя на открывшую ему дверь девушку, что перед ним стоит единственная, предназначенная только ему женщина, которой суждено сделать его счастливым. Он знал и то, что, если сейчас протянет руку, она молча вложит пальцы в его ладонь и без колебаний последует за ним, позволит увести, завладеть ею в полном смысле этого слова. И вместе с тем

Гай сознавал, что перед ним стоит отнюдь не наивная и безвольно-покорная дурочка. Напротив, Гай отлично понимал, что смотрит в глаза исполненной чувства собственного достоинства женщины, уравновешенной, уверенной в себе.

Он шагнул в прихожую, она заперла дверь, и Гай инстинктивно поднял руку, чтобы коснуться ее лица. Крисси моментально повернула голову и прижалась губами к его загрубевшей ладони.

Гай услышал свой приглушенный стон и привлек девушку к себе. Ее тело идеально соответствовало его телу, что, впрочем, нисколько не удивило его.

Он не мог бы с уверенностью сказать, кого из них охватила более неистовая дрожь, когда наклонился и овладел губами девушки. Гай знал лишь, что тихий, полный мольбы о наслаждении стон, что сорвался с ее губ, тысячекратным эхом отозвался в его душе и теле.

Крисси чувствовала, что ее начинает колотить, словно в ознобе. Отвечая на поцелуи Гая, она будто шагнула в неведомое. Пару минут назад, отпирая дверь пунктуальному антиквару, Крисси и представить себе не могла, что стоит на пороге будущего, уготованного ей судьбой. Она никогда не относилась себя к той категории женщин, что стремятся начать знакомство с физической близости. Скорее напротив. Тем не менее сейчас Крисси сознавала, что, к чему бы ни привело ее желание близости с незнакомцем, в те секунды, когда они обменивались напряженными взглядами, они уже

сблизились так, как только могут стать близки мужчина и женщина.

Крисси никогда не думала, что будет способна подобным образом отреагировать на простое прикосновение мужчины, на его поцелуй, что сможет испытывать столь яростное, переполняющее все ее существо желание, она не представляла себе, что сумеет на расстоянии ощутить охватившее мужчину желание, почувствовать его с такой ясностью, словно не существовало между ними никакого барьера. Она понимала, как страстно он жаждет дотронуться до нее. Может быть, она знала все это потому, что сама отчаянно хотела его. Он жадно целовал ее, и она, отвечая на его поцелуи, слышала, как он тихо шепчет, что всю жизнь ждал встречи с ней, мечтал лишь о ней... И эти бессвязные слова, сливаясь, становились бурной рекой желаний и страсти, уносившей их все дальше и дальше.

Крисси не знала, как долго они простояли в прихожей, целуясь и лаская друг друга, сгорая от переполнявшего их желания. Когда наконец он отпустил ее, она дрожала так сильно, что с трудом держалась на ногах. Губы ее припухли от его поцелуев, их будто жгло огнем...

С трудом сглотнув, Крисси нашла в себе силы взглянуть в лицо антиквара. Почувствовав ее смятение, он взял ее руку в свою, и пожатие его сильных, теплых пальцев успокоило девушку.

– Если не ошибаюсь, у французов это называется «coup

de foudre».²

– Верно. – Голос Крисси чуть дрогнул. Она думала о том, как хорошо будет снова оказаться в его объятиях. Она откровенно хотела его, хотела, как женщина может хотеть мужчину, и от этого неутоленного желания у нее все внутри болело. Эта боль ничем не напоминала усталость, которая еще несколько минут назад ощутимо давала себя знать.

Гай мог сейчас думать лишь о том, как он жаждет ее. Честно говоря, он сам недоумевал, каким чудом ему удастся не прикасаться к ней. До сих пор он не причислял себя к разряду легковозбудимых мужчин, но сейчас...

– Со мной никогда ничего подобного не случилось, – тихо призналась Крисси.

– Отлично, – быстро отозвался Гай и добавил: – Мне кажется, я готов убить любого, кто мог бы...

Крисси кивнула, и он замолчал, однако она прекрасно поняла, что он хотел сказать. В ее душе тоже поднялась неистовая и жгучая ревность к любой женщине, встреча с которой могла бы произвести такой же эффект.

Крисси глубоко вдохнула, пытаясь вернуться с небес на землю, однако это было нелегко.

– Я так хочу тебя, – прерывающимся голосом выговорила она, и этого было достаточно, чтобы Гай быстро шагнул к ней и порывисто обнял.

---

² Coup de foudre (франц.) – внезапная страсть, любовь с первого взгляда (букв.: удар молнии).

Несколько бесконечно долгих минут в прихожей было слышно лишь их лихорадочное дыхание, учащавшееся по мере того, как поцелуи становились все более страстными. Крисси так и не узнала, кто поднес руку Гая к ее груди – он или она сама. Но, почувствовав прикосновение ладони, все ее тело вздрогнуло, словно от электрического разряда, пронзенное острым желанием. Крисси показалось, что ее захлестывает пламя и она плавится от вожделения.

– Не надо, прошу тебя, пожалуйста, – хрипло прошептала она, но тут же выгнулась, еще крепче прижимая к себе его ладонь, пока его большой палец ласкал ее сосок поверх футболки. Удовольствие стало почти невыносимым, и Крисси принялась молить Гая прервать эту сладкую пытку.

Крисси никогда в жизни не просила мужчину любить ее, ей и в голову не приходило, что она может быть способна на такую откровенность. С ней никогда ничего подобного не происходило. Она чувствовала себя странницей в неведомом мире, в стране, где не существовало ни правил, ни запретов и где ее единственными проводниками были ощущения и желания.

В ответ на ее мольбы Гай осторожно поднял пыльную футболку, и, едва его губы коснулись затвердевшего и уже успевшего припухнуть соска, Крисси чуть не потеряла сознание – настолько мощным оказался взрыв блаженства, в эпицентре которого она оказалась.

Она слышала, как Гай чуть слышно шепчет что-то, лаская

ее, и чувствовала, как велико и его желание. Ей страстно хотелось дотронуться до него, увидеть его, узнать его. Ласки его губ, не отрывавшихся от ее груди, оказалось недостаточно, чтобы погасить пожар желания, бушевавшего в ее теле. Ничто на свете не способно было сделать это, кроме...

Руки Крисси дрожали, когда она обхватила ладонями лицо Гая. Ей удалось чуть отстраниться от него. Он заглянул ей в глаза, а она, протянув ему руку, повела его в глубь дома.

Ее на удивление крепкая ручка казалась совсем маленькой в широкой ладони Гая. Они дошли до лестницы, и тут Гай замедлил шаг.

– Ты вообще не должна этого делать, если... – услышала она его хриловатый голос.

Несколько мгновений Крисси молча всматривалась в его лицо, прежде чем дать ему полный достоинства ответ:

– Нет, должна, но если ты не хочешь... Поняв, как она честна с ним, Гай захотел ее еще сильнее. Она так доверчива, так открыта своим чувствам, так... так совершенна...

– Тебе незачем спрашивать, – тихо ответил он, опуская вниз сокрушенно-насмешливый взгляд. – Боюсь, ответ и так слишком очевиден.

Крисси не смогла удержаться. Взгляд ее также метнулся вниз, и глаза округлились, когда она увидела, что он уже готов к бою. Крисси захлестнуло ни с чем не сравнимое наслаждение, и искушение протянуть руку и дотронуться до твердого, как сталь, ствола его желания оказалось столь велико,

что она с трудом заставила себя не делать этого. Но, должно быть, выражение лица выдало ее, поскольку Гай ответил ей благодарным взглядом.

Впервые в жизни Крисси поняла, что значит гордиться своим телом. Она догадалась, что когда Гай увидит ее обнаженной, то очевидность ее страсти наполнит его благоговейным трепетом, увеличивая возбуждение и желание. Крисси была уверена в этом, потому что сама испытает страсть при виде его обнаженного тела.

Рука ее слегка дрожала, пока она вела Гая к небольшой спальне, где решила устроиться.

Крисси открыла дверь и пропустила Гая вперед, и на минуту пожалела, что в комнате нет ничего, кроме отмытых до блеска стен и пола да надувного матраса, застеленного белым бельем, привезенным ею из дома. Хотя, с другой стороны, неужели им нужно что-то еще? Атласные простыни, или кровать под балдахин, или тяжелые занавеси и пушистые ковры? Они и без того обладали всем богатством чувственного мира, всей роскошью страстного желания.

Гай молча разглядывал комнату. Тут пахло свежестью, чистотой и еще чем-то неуловимым – спустя мгновение он сообразил, что это присущий самой Крисси аромат.

– Неужели ты поселилась тут? – поинтересовался он, нахмурившись. Дом был расположен в одном из самых неприглядных районов городка, и, хотя по большому счету Хэслвич был довольно тихим местечком, в последнее время по-

говаривали о банде юнцов, что орудует в этих кварталах. Со-
всем рядом, на соседней улице, полиция задержала подрост-
ков, торговавших наркотиками возле местного диско-клуба.

– Мне казалось, так будет разумнее всего, – ответила
Крисси.

Может быть, он ошарашен бедностью комнаты и отсут-
ствием мебели? А вдруг он считает, что Крисси торопится,
ускоряя и без того стремительное развитие событий? Ведь
он не знает, что все происходящее, как и желание Крисси
быть с ним, ее стремление уступить внезапно нахлынувшему
чувству, совершенно ново для нее.

– Если тебе тут не... – начала было она, но Гай не дал ей
закончить.

Обняв ее, он тихо произнес:

– Нет, тут просто замечательно. И ты замечательная. Так
и должна начинаться настоящая любовь – не под внешним
нажимом, в тщательно продуманных и подобранных деко-
рациях, в покоях с роскошной мебелировкой, а именно так,
именно здесь, где все совершенно естественно. Нам не нуж-
но играть в соблазнение, ведь этого и не происходит. И ни-
какая роскошь не сравнится с твоей красотой и чудом того,
что случилось с нами, того, что нам с тобой предстоит...

Крисси почувствовала, как к ее глазам подступают слезы.
Этот человек словно сумел прочитать ее мысли, словно по-
нял все, о чем она мечтала. Это было вдвойне удивительно,
как будто они уже стали половинками одного целого.

Крисси медленно подняла руку, дотронулась кончиками пальцев до его губ и вздрогнула, ощутив контраст между чуть шероховатой кожей его щеки и шелковистой мягкостью губ.

– Крисси...

Он медленно, один за другим, захватил ее тонкие пальцы в рот и принялся посасывать, не отрывая глаз от ее лица.

Крисси ответила ему столь же красноречивым взглядом, даже не заметив, что из ее груди вырвался тихий стон. Какое-то новое ощущение заставило ее трепетать, повинуюсь ритмичным движениям его губ и языка, ласкавших ее пальцы.

Тело Крисси таяло и плавилось, в нем бушевали древние, как само человечество, желания. Неожиданно ей показалось, что одежда заковала ее в неприступную, непомерно тяжелую броню, и ей отчаянно захотелось поскорее избавиться от нее/

В прошлом, переживая моменты близости с мужчиной, Крисси неизменно играла пассивную роль, уступая инициативу партнеру. Ей и в голову не приходила мысль о возможности такой ситуации, когда она сама начнет нетерпеливо теревить свою одежду, торопясь освободиться от нее, чтобы ощутить прикосновение мужских рук. Но ведь сейчас все совсем по-другому... Тихое и раздраженное фырканье от невозможности сразу сбросить мешающую одежду сменилось удовлетворенными вздохами, когда Гай пришел ей на помощь. Когда наконец Крисси предстала перед Гаем совер-

шенно обнаженная, ее поджидало новое потрясение: оказалось, что незнакомый аромат, облаком окутывавший ее тело, был запахом ее возбуждения. Не готовая к такому откровению, Крисси страшно смутилась, но Гай, похоже, смотрел на происходящее с иной точки зрения и не замедлил сообщить ей об этом.

Прижавшись лицом к ложбинке между ее грудями, он восторженно прошептал:

– От тебя так чудесно пахнет! Ты – чудо!

– Я... здесь, кажется, есть душ, – пробормотала Крисси, но, словно угадав ее мысли, Гай улыбнулся, покачал головой и решительно возразил:

– Нет. Разве ты не знаешь, как это замечательно, как прекрасно? Неужели не догадываешься, как твое благоухание заставляет меня еще сильнее желать дотронуться до тебя, попробовать на вкус, быть с тобой?..

Впервые с момента их встречи, когда они заглянули друг другу в глаза и поняли, что это судьба, Крисси испытала некоторую неуверенность.

– Я вовсе не хочу, чтобы ты была намыта до блеска и скрипа, – со значением добавил Гай. – Я хочу тебя такой, какая ты есть. Ты – настоящая женщина, такая прекрасная и страстная, и ты хочешь меня, и от тебя исходит аромат твоего желания... Я хочу, чтобы ты хотела меня так же, как и я, – хрипло добавил он.

– Я хочу, – прошептала Крисси в ответ и тут же поняла,

что сказала чистую правду и что ей страшно хочется вдохнуть запах его тела и ощутить вкус его кожи.

Взгляд в очередной раз выдал ее, и Гай пробормотал:

– Ты ведь понимаешь, о чем я? Правда? Все, что ей надо было сделать, – это кивнуть головой и, трепеща от нетерпения, ждать, пока он срывал с себя свою одежду. Его тело было стройным, сильным и мускулистым, как у настоящего спортсмена. При виде мягких темных волос, что шелковистыми завитками украшали его кожу, Криси задрожала, предвкушая момент, когда сможет дотронуться до них.

Опыт личной жизни Криси был не так уж велик, и она готова была признать, что ее предыдущие связи были довольно прозаическими и даже в некоторой степени заурядными. Однако сейчас ей захотелось рассмотреть Гая, и она с чисто женским любопытством разглядывала его тело, не только ради простого сравнения, но и – Криси с тихим ужасом осознала это – инстинктивно стремясь понять, будет ли он способен утолить неистовый голод, которому она была уже не в силах противиться.

Криси не знала, как долго, сосредоточенно нахмурившись, она в упор рассматривала Гая, пока наконец он не заинтересовался с напускным весельем:

– Ну, что скажешь – я годеи?

Криси в ужасе отвернулась, судорожно кивая головой и испытывая муки раскаяния, но Гай расхохотался и обнял ее.

– Все в порядке, – тихо заверил он ее. – Ты имеешь пол-

ное право смотреть и судить. Крисси, между нами не должно быть никаких недомолвок, никаких запретных мест или тем. Мы же с тобой ждем не этого. Совершенно естественно, что тебе хочется глядеть на меня. В конце концов, разве мы не наслаждаемся вкусной едой еще и потому, что нам приятно на нее смотреть? И я, глядя на тебя, испытываю еще большее желание – так же, как и ты, – мягко закончил он.

Прежде чем Крисси успела что-либо ответить, он наклонился и поцеловал ее.

Медленно, очень медленно Крисси все крепче прижималась к нему, пылко возвращая поцелуи, словно рыбка, заглатывающая наживку, и не догадываясь, что сама была для него приманкой. Руки Гая обвили ее вокруг, и вдруг его язык, который она все пыталась поймать, перестал лукаво поддразнивать ее и начал ритмичный танец с ее собственным языком. Волна наслаждения закружила Крисси в таком бешеном водовороте блаженства, что она прильнула к Гаю, не в силах сдержать дрожь восторга.

Казалось, Гай ничуть не удивился, он привлек Крисси к себе и, пока руки его скользили вниз по ее телу, нашептывал ей, как сильно он хочет быть с ней и подарить ей наслаждение.

Крисси испытывала столь же всепоглощающее желание, и вот наконец Гай подхватил ее на руки.

Когда он бережно опустил ее на матрас, она ощутила тепло его дыхания на своей коже, которая, казалось, и без того

пылала как в огне. Потрясенная, Крисси зажмурилась и едва не застонала, когда губы Гая легко коснулись ее, а его язык принялся вычерчивать таинственные узоры на ее животе.

Внезапно что-то внутри у нее как будто взорвалось, словно заиграл тысячами огней неведомый фейерверк. Это ощущение было почти неуловимым и одновременно таким мощным, что Крисси замерла от изумления.

– Ну как? – услышала она прерывистый голос Гая. – Тебе нравится?

Нравилось ли это ей?! В ответ Крисси нашла в себе силы лишь слабо застонать и резко вздохнула, когда губы Гая начали неспешно спускаться все ниже и ниже. Его прикосновения были совсем мягкими, однако тело Крисси отзывалось на эту ласку, ввергая девушку в пучину первобытного ритма.

Нежное прикосновение руки Гая к самой сердцевине ее женственности вызвало у нее столь сильное наслаждение, что она вскрикнула.

Наверное, именно от благоговейного изумления Крисси открыла глаза и увидела, как Гай с сосредоточенным, как перед битвой, видом опускается на колени между ее ног и осторожно приподнимает ее, прикикая к волшебному цветку. Крисси не испытала в это мгновение никакой ложной скромности, никакого пуританского желания прикрыться или оттолкнуть Гая. Напротив, в душе ее разливалось сознание, что все происходящее прекрасно и совершенно, что только так все и должно происходить. Язык Гая проник во влажные ле-

пестки, но Крисси лежала неподвижно, наблюдая за ним, дыхание ее было почти ровным, пока наконец Гай не добрался до сокровища, которое искал, и не принялся ласкать его все более и более страстно. Что-то дрогнуло в теле Крисси, заставляя ее резко вскрикнуть и начать в ответ на его прикосновения неистово-ритмичные движения. Столь неистовые, что пальцы Гая крепче вонзились в ее плоть, пытаясь удержать, а Крисси стонала и извивалась под ним и сама не знала, чего ей так отчаянно хочется: отпрянуть в сторону и прекратить это сладкое мучение или же жадно открыться ему навстречу, прося подарить ей новое блаженство.

Тело ее было отлично осведомлено обо всех ее желаниях и потребностях, и стон возбуждения, вырвавшийся из ее груди, подсказал Гаю, что надо делать.

– Нет, прошу тебя, нет, не надо, – как в бреду, молила Крисси, захлебываясь в горячих волнах наслаждения и испытывая смутное благоговение перед тем, что оказалась способна на такую глубину переживаний. Она инстинктивно боялась потерять контроль над собой, потерять что-то, бывшее до сих пор неотъемлемой частью ее «я».

Теперь власть над ее телом и душой перешла к Гаю, и это страшило ее.

– Перестань, – умоляла она и вдруг добавила: – Я боюсь...

– Чего? – напряженно спросил Гай. – Этого? – Он всмотрелся в ее лицо, и она в тысячный уже раз вздрогнула под его прикосновением.

– Все слишком внезапно, слишком... ново для меня... – неохотно призналась Крисси. – Я не... я еще никогда не...

– Ты знаешь, что такое физическая близость, – догадался Гай, – но раньше у тебя все было иначе. Ты никогда не отдавалась вот так, не только телом, но и всеми чувствами, всем существом. Знаешь, я тоже ужасно боюсь, – признался он, – боюсь разочаровать тебя, оказаться не на уровне, и боюсь, что испорчу все, что началось между нами.

– Не смей так думать, – тихо ответила ему Крисси и поняла, что должна сказать что-то еще. – Я хочу тебя, – страшно волнуясь, добавила она и протянула к нему руки, задрожав всем телом в ответ на его исполненный желания взгляд.

Не в силах остановиться, Крисси дотронулась кончиками пальцев до его твердого, как сталь, копья, а затем медленно и нерешительно провела рукой к самому основанию.

Теперь настала очередь Гая задрожать в экстазе и застонать. Он закрыл глаза и чуть слышно прошептал:

– Господи, как хорошо... – Неожиданно он напрягся и снова застонал, потом наклонил голову, подхватил грудь Крисси ладонью и втянул сосок в рот, перекатывая его языком. Мысль о том, что он делает это не только для того, чтобы доставить удовольствие ей, но и потому, что сам этого хочет, была для Крисси долгожданным доказательством ее женского могущества. Да, сейчас ему отчаянно хотелось ощутить мягкость ее груди, точно так же, как и ей хотелось почувствовать его внутри себя.

– Гай, пожалуйста, сейчас, – прошептала Крисси такие банальные слова между лихорадочными поцелуями, забыв о том, как боялась потерять голову и контроль над собой. Ее переполняло властное желание, перед которым она была совершенно бессильна, – начав неизменный цикл, они должны были приблизиться к его неизбежному завершению, и ей хотелось...

С губ Крисси сорвался пронзительный крик восторга, едва она ощутила первое движение плоти Гая, наполнившей все ее существо.

– Ты прелесть, – услышала она его хриплый голос. – Мы с тобой созданы друг для друга, это невероятно...

Крисси не в силах была что-либо ответить. Впрочем, этого и не требовалось. Ее тело, податливо отвечая на его ритмичные движения, уже сообщило ему все, что он хотел узнать.

Крисси никогда раньше не подозревала, что близость мужчины и женщины может быть столь прекрасна, что два тела могут столь идеально подходить друг другу – казалось, они были половинками одного целого. Гармония, установившаяся между их душами и телами, была столь полной, что Крисси ощущала волны удовольствия, пробегавшие по телу Гая, и знала, что и он воспринимает малейшую реакцию ее тела на его движения. Каким-то чудом он угадывал, чего она хочет и в какой именно момент. Он знал это прежде, чем она готова была сказать ему, знал даже прежде, чем она сама об этом догадывалась.

Они достигли вершины наслаждения вместе.

Сердца их бились как одно, и одна и та же волна блаженства вознесла их к небесам.

– О, Гай!.. – Крисси расплакалась от полноты захлестывавших ее чувств, и Гай обнял ее.

– Знаю, знаю, я все понимаю, – нежно успокоил он ее и смахнул слезы с ее щек, а затем страстно приник к ее губам. Тепло его тела обволакивало Крисси, Гай ласково гладил ее кожу, словно даже мысль о том, что вот-вот ему придется выпустить девушку из своих объятий, была ему ненавистна. – Ты чудо, ты настоящее чудо! – проникновенно воскликнул он. – О Господи, как же мне с тобой хорошо!

– Я до сих пор не могу поверить всему, что было, – призналась Крисси, неожиданно смутившись. – Все до того... Просто я не...

– Думаешь, я сам всего этого не чувствую? – перебил ее Гай, завладел ее рукой и, подняв к своим губам, поцеловал мягкую ладошку и накрыл ее пальцы своими. – Ведь все, что случилось между нами, – это не скоротечный роман. Нам с тобой не надо ни лгать, ни притворяться. То, что было... то, что может быть у нас с тобой... – Он замолчал и покачал головой. Крисси посмотрела на него и увидела, что глаза его стали влажными.

– Ах, Гай... – выдохнула она. Теперь настала ее очередь утешать и успокаивать его, и она поцеловала его в губы, постаравшись вложить в этот поцелуй всю любовь и нежность,

что переполняли сейчас ее сердце.

– Нам нужно условиться, когда мы сможем встретиться и обо всем поговорить, – нетвердым голосом произнес Гай, взглянув на Криси. – Нет, только не здесь, – добавил он, словно прочитав ее мысли. – Если я останусь с тобой... – Он застонал и зажмурился. – Приглашаю тебя поужинать сегодня вечером. Моя сестра со своим мужем держат небольшой ресторан, и мы могли бы встретиться там. Не буду предлагать заехать за тобой, – тихо продолжил он, – потому что... – Он окинул красноречиво-выразительным взглядом ее полуобнаженное тело, такое прекрасное, словно излучавшее ленивое удовлетворение после их страстной любви...

Гай прав. Им действительно надо поговорить. Криси хотелось о многом расспросить его, многое узнать о нем...

– Как глупо, что я повстречал тебя именно здесь, в доме Чарли Плэтта, – пробормотал Гай. Увидев, что Криси нахмурилась, он пояснил: – Мы с ним не ладили.

– Ты его терпеть не мог, – догадалась Криси и отвернулась, чтобы он не увидел ее лица.

– Да, верно, я терпеть его не мог... – мрачно подтвердил Гай. – Собственно говоря... – Он покачал головой. – Давай лучше не будем говорить о Чарли Плэтте. Слава Богу, нам с тобой нет до него никакого дела.

Криси открыла рот, чтобы ответить ему.

– Гай... – начала было она и тут же замолчала.

– Мне нравится, как ты произносишь мое имя, – нежно

откликнулся он. – Когда я слышу твой голос, мне хочется целовать тебя – вот так...

– Ты так и не взглянул на мебель, – с трудом переводя дыхание, нежно упрекнула его Крисси десять минут спустя.

– В другой раз, – ответил Гай, и выражение его лица внезапно переменилось. Глаза его потемнели, став совсем бездонными, и он хрипло поинтересовался: – Ведь будет еще и другой раз, правда, Крисси, и еще один, и еще один?.. – Он снова принялся целовать ее, и между страстными поцелуями Крисси каким-то чудом удалось убедить его, что впереди у них – вся жизнь, и даже больше того.

Прошел целый час, прежде чем они приняли душ, оделись и, наконец, расстались до вечера.

Крисси прилежно записала, как найти ресторан, принадлежавший сестре Гая, и, когда он ушел, ей оставалось лишь сидеть и смотреть на бумажку с адресом, считая минуты и секунды до новой встречи.

Крисси была погружена в мечтания, уносящие ее куда-то вдаль на золотистом облаке, когда зазвонил телефон.

Задумчиво улыбаясь, Крисси сняла трубку и принялась отвечать на вопросы матери.

– Голос у тебя очень довольный, – заметила мать.

– Так оно и есть, – подтвердила Крисси и преподнесла матери тщательно отредактированный отчет о последних событиях.

Крисси всегда была откровенна с родителями, у нее нет

от них никаких секретов, но сейчас она стала понимать, что некоторые вещи могут быть так дороги и святы, что ими нельзя делиться ни с кем, кроме человека, который переживал их вместе с тобой.

– Я согласна, это звучит невероятно, – вздохнула Крисси, – и, скажи мне кто-нибудь раньше, что мы с Гаем полюбим друг друга с первого взгляда, я бы, несомненно, ответила, что такого быть не может, но теперь...

– Ох, Крисси, а ты уверена? Мне кажется... – прервала ее мать, – да, дорогая, я понимаю, все началось просто чудесно, и я, конечно же, очень за тебя рада, но...

– Он просто чудо, – заверила ее Крисси. – И даже еще лучше, – добавила она, обращаясь скорее к самой себе, чем к своей собеседнице. – Кстати, Гай был знаком с дядей Чарлзом, и мне показалось, что он его просто не выносил.

– А ты сказала ему, что Чарлз приходится тебе дядей? – обеспокоено поинтересовалась мать.

– Нет, не успела, – ответила Крисси. – Но Гай пригласил меня поужинать с ним, и я все расскажу ему вечером.

На другом конце провода наступила тишина, и мать Крисси с сомнением протянула:

– Милая, ты считаешь, это разумно? Я терпеть не могу совать нос в дела, которые меня не касаются, но ты же сама говоришь, что Гай, похоже, не слишком-то высокого мнения о твоём дяде. Может, не стоит ему ничего говорить о твоём... родстве с Чарлзом – по крайней мере до тех пор, пока вы с

ним не познакомитесь поближе.

– Ты советуешь мне солгать Гаю? – недоверчиво переспросила Крисси, потрясенная предложением матери.

– Нет! Но ведь и ложью это не назовешь... – ответила мать и вновь умолкла. – Знаешь, мне очень тяжело думать, что репутация дяди может испортить твоё счастье. Наверное, мне не следовало этого говорить, но ты же понимаешь, что порой люди склонны судить чересчур строго. Разумеется, когда вы с Гаем узнаете друг друга получше...

– Ты считаешь, что Гай может отшатнуться от меня, узнав про дядю Чарлза? – медленно спросила Крисси.

– Не знаю, милая... Надеюсь, этого не произойдет, но... ведь твой дядя...

Ей не надо было продолжать, Крисси и так уже знала все, что хотела сказать мать. Ее дядя был не только лгуном и мошенником, но еще и вором.

– Извини, что расстроила тебя, – услышала Крисси грустный голос матери, – поверь, мне вовсе этого не хотелось.

– Нет-нет, все в порядке, – Крисси попыталась успокоить мать. – Знаешь, мне противно лгать и обманывать... тем более когда это касается Гая.

Но сама мысль о том, что какая-то мелочь может омрачить ее счастье, наполнила душу Крисси такой болью, что ей стало страшно за свою только что зародившуюся любовь. Инстинктивно захотелось защитить свое чувство, отвести в сторону все, что могло бы хоть как-то угрожать ей и Гаю.

– Ты уже просила Гая оценить столик? – поинтересовалась мать, и Крисси вспыхнула, сообразив, что даже не успела предложить ему взглянуть на столик.

– Нет... еще нет, – призналась она. – Может быть, лучше, если это сделает кто-то другой? – предложила она. – Мне не хочется, чтобы Гай решил, что я прошу его занижить стоимость столика, чтобы нам можно было заплатить за него как можно меньше, только потому, что... Ну, ты понимаешь, о чем я, – сбивчиво объяснила она.

– Да, да, отличная идея, – согласилась с ней мать. – Ты права. Столик дорог и мне, и твоему отцу именно потому, что с ним связано так много воспоминаний. Мы оба решили, что заплатим за него ту цену, которую назначит оценщик. Хотя мне кажется, что по закону половина имущества Чарльза все равно должна принадлежать мне. Конечно, доказать это было бы непросто, и теперь, когда я думаю о тех бедолагах, которых облапошил твой дядя...

Крисси не ответила. Она знала, что родители намеревались получить у юриста Чарльза возможно более полный список всех его кредиторов, чтобы рассчитаться с ними – разумеется, из своего кармана. Крисси была уверена, что денег, вырученных от продажи дома, едва ли хватит, чтобы с ними расплатиться.

– Ладно-ладно, – ласково поддразнила ее мать, когда Крисси решила сменить тему разговора. – Скажи-ка лучше, когда ты познакомишь нас с твоим Гаем?

– Пока не знаю, – твердо ответила ей Крисси. – Не раньше, чем ты вернешься из-за границы. Обещаю, что буду думать о тебе часто-часто. – Крисси была рада, что мать не видит, как лицо ее залил румянец. Для нее было вполне естественно посвящать мать в свои переживания. Однако Гай появился в ее жизни совсем недавно, и любовь, вспыхнувшая в ее сердце, казалась Крисси таким чудом, что ей не хотелось пока ни с кем делить его.

– Столик на двоих... А вдруг они уже все заказаны? – засмеялась Фрэнсис Сортер, глядя на брата.

Некоторое время назад, когда Гай предложил мужу Фрэнсис свою помощь, Фрэнсис опасалась, что мужчины не смогут поладить. Оба отличались хотя и спокойным, но властным характером, оба привыкли сами принимать решения и распоряжаться. Но теперь Фрэнсис убедилась, что беспокоилась напрасно.

Мужчины быстро нашли общий язык, и Фрэнсис испытывала к брату искреннюю благодарность не только за финансовую поддержку или полезные связи. Именно Гай подал им идею расширить дело и заново отделать большой зал. Фрэнсис и Рой не слишком-то охотно пошли на дополнительные расходы, однако Гай сумел их убедить сделать это. И он оказался прав. Незамысловатые, чуть старомодные, но безукоризненно приготовленные блюда традиционной кухни, которые мастерски стряпал муж Фрэнсис, быстро помогли ресторану обзавестись постоянной клиентурой, так что дела по-

шли намного лучше, чем они ожидали.

Рой настаивал на приобретении продуктов только самого лучшего качества и предпочитал закупать овощи и мясо на рынках вблизи городка. При одном упоминании о его знаменитом пироге с мясом у мужчин текли слюнки, а их жены то и дело сетовали, что их кулинарные таланты непрерывно сравнивают с мастерством Роя – причем явно в его пользу.

– Однажды Пол заявил мне, что пирожки у Роя намного лучше, чем у моей матери, – в порыве откровения призналась Фрэнсис одна из посетительниц.

Оба сына Фрэнсис учились в колледже, специализируясь на работе с клиентами и тонкостях сферы обслуживания, и скоро им предстояло продолжить дело родителей. Миранда, их дочь, открыла свое собственное дело. Ее фирма занималась выездным обслуживанием и организацией вечеринок и банкетов. Она свято соблюдала семейные традиции, что можно было выразить одной короткой фразой: традиционная местная кухня и отличное качество.

– Ужин с деловым партнером? – поинтересовалась Фрэнсис и многозначительно умолкла.

Гай в упор посмотрел на нее.

– Нет, – спокойно ответил он.

– Нет? Значит... женщина? – предположила Фрэнсис.

– Действительно, женщина, – подтвердил ее догадку Гай, с трудом сдержавшись, чтобы не сказать, что речь идет о самой главной женщине в его жизни. Впрочем, он хорошо знал

свою сестру, как знал и то, что каждое его слово завтра же станет известно всему клану Куков. Пожалуй, он не готов еще к столь широкому оповещению общественности. Ему хотелось побыть с Крисси наедине и не делить ее ни с кем, и уж тем более – со своими любопытными и чересчур общительными родичами.

– Ох, я чуть было не забыла сказать! – воскликнула Фрэнсис. – Совершена еще одна кража со взломом – на этот раз у Лаймсов. Полиция считает, что это работа целой банды профессионалов.

Один из двоюродных братьев Роя был полицейским в Честере. Нахмурившись, Гай выслушал подробности.

– Полиция подозревает, что банда кочует из города в город и дочиста грабит дома побогаче, а потом меняет место. За ценными вещами они не охотятся, как-никак они застрахованы и спрятаны, но, судя по всему, им отлично известно, где что лежит. Ясное дело, Честер со своими антикварными лавочками и массой туристов просто идеальный город для сбыта краденого. Полиция зачастую не успевает даже распространить списки похищенного.

– Угу. Все это настоящий кошмар для честных торговцев, – кивнул Гай. – Представь только, что тебе удастся приобрести ценную вещь и вдруг выясняется, что она в розыске.

– А как у тебя дела с антикварной ярмаркой? – спросила Фрэнсис, меняя тему.

– Отлично, – ухмыльнулся Гай. – Честно говоря, я сам

удивляюсь, что все идет так хорошо. Заявок поступило уже столько, что боюсь, хватит ли всем места. Мне пришлось от-
править немало вежливых отказов.

– Три года назад все было иначе, – напомнила ему сестра. – Тогда ты чуть ли не умолял клиентов посетить ярмарку.

– Не бреди душу, – жалобно попросил Гай.

– Но ведь тогда все прошло отлично, – возразила сестра. – Вспомни, ты же получил неплохую прибыль и даже кое-что пожертвовал благотворительным фондам. В этом году ты тоже так поступишь?

– Конечно. Вряд ли Дженни или Рут позволят мне загра-
бастать всю выручку.

Фрэнсис расхохоталась.

– Рут Крайтон молодец, что организовала приют для ма-
терей-одиночек! – сказала она. – Городок у нас небольшой,
все друг друга знают – мне кажется, именно поэтому люди
охотно станут жертвовать на приют. Последний раз, когда
Рут с Грантом заезжали ко мне, она упомянула, что соби-
рается нанять консультантов-психологов и подумывает при-
гласить проходящих няню и медсестру для ухода за матеря-
ми и малышами.

– Господи, и ты туда же! – простонал Гай. – Дженни только
об этом и говорит, только этим и занимается. Мне кажется,
она вот-вот решит уступить мне свою долю в антикварном
магазине и с головой уйдет в дела матерей-одиночек.

Фрэнсис устремила на Гая пронизательный взгляд. Гай и

Дженни были знакомы уже много лет и не первый год были деловыми партнерами, хотя для Дженни торговля антиквариатом всегда была скорее хобби. Время от времени Фрэнсис казалось, что эта их деловая дружба переходит в нечто более серьезное. Хотя вполне очевидно, что Дженни предана своему мужу, Джону Крайтону, одному из владельцев юридической фирмы. Столь же ясно – по крайней мере Фрэнсис – и то, что Гай относится к своей коллеге с нежной привязанностью, если не сказать больше. И вдруг, судя по тому, что он заказал столик для двоих, в его жизни возникает еще какая-то женщина;

Фрэнсис была отнюдь не глупа и отлично знала, что брат никогда не придерживался монашеского образа жизни. Лет десять-пятнадцать назад вокруг него увивалось множество молоденьких красоток. Но ему вот-вот стукнет сорок, и сердце его давненько свободно. Так кто же эта новая женщина и где Гай успел с ней познакомиться? – с любопытством размышляла Фрэнсис. Надо будет порасспросить родичей, решила она, посылая брату младенчески невинную улыбку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Крисси только что вылезла из ванны, когда кто-то постучал в дверь. Набросив махровый халат, она спустилась вниз и, проверив, плотно ли держится цепочка, отперла дверь. Недоумение моментально сменилось радостной улыбкой, и Крисси вдруг стало жарко: на пороге стоял Гай с огромным букетом цветов.

– Мы же договорились встретиться в ресторане, – напомнила она и, смеясь, побранила его за расточительность – шутка ли, в ее руках оказалась целая охапка роз.

– Знаю, – нежно ответил он, окидывая ее таким выразительным взглядом, что тело ее сладко заныло.

– И еще ты сказал, что, если ты... то есть мы... – начала было Крисси, удаляясь в кухню, чтобы разместить цветы в маленькой раковине.

– Я отлично помню, что я сказал и почему, – ответил Гай у нее за спиной. Она повернулась и очутилась в его объятиях, а он добавил: – Я был прав. Господи, как же я соскучился по тебе!

– Не может быть, – прерывающимся голосом возразила Крисси. – Прошло всего несколько часов, и...

– Несколько часов, несколько минут, какая разница? Стоит мне хоть на мгновение расстаться с тобой – и мне кажется, что я не видел тебя целую вечность! – страстно восклик-

нул Гай.

С утра Крисси ничего не ела, и, должно быть, от голода голова ее слегка кружилась и все кругом словно уплывало куда-то. Наверное, дело именно в этом. Хотя...

– Мы опоздаем на ужин, – предупредила она Гая, когда он принялся целовать ее, а руки его забрались под распахнувшиеся полы халата, неспешно лаская ее обнаженное и еще влажное после купания тело.

– А ты спешишь? – хрипло поинтересовался он.

Крисси помотала головой.

Теперь Крисси уже знала, чего ожидать, и подумала, что ее реакция на сей раз будет более предсказуемой, более спокойной, лишенной волшебства новизны, но она быстро обнаружила, что ошибалась. Напротив, их желание, их страсть были еще более всепоглощающими и захватывающими, чем в первый раз. Тела их двигались в полной гармонии.

– У меня никогда ничего подобного не бывало, – прошептал Гай, крепко обнимая Крисси, когда пик наслаждения миновал.

– И у меня тоже, – ответила Крисси. – Мне... знаешь, мне немного страшно, – тихо призналась она. – Все слишком... чересчур прекрасно.

– Чересчур прекрасно? – рассмеялся Гай. – Да разве так бывает? – поддразнил он.

Крисси расхохоталась в ответ, но смех замер на ее губах и глаза затуманились от страсти, когда Гай вновь начал ласкать

ее. Склонив голову, он нежно целовал и теребил ее упругий сосок, а затем медленно и бережно обхватил темно-розовый бутон губами, и Крисси задохнулась от наслаждения и прильнула к нему, чувствуя, что мощный порыв страсти и нежности вновь уносит ее вдаль.

– Ты знаешь, что я никогда не смогу отпустить тебя, расстаться с тобой? – спросил Гай, когда неистовый пламень страсти сменился мерцанием нежности.

– Мне кажется, и я никогда не смогу разлучиться с тобой, – призналась Крисси и зажмурилась. Ее переполняли странные чувства – к глазам подступали слезы и одновременно хотелось смеяться от счастья. – Я до сих пор не могу поверить в случившееся, – добавила она. – Ведь я приехала в Хэслвич, чтобы побыстрее разобраться с моими... моими делами.

– Ты приехала потому, что судьбе было угодно, чтобы мы встретились, – тихо поправил ее Гай.

– Я... я приехала, чтобы представлять интересы... – Крисси умолкла. И хотя помнила наставления матери, она понимала, что должна сказать Гаю правду и объяснить, кто она такая.

Впрочем, у него на уме сейчас совсем иное, и Крисси забыла, что хотела поговорить с ним, поскольку он принялся целовать ее!

– Ты опоздал! Но можешь считать, что тебе крупно повезло, раз твой столик все еще свободен, – сурово обратилась к

Гая сестра, когда он появился в ресторане на два часа позже назначенного срока.

Стоявшая рядом с ним Крисси виновато покраснела, сообразив, как, должно быть, она сейчас выглядит и сколько мельчайших, но красноречивых деталей предательски выдают, чем именно они были заняты последние два часа.

Никакая косметика не могла скрыть счастливый блеск ее глаз, до сих пор пылавшее горячим румянцем лицо, припухшие от бесчисленных поцелуев губы. Невозможно было сбросить ленивую истому, владевшую ее тело. Крисси не могла не заметить, что сестра Гая разглядывает ее – деликатно, но весьма внимательно.

Брат и сестра были похожи друг на друга – оба черноволосые и оба отличались поразительной красотой. Когда чуть раньше Крисси высказала искреннее восхищение мужественной красотой Гая и смуглым цветом его кожи, он сообщил ей, что внешностью своей обязан цыганским генам, унаследованным от одного из предков.

– В свое время эта история наделала немало шума, – сказал Гай и поведал Крисси о том, почему в его жилах течет цыганская кровь, добавив, что даже сейчас на их семейство все еще посматривают косо из-за событий тех давних дней. – Жители маленьких городов всегда очень памятьливы, вот почему до сих пор помнят о тех временах, когда слова «цыган» и «вор» означали примерно одно и то же. Я говорю это потому, что хочу, чтобы ты представляла себе, кто я такой, –

сообщил он, пристально глядя на нее. – Ведь ты, любовь моя, должна знать обо мне и плохое, и хорошее, поскольку я собираюсь быть с тобой рядом всю жизнь.

Крисси была настолько потрясена, что не смогла ни связно ответить, ни рассказать ему о своей собственной семье.

– Он определенно влюблен! – воскликнула Фрэнсис, обращаясь к своему мужу, как только проводила гостей к их столику и вернулась на кухню. – Все ясно! Ты бы видел, как он смотрит на нее.

– Еще бы! – фыркнул супруг. – Да ведь Гаю уже считай сорок, и, насколько мне известно, за ним кто только не бегал, но он никому до сих пор на крючок не попадался, так что...

– Сейчас все иначе, – перебила его жена, удивляясь, до чего же мужчины подчас непроницательны. Взглянув на часы, Фрэнсис решила, что, пожалуй, успеет кое-кому позвонить. Остальным членам семьи, несомненно, будет интересно узнать эту потрясающую новость, и она готова с ними поделиться.

– Не смотри на меня такими глазами, не то нам придется уйти, – предупредил Гай.

– Какими глазами? – невинно удивилась Крисси.

Разумеется, ответ ей был отлично известен. От одной мысли о том, что она не в силах отвести взгляд от его глаз, от его губ, от его тела, у нее кружилась голова и сладко замирало сердце. Такого с ней никогда еще не случалось. А может быть, она только теперь стала самой собой?

– Прекрати, – попросила она тихонько, когда он в ответ на ее слова окинул ее столь откровенно восхищенным взглядом, что ей стало жарко. – Нам надо сохранять благоразумие, – заявила она. – Мы...

– Благоразумие? – горестно воскликнул он. – Да мне меньше всего хочется сейчас быть благоразумным, но ты, полагаю, права. Я ведь даже не знаю, сколько ты пробудешь здесь, или...

– Я и сама еще не знаю, – ответила Крисси. – Завтра утром я должна встретиться с неким Джоном Крайтоном.

– А, с мужем Дженни, – перебил ее Гай и добавил: – Мы с Дженни – партнеры по антикварному бизнесу.

Крисси нахмурилась, что-то в его голосе, когда он произнес имя этой Дженни, заставило ее насторожиться.

– Насколько я понимаю, ты представляешь семью Плэтта. Что ж, неудивительно, что они предпочли поручить это дело постороннему человеку.

– Но нельзя же приписывать им вину за поступки Чарлза, – защищаясь, возразила Крисси.

– Конечно же, нет, но городок так мал, что все друг друга знают и помнят. Репутация моей семьи – лучшее тому подтверждение. Чарлз крайне скверно обошелся со многими, так что я не завидую никому, кто рискнул бы приехать сюда и объявить себя его родственником. Люди злопамятны.

– И ты бы тоже так отнесся к его родным? – натянуто поинтересовалась Крисси.

Гай улыбнулся и, протянув через стол руку, дотронулся до ее пальцев, равнодушно пожав плечами.

– Какая разница? Честно говоря, я вряд ли когда-нибудь смогу спокойно встречаться с кем-либо из семьи Плэтта, но сейчас мне нет никакого дела ни до Чарли, ни до его родичей. Сейчас я могу и хочу думать лишь об одной особе... – Он нежно улыбнулся ей. – Сейчас мне хочется думать и говорить только о тебе... Расскажи мне о себе...

– В общем-то, и рассказывать нечего, – проямлила Криси. Господи, разве она может признаться ему, кто она такая, после всего, что он только что сказал? – Я действительно представляю интересы семейства Плэтта, и мне надо распорядиться оставшимся имуществом и подготовить дом к продаже.

– Ну, в этом можешь положиться на Джона Крайтона. Его семья с незапамятных времен ведаёт юридическими делами всех жителей города. Кто-то из предков Джона переехал сюда из Честера, где у него тоже была юридическая фирма. Кажется, в самом Честере до сих пор остались Крайтоны-юристы – и просто поверенные, и адвокаты. Старший сын Джона и Дженни, Макс, стал адвокатом по гражданским делам в Лондоне. Их клан довольно велик, хотя, разумеется, их меньше, чем членов семейства Куков, но ведь, как-никак, в нас до сих пор сказываются на редкость активные цыганские гены – их-то мы и должны благодарить – или винить – за многочисленность населения городка.

Активные? О чем это он? Крисси догадалась, что он имел в виду, и вдруг ее обдало жаром. Она вспомнила, что не успела обсудить с Гаем один очень важный вопрос, поскольку от страсти совсем потеряла голову. Только теперь она сообразила, что должна была, просто обязана заговорить об этом, настоять хотя бы из практических соображений элементарной заботы о своем здоровье. Но все это совершенно вылетело у нее из головы, и Гай, должно быть, чувствовал то же самое.

– Что-то не так? – услышала она его голос.

Она помотала головой. Гормональные таблетки, которые она обычно принимала, чтобы держать под контролем свой биологический цикл, могли бы защитить ее, однако рецепт на очередную порцию лежал в сумочке Крисси – она приняла последнюю таблетку несколько дней назад и собиралась зайти в аптеку завтра. Первым делом надо будет утром позаботиться об этом, решила она...

– Да нет... ничего, – пробормотала Крисси, заметив, что сестра Гая направляется к ним. Нет, не может же она обсуждать с ним столь деликатный вопрос в ее присутствии.

– Все в порядке? – поинтересовалась Фрэнсис, поглядывая на почти нетронутые тарелки с уже остывшей едой.

– Да, просто мы не голодны, – заверил ее Гай.

– Это что касается пищи, – лукаво пробормотала его сестра и поманила официантку, жестом приказывая убрать со стола.

– В котором часу ты завтра встречаешься с Джоном? – спросил Гай, как только Фрэнсис отошла. – Утром я должен заехать в поместье лорда Эстли и переговорить с управляющим – они решили принять участие в антикварной ярмарке, которую я устраиваю. Я собирался спросить, не хочешь ли ты отправиться со мной. Особняк отличается довольно интересной архитектурой, да и сады великолепны.

– С удовольствием, – с жаром откликнулась Крисси. – Я договорилась с Крайтоном на три часа.

– Чудесно, тогда мы пообедаем вместе. Где-нибудь в тихом местечке, – добавил он.

Кажется, он недооценил наблюдательность своей сестры – несомненно, она догадалась, какие чувства он испытывает к Крисси. Гай подозревал, что сестра уже растрезвонила всему семейству о своем открытии.

– Да и сейчас, если ты больше ничего не хочешь, мы могли бы уйти и выпить кофе где-нибудь, где можно будет спокойно посидеть...

Крисси взглянула на него, понимая, что все ее мысли тут же отразятся в ее глазах.

– Да... давай уйдем, – задыхнувшись, прошептала она.

Она ничуть не удивилась, поняв, что он привез ее к себе, но сердце учащенно забилось, когда Гай повел ее по узкой дорожке к свежеекрашенной двери кирпичного трехэтажного дома, с террасой и фасадом, в стиле короля Георга.

Они прошли в тесноватую прихожую с высоким потолком

и оттуда в комнату. Гай зажег свет. Гостиная была обставлена весьма элегантно. На полу мягкий ковер, благодаря которому еще великолепно выглядела антикварная мебель, ничуть не контрастировавшая с двумя широкими, приземистыми диванами, что стояли по обе стороны камина.

– Чувствуй себя как дома, – пригласил Гай, – а я пойду сварю кофе.

– Я с тобой, – тихо откликнулась Крисси и неуверенно улыбнулась, когда он протянул руку и, обняв за плечи, повел ее по коридору.

Крисси шла рядом с ним и удивлялась самой себе. Еще ни разу в жизни ей не доводилось чувствовать себя женщиной, просто умирающей от страсти к мужчине, от властного желания быть с ним. Казалось, чувства и желания, которые она не в силах контролировать, одержали над ней верх, сметая со своего пути обычную для Крисси осторожность и рассудительность, заполняя все ее существо, ослепляя рассудок и сердце. Стоило Гаю войти в неожиданно просторную и удобно спланированную кухню, как в ней словно стало тесно. А он спокойно достал кружки и поставил на огонь воду, собираясь приготовить кофе. Он стоял спиной к Крисси, и, когда потянулся в один из шкафчиков, чтобы достать банку с кофе, она с наслаждением, беззастенчиво окинула его жадным взглядом. Плечи у него были широкие, отчего еще тоньше казалась талия, длинные ноги – в меру мускулистые. Крисси уже знала, что кожа у него удивительно гладкая, и мысль, что

она сможет дотрагиваться до нее и целовать, чуть не свела ее с ума. Ей вдруг захотелось подойти к нему, обвить руками шею, расстегнуть пуговицы на рубашке и...

– Что-нибудь не так? – обеспокоено спросил Гай и обернулся, услышав тихий стон нетерпения.

– Нет-нет, все в порядке, – с трудом ответила Крисси. Гай слегка хмурился, насыпая кофе в кружки.

– Кофе сейчас будет готов, – зачем-то объявил он, когда вода закипела. Но Крисси уже приняла решение. Ей достаточно было провести несколько минут, наблюдая за Гаем, впитывая каждое его движение, чувствуя, как бешено стучит кровь в висках, и она поняла, чего хочет и о чем мечтает. Нечего и говорить, мысли ее были весьма далеки от кофе.

– Нет... – Крисси покачала головой, потрясенная тем, что тело ее пронизала дрожь. – Мне... не хочется пить... – проворчала она и честно добавила: – Я хочу только тебя.

– Господи, за что же мне выпало такое счастье? – простонал Гай и обнял ее. Судя по всему, их чувства и желания полностью совпадали. – Ты даже не знаешь, как сильно я тебя хочу, – выдохнул он.

– Ну, так покажи, – предложила Крисси, без стыда обвивая руками его шею и прижимаясь к нему всем телом.

У нее мелькнула смутная мысль о чем-то важном. Она что-то собиралась сказать Гаю, но сейчас у нее не было сил сосредоточиться. Думать она могла лишь о том, какое блаженство принесет ей Гай.

Никогда раньше Крисси не испытывала столь захватывающей страсти, столь горячей необходимости выразить и разделить с партнером свои чувства. Именно потому она без труда заставила умолкнуть внутренний голос, который грозился испортить наслаждение этой недавно обретенной любовью.

Обстановка в спальне напоминала гостиную – и цветовым решением, и антикварной мебелью. В центре комнаты располагалась чудесная кровать под балдахин, который поддерживали колонки резного дуба.

– Одно время я подумывал, не стать ли дизайнером, – признался Гай, когда Крисси сказала, как ей нравится сочетание тяжелых драпировок и благородного дерева. – Клиенты до сих пор изредка приглашают меня для консультаций.

– А идея отделки ресторана – тоже твоя? – поинтересовалась Крисси, вспомнив, как ее поразила непринужденная атмосфера в ресторане его сестры.

– Да, – подтвердил Гай. – Знаешь, Фрэнсис и Рой собираются присоединить к ресторану летнее помещение для пикников и банкетов. Мне кажется, это будет неплохо сочетаться со средиземноморским стилем, который мы выбрали для главного зала. Пару лет я какое-то время жил и работал в Италии, и мне очень нравились открытые летние ресторанчики и кафе – итальянцы большие мастера декора.

– Италия... я тоже провела там несколько месяцев в свободный год. Больше всего мне понравилась Флоренция.

Господи, свободный год... Гай внутренне напрягся. Возможность провести целый год после школы или обучения в университете, отдыхая и накапливая новые впечатления, была для него в те времена недостижимой роскошью. Сам он отправился в Италию, стремясь оказаться подальше от замкнутого мирка, в котором вырос, но ему приходилось работать, и чаще всего это была тяжелая и грязная работа. Он копал картошку, мыл посуду в барах и ресторанах, занимался любым делом, лишь бы не голодать и держаться на плаву.

Гай догадывался, что жизнь Крисси была совсем иной. По всей вероятности, она выросла в типичной семье среднего класса, где достаток хоть и не бросается в глаза, но всегда воспринимается как должное. Наверное, отец ее уважаемый профессионал – может быть, он врач или юрист, а мать, разумеется, не работает и занимается, скорее всего, благотворительностью в каком-нибудь приюте для бездомных собачек. Гай почти уверен, что Крисси училась в дорогой частной школе.

Он сразу почувствовал, что ей не хочется говорить о своей жизни и семье. Может быть, дело в том, что и она понимает, насколько они разные люди? Предполагается, что современная жизнь стерла границы классовых различий, однако они, похоже, еще живы.

Родители Гая трудились не покладая рук и старались не тратить деньги зря, но их существование было весьма и весьма далеким от обеспеченной жизни представителей средне-

го класса.

По традиции, с незапамятных времен соблюдавшейся в семье Куков, отец Гая записался на флот сразу после окончания школы, а затем, решив остепениться и жениться, вернулся в родной городок и – тоже по традиции – стал управляющим в одном из множества пабов, что принадлежали семейству.

В юности Гая обурежала жажда странствий – потому, вероятно, что в жилах его текла горячая кровь бродяги цыгана. Несколько лет он кочевал по Европе, подрабатывая то тут, то там, и это помогло ему обрести независимость и уверенность в себе. Тем не менее даже сейчас Гай частенько думал, что, несмотря на успех, который пришел наконец к нему (или, может быть, именно из-за него), многие жители городка по-прежнему относились к нему настороженно и с подозрением.

– Расскажи мне еще об этой антикварной ярмарке, – сонно попросила Крисси, устраиваясь поудобнее возле Гая. Ее тело дышало ленивой истомой после наслаждения, которое они разделили.

– И рассказывать-то нечего, – возразил Гай, впрочем, это было не совсем так.

Как заметила Дженни несколько дней назад, Гай должен считать большим достижением факт, что лорд Этли соизволил дать согласие на использование своего поместья Фитцбург-Плейс для проведения ярмарки. Разумеется, именно благодаря этому Гаю и удалось привлечь так много участни-

ков.

Кроме того, он старался следить за тем, чтобы посетители и участников обслуживали только первоклассные выездные рестораны, качество продуктов и приготовления пищи в которых не вызывало сомнений. В этом году Гай пригласил оркестр из городской музыкальной школы, а также струнный квартет, а выступления уличных акробатов, жонглеров и фокусников в костюмах разных эпох, несомненно, добавят веселья и создадут ощущение старины и погружения в прошлое.

Ярмарка должна продлиться три дня и уже сейчас вызывает интерес не только местной, но и общенациональной прессы. На открытии сказать речь собирается мэр города, после чего запланирован фуршет с шампанским.

– Должно быть, организация охраны была сущим кошмаром, – заметила Крисси, прижимаясь к Гаю и припоминая, сколько проблем было у ее матери, когда та договаривалась со страховыми и охранными фирмами для одной из своих благотворительных акций.

– Да уж, – лаконично согласился Гай.

Он давно перестал считать, сколько раз он встречался с инспектором полиции, отвечавшим за безопасность ярмарки, не говоря уже о том, что пришлось нанимать невероятное количество охранников и приобретать переносную сигнализацию.

– Все равно, предвидеть каждую мелочь невозможно, –

сказал он Крисси. – Я не перестаю повторять, что все участники должны проверить условия своих договоренностей со страховщиками и усилить охрану своими силами, если это покажется им необходимым. Честно говоря, получение у страховых фирм разрешения на проведение подобного мероприятия стало настоящей головной болью.

– Надо думать, у самого лорда Эстли немало ценных антикварных вещей, – предположила Крисси.

– Очень даже немало, – подтвердил Гай. – Не говоря уж о великолепной коллекции картин и замечательном собрании фарфора.

Крисси не раз доводилось помогать матери организовывать различные благотворительные акции, а потому она сочувственно улыбнулась и, подняв голову, поцеловала Гая на сон грядущий. Мысли об антикварной ярмарке и лорде Эстли мгновенно исчезли из ее головы, поскольку Гай тут же ответил на поцелуй и доказал Крисси – к ее искреннему изумлению, – что им вовсе не так хочется спать, как она полагала.

– Ммм... – Крисси лениво потянулась, чувствуя, как рука Гая начинает медленно ласкать ее.

– Просыпайся, соня, – скомандовал Гай. – Уже девять часов.

– Как – девять? – Крисси удивленно открыла глаза. – Не может быть, – возразила она.

– Посмотри сама, – с улыбкой предложил ей Гай, показывая свои часы. – Девять часов, – повторил он, – так что кон-

чай храпеть и поднимайся.

– Храпеть?! – возмутилась Крисси и резко села на постели, однако возмущение ее тут же сменилось звонким смехом, едва она поняла, что Гай просто поддразнивает ее.

Она схватила было подушку, но не успела хорошенько прицелиться, как Гай тут же начал отнимать у нее оружие. Только вот почему-то руки его все время скользили по ее обнаженному телу... Смех замер на губах Крисси, когда она заметила уже знакомое выражение в глазах Гая и почувствовала, что отвечает ему.

Пробило одиннадцать, прежде чем они наконец отправились в Фитцбург-Плейс. En route³ они заехали в дом Чарли, и Крисси переоделась.

– Лорд Эстли очень щедр и часто позволяет устраивать и в самом доме, и в поместье всякие мероприятия, – сказал Гай, когда Крисси попросила его притормозить, желая лучше рассмотреть открывшийся за поворотом вид на особняки среди садов. – Совсем недавно фирма «Аарль-стон-Бекер» устроила тут потрясающий бал-маскарад, – добавил Гай, с улыбкой наблюдая за Крисси.

Они внимательно осмотрели узенькую речку, что разделяла сад перед домом надвое и впадала в озерцо в причудливых берегах, и остров, где среди деревьев прятался почти настоящий «греческий» храм.

– Сад был разбит во времена Карла Второго, – объяснил

---

³ En route (франц.) – по дороге.

Гай. – В годы правления Уильяма и Марии, разумеется, были внесены некоторые изменения, потому так заметно голландское влияние. К счастью, когда воцарилась мода на «естественные сады и перспективы», владельца поместья больше занимали азартные игры, нежели ландшафтная архитектура. Благодаря этому сад остался в неприкосновенности.

– Какая прелесть, выговорила наконец Крисси и поинтересовалась: – А где именно будет проходить твоя ярмарка?

– Там, где когда-то располагались конюшни и скотный двор. Это с другой стороны. Сейчас лорд Этли все переоборудовал, там теперь мастерские. Он сдает их внаем по очень низкой цене. Кроме того, он помогает своим арендаторам во всем – от составления бухгалтерской отчетности до консультаций по рекламе и маркетингу.

– Похоже, он настоящий филантроп, – заметила Крисси.

– Можно сказать и так, – согласился с ней Гай. – Его примеру следуют еще несколько крупных землевладельцев.

Говоря это, Гай направил машину на узкую дорогу, огибавшую дом. Миновав крепкие деревянные ворота в высокой кирпичной стене, они оказались на вымощенном булыжником дворе. Машина остановилась, и Крисси застыла в восхищении. В бывших конюшнях разместилось множество двухэтажных лавочек-мастерских. Возле дверей, выкрашенных веселенькой зеленой краской, стояли горшки с пышно цветущими летними цветами.

Крисси, оглядевшись, решила, что трудно было бы подыс-

кать более подходящее место для шумной и веселой ярмарки. Даже окрашенный яркой краской насос в центре двора – явно на месте бывшего колодца – идеально впишется в атмосферу праздника.

– Вон в том сарае разместится часть экспозиции, – Гай указал на приземистое строение, образовывавшее одну из сторон четырехугольной площадки, – а прежние кладовые смогут вместить лавочки, торгующие традиционными поделками и безделушками. Посреди двора мы установим прилавки, а там, в сараях для упряжи и над ними, откроются ресторан и бар.

– Звучит многообещающе, – заметила Крисси под впечатлением всего увиденного. – Но могу себе представить, сколько у тебя хлопот с организацией. Должно быть, голова идет кругом.

– Да уж, хлопот хватает, – ответил Гай и, наклонившись к ней, прошептал: – Но мне кажется, я обнаружил чудесное лекарство от головной боли!

Крисси рассмеялась.

– Но ведь предполагается, что любая работа напрочь отбивает мысли о любовных утехах, – возразила она. – А ты...

– Наши с тобой отношения далеки от простых занятий любовью, – ответил Гай. – Очень-очень далеки...

Он подкрепил свои слова таким выразительным взглядом, что Крисси ощутила слабость в ногах.

Пока Гай беседовал с управляющим поместьем, Крис-

си решила прогуляться. В «греческом» храме на островке посреди озера... вот где можно провести невероятно романтичную свадебную церемонию, мечтательно размышляла Крисси, присев на поросший травой бугорок возле самой воды. За последние два дня с ней столько всего произошло, что время от времени ей хотелось ущипнуть себя и проверить, не сон ли все это. Ее смущало, что теперь она просто не могла себе представить жизнь без Гая, без их нежности и любви, без его присутствия – он стал неотъемлемой частью ее бытия.

– Это Крисси, – заявил он вчера, представляя ее своей сестре, однако взгляд его был куда красноречивее и не оставлял сомнений в сущности отношений между ними.

– Мне кажется, твоя сестра обо всем догадалась, – заметила Крисси позднее, когда они вернулись из ресторана.

– Ммм... Да, я тоже так думаю, – ответил Гай, нежно покусывая ее ухо. – Не удивлюсь, если она уже разрезвонила об этом всему семейству Куков. Надеюсь, – шутливо добавил он, – в твоём роду нет никаких страшных тайн, потому что, если они найдутся, женская часть моего семейства быстренько вытащит их на свет Божий.

– Никаких тайн, – с любовью заверила его Крисси, хотя это было лишь полуправдой. Она до сих пор ни словом не обмолвилась о дяде Чарли, а ведь ей следовало давно все рассказать Гаю. Непременно. Надо поговорить с ним сегодня же вечером, решила она и, взглянув на часы, отметила, что

встреча Гая с управляющим вот-вот подойдет к концу.

Крисси встала и побрела обратно во внутренний двор. Возле машины Гая припарковался еще один автомобиль, и неожиданно Крисси увидела, что Гай разговаривает с элегантно одетой женщиной на вид несколько старше его.

Они были поглощены разговором, и Крисси поразило, как близко друг к другу они стоят. Она заметила, что одной рукой Гай приобнимает женщину за плечи, а та хотя и не делает попыток откровенно прильнуть к нему, но и не отстраняется. Крисси поняла, что, скорее всего, они знакомы очень давно.

Если так, значит... Крисси прикусила губу и замерла, догадавшись, что отвратительное чувство, которое парализовало ее, заставив замереть футах в десяти от них, не что иное, как ревность.

Вдруг Гай повернул голову и увидел ее.

Крисси так и не смогла решить, показалось ей или на самом деле во взгляде Гая мелькнуло выражение сожаления и досады. Впрочем, он тут же овладел собой и улыбнулся, показывая, что рад ее видеть.

– Крисси! – воскликнул он. – Иди сюда, познакомься с Дженни.

Дженни! Выходит, это совладелица антикварной лавки. Дженни Крайтон, жена Джона Крайтона. Поколебавшись, Крисси подошла ближе.

Женщину никак не назовешь писаной красавицей, уже не

молода, но, несмотря на это, она словно излучает тепло и спокойную уверенность в себе. По мнению Крисси, в ней было нечто такое, что способно не на шутку увлечь самого пылкого мужчину. Дженни приветливо улыбнулась, и, хотя ничто в ее улыбке об этом не свидетельствовало, Крисси сразу поняла, что чувства Дженни к Гаю выходят далеко за рамки чисто деловых отношений.

В чем же тут дело? Что связывает их – воспоминания о прошлом или же свершившееся настоящее? Если так, что изменится в ее отношениях с Гаем? Крисси никогда не относилась к числу ревнивых женщин, но ведь она никогда не испытывала ни к одному мужчине такие чувства, как к Гаю!

– Мы с Дженни обсуждаем некоторые организационные моменты, – объяснил Гай и добавил, обращаясь к Дженни: – Крисси занимается имуществом Чарли Плэтта. Мы познакомились, когда я зашел оценить кое-что из мебели.

Дженни протянула руку, и Крисси с некоторой неохотой ответила на рукопожатие. Обычно она не страдала ложной застенчивостью, но почему-то сейчас не нашла в себе сил взглянуть Дженни Крайтон в глаза.

Может быть, потому, что боялась, как бы Дженни обо всем не догадалась? Или потому, что опасалась увидеть в глазах Дженни ответ на мучивший ее вопрос?

– А Луиза и Кейти смогут помочь нам в этом году? – поинтересовался Гай и, обернувшись к Крисси, пояснил: – Кейти и Луиза – дочери Дженни и Джона. Они двойняшки.

– Боюсь, ничего не получится. Девочки готовятся к экзаменам, – ответила Дженни, – так что времени у них в обрез. Мы с Джоном собирались навестить их, однако эта кража со взломом так скверно повлияла на Бена, что нам не хочется оставлять его одного. Бен – мой свекор, – обратилась она к Крисси. – Не так давно в Квинсмид, в его дом, вломились воры, и, хотя Бен не был тому свидетелем – слава Богу, он спокойно спал и грабители не тронули его, – сейчас ему очень не по себе.

– Могу себе представить – ваш свекор, должно быть, изрядно потрясен, – сочувственно откликнулась Крисси.

Несмотря на свои подозрения относительно того, что может связывать Гая с Дженни, Крисси не могла не признать, что та производит впечатление натуры мягкой, готовой сопереживать. Быть может, при иных обстоятельствах Крисси была бы не прочь даже подружиться с Дженни, но пока...

Крисси, нахмурившись, отвернулась, а Гай принялся рассказывать Дженни о своей встрече с управляющим помещением. Оба они то и дело обращались к Крисси, делая пояснения по ходу разговора, но девушка понимала, что их беседа затрагивает ту часть жизни Гая, о которой она почти ничего не знала. Только сейчас она с ужасающей ясностью поняла, что, в отличие от Дженни, практически не знает Гая.

Да что же это такое, упрекала себя Крисси. Ведь они знакомы всего лишь сутки! А с Дженни он, похоже, проработал вместе долгие годы, и неудивительно, что за это время они

стали близкими друзьями. Тем не менее Крисси задело, что Гай не сделал ни одной попытки обнять ее или хотя бы привлечь к себе, тогда как Дженни стояла так близко от него, что тела их почти соприкасались.

– Было очень приятно познакомиться, взглянув на часы, сказала Дженни с улыбкой и извинилась, добавив, что ее ждут дела.

– Да и нам пора, – ответил Гай и пояснил: – Крисси должна встретиться сегодня с Джоном, чтобы обсудить, как лучше распорядиться недвижимостью Чарли Плэтта.

– Ах, да, – вспомнила Дженни и снова улыбнулась Крисси. – Джон упомянул за завтраком, что собирается повидаться с племянницей Чарли Плэтта.

Дженни пожала Крисси руку, а затем обняла и нежно поцеловала Гая. Он ничуть не удивился, что в открытую говорило об их близких отношениях, подумала Крисси, прежде чем Дженни поспешила к своей машине, а они с Гаем медленно направились к его автомобилю.

– Судя по всему, вы с Дженни знакомы не первый год, – предположила Крисси по дороге. Она не собиралась ничего комментировать, но не выдержала болезненных уколов ревности.

– Да уж, – согласился Гай. Сердечный тон и задумчивая улыбка, играющая на его лице, превратили искры недоверия и подозрений в настоящий пожар. Несомненно, Дженни занимала совершенно особое место в жизни Гая и, может быть,

в его душе...

– А давно она замужем за Джоном? – спросила Крисси, изо всех сил стараясь не выдавать, как сильно ей хочется, чтобы Гай поскорее развеял ее страхи.

– Точно не знаю, но лет двадцать пять – как минимум, – ответил Гай. – Кажется, Макс, их старшему сыну, скоро стукнет двадцать пять.

Больше четверти века... Крисси слегка расслабилась. Что ж, это означает, что между Гаем и Дженни не было и не могло быть никакой юношеской влюбленности, затянувшейся на все эти годы. Но разве можно знать наверняка?

– И все это время они счастливы? – предположила она.

Гай нахмурился и удивленно взглянул на Крисси. Господи, с чего это она задает такие вопросы? А главное, что ей ответить?

По правде говоря, в семейной жизни Джона и Дженни действительно были нелегкие времена, и тогда он... Гай нахмурился еще сильнее.

Его отношения с Дженни никогда не выходили за рамки чисто делового сотрудничества и искренней дружбы, однако... Однако было время, когда Гаю казалось, что этого недостаточно, когда он не возражал бы, чтобы Дженни оставила Джона. Честно говоря, тогда он желал этого больше всего на свете. К счастью, Дженни оказалась очень мудрой женщиной и не позволила ни ему, ни себе переступить черту, которая отделяет даже самую близкую дружбу от... чего-либо боль-

шего.

Гай понимал, что имеет полное право рассказать обо всем Крисси. Но откуда ему знать, какотреагирует Крисси на сообщение, что Гай когда-то желал, чтобы Дженни нарушила обет супружеской верности, что он убеждал себя, будто от пустоты, которая начинала леденить его сердце, может избавить лишь Дженни? Поймет ли Крисси, что в те годы Дженни пробудила в его душе столь понятное каждому мужчине желание защитить ее, стать ей надежной опорой, укрыть от житейских невзгод, заботиться о ней? Сумеет ли Крисси поверить, что Гай пытался убедить и себя, и Дженни, будто обычную дружбу можно превратить в нечто, с натяжкой называемое любовью?

Слава Богу, ему самому достаточно знать, что тогда он заблуждался, да и Дженни уберегла их обоих от ошибки.

Разумеется, рано или поздно он все расскажет Крисси, пояснив, каким незащитным чувствовал себя тогда. И еще он, разумеется, скажет, как счастлив, что повстречал Крисси, – ведь она и есть та единственная на всем свете женщина, с которой он готов навсегда связать свою жизнь. Теперь, когда он познал подлинную любовь, ему проще распознать пропасть между настоящим чувством и тем, что влекло его к Дженни.

Да, все это он обязательно расскажет Крисси – но не сейчас, а чуть позже, когда их отношения немного окрепнут. А пока Гай решил прибегнуть ко лжи во спасение, надеясь, что не слишком согрешит. Улыбнувшись Крисси, он ответил:

– Да, насколько мне известно, Дженни и Джон прожили очень счастливую жизнь.

Крисси понимала, что теперь у нее есть все основания успокоиться, однако у нее осталось странное чувство, будто Гай что-то скрывает от нее...

– Нет, так больше продолжаться не может! – простонал Гай час спустя, когда они нежились в его постели и рука его скользила по телу Крисси. Он нежно поцеловал ее и добавил: – Мне так хотелось сохранить все в тайне, прежде чем мы объявим во всеуслышание...

– О чем ты? – недоуменно спросила Крисси, и сердце ее бешено забилося в груди от мелькнувшей в голове догадки.

– Мы могли бы завтра же отправиться в Амстердам, – тихо молвил Гай. – Я знаю одного ювелира, который занимается старинными украшениями. Но если ты предпочитаешь что-нибудь более современное...

Крисси чуть не задохнулась.

– Ты хочешь сказать, кольцо для помолвки? – прошептала она.

– Кольцо для помолвки и, самое главное, – обручальные кольца, – ответил Гай и склонился, целуя ее.

– Нет-нет, мы не можем пожениться вот так, – слабо возразила Крисси, однако глаза ее сказали Гаю, что только об этом она и мечтает. – Мои родители... – начала было она и замолчала.

Гай кивнул.

– Моя семейка тоже будет дуться и коситься, если мы не закатим грандиозную свадьбу с официальной церемонией.

– Свадьба... – задумчиво произнесла Крисси и, обеспокоено заглянув Гаю в глаза, поинтересовалась: – А ты уверен, что хочешь именно этого... то есть что я – именно та женщина, которая тебе нужна?

– Я никогда в жизни не был ни в чем так уверен, – сказал Гай торжественно.

– Тогда мы обо всем поговорим сегодня вечером, – предложила Крисси и напомнила: – Если я не уйду через пять минут, то опоздаю на встречу с Джоном Крайтоном.

– Сегодня вечером, – подтвердил Гай. – Вечером мы с тобой обменяемся обещаниями и поговорим о планах на будущее. А уж после можно будет заказывать свадебный торт и приглашать подружек и шаферов.

Крисси улыбнулась Гаю, когда он привлек ее к себе, вновь припав к ее губам неспешным поцелуем. Она запомнит этот момент навсегда, пообещала Крисси самой себе. Запомнит прикосновения Гая, и исходящий от него пряный аромат, и его тепло, и нежность их близости, и физическое ощущение разделенной любви, что окутывало их невидимым коконом.

Да, она навсегда запомнит все это.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Джон Крайтон нахмурился и, поднявшись из-за стола, прошел к окну, где и остановился, слушая, что говорит ему Крисси.

Муж Дженни – высокий блондин лет пятидесяти с небольшим, немного застенчивый, – как поняла Крисси, был человеком добродушным, готовым всем сердцем сопереживать. Она поверила, что Гай не лгал ей, говоря, что Джон и Дженни счастливы в браке.

– Мои родители, в особенности моя мама, хотели бы получить список долгов дяди Чарлза, и самое главное – имена тех, кому он задолжал, – заявила Крисси и заметила, что Джон еще больше нахмурился.

– Но ведь по закону она не несет никакой ответственности по невыполненным обязательствам покойного, – начал было Джон, но Крисси, покачав головой, перебила его:

– Моя мама и ее брат никогда не были близкими друзьями. Я его практически не знала. Мне известно лишь, что когда-то давно произошла крупная ссора, вызвавшая раскол в семье... Тем не менее моя мама отчаянно не хочет, чтобы кто-либо пострадал из-за того, что... что оказался недостаточно осмотрителен и доверился ее брату. Понимаете, мама чувствует себя в ответе за всех членов нашей семьи, – негромко пояснила Крисси. – И сейчас, в данной ситуации,

она чувствует моральную ответственность. – Крисси глубоко вдохнула и продолжила: – Она знает, то есть мы все знаем, что ее брат не всегда... вел себя честно, даже имея дело с посторонними людьми. – Она замолчала и взглянула на Джона.

– Совершенно верно, – кивнул он. – По правде говоря, людей, которым он задолжал, найдется немало. Я уверен, что денег, вырученных от продажи недвижимости, на это не хватит, тем более что многие его кредиторы пребывают в весьма стесненных обстоятельствах. – Джон помолчал, раздумывая над тем, как сильно могут отличаться друг от друга ближайшие родственники. Он не первый раз сталкивался с подобным явлением. Взять хотя бы его брата Дэвида и его самого. – Вашей маме нечего опасаться, что о ней или о ее родителях жители Хэслвича могут думать иначе, нежели с искренним уважением, – мягко сказал он и добавил: – Ваша бабушка активно занималась благотворительностью и завоевала всеобщую любовь, не говоря уже о том, что ее уважали. Она была человеком щедрым и никому не отказывала в помощи.

– Это семейная традиция, и моя мама продолжила ее, – ответила Крисси и коротко рассказала, как живут ее родители и почему никто из них не смог приехать в Хэслвич. – Честно говоря, я даже рада, что мама не приехала. Судя по тому, что мне сказал... вернее, судя по тому, что я узнала от местных жителей, моего дядю никто не жаловал.

– Да, боюсь, что это так, – поколебавшись, подтвердил Джон. – Он сильно пил и, как каждый, кто страдает от этого

пагубного порока, не замечал никого и ничего, когда у него случался очередной запой.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – тихо ответила Крисси. – А мама... – Замолчав, она покачала головой. Слава Богу, Джон прекрасно обо всем осведомлен, и Крисси радовалась, что ей не пришлось объяснять ему, каким человеком был ее покойный дядя.

– Вашей маме не стоит беспокоиться, что ее приезд в Хэслвич будет кому-нибудь неприятен или же что люди будут считать, будто она должна отвечать за недостойное поведение своего брата. Едва ли есть хоть одна семья, в которой не найдется своя паршивая овца, – добавил он с улыбкой, и у Крисси потеплело на душе.

– Мне кажется, моей маме иногда хочется вернуться. Она так часто вспоминает ферму...

Все-таки Джон Крайтон на редкость приятный человек, решила Крисси. Стоило лишь взглянуть на него, как сразу становилось ясно, что характер у него добрый и мягкий. Наверняка к нему нередко обращаются за поддержкой и советом... Джон тем временем говорил, что постарается, со своей стороны, ускорить оформление всех бумаг, необходимых для продажи дома, и составит для родителей Крисси список кредиторов ее дяди.

– Хотя, – добавил он, немного поколебавшись, – судя по тому, что мне сообщила жена, вы, кажется, не очень спешите покинуть Хэслвич?

К своему ужасу, Крисси почувствовала, что лицо ее заливает предательский румянец. Смущенно улыбаясь, она попыталась невнятно отразить благодушный намек Джона.

Полчаса спустя разговор их подошел к концу. Джон поднялся и, проведив Крисси, подошел к окну и увидел, что она решительным шагом направилась к городской площади. Да, она на самом деле очень хороша, держится с достоинством и прекрасно владеет собой. Немудрено, что Гай, по меткому выражению Дженни, «сражен наповал».

На пороге появилась Дженни, и Джон радостно устремился ей навстречу.

– Эй, а ты, оказывается, уже освободилась! Сдается, по телефону ты сказала, будто на весь день застрянешь по делам ярмарки в Фитцбурге, – удивился он.

– Я собиралась, но потом решила, что неплохо передохнуть, приехать домой пораньше и, если понадобится, съездить туда еще раз вечером. Может, выкроишь часок и пригласишь меня в какое-нибудь тихое местечко на чашечку чаю – ну, скажем, в «Гросвенор»? – предложила она.

– Ммм... – Джон притворился, что тщательно обдумывает ее слова. – Я что-то не очень уверен насчет «Гросвенора», – заметил он. – Представляешь, придется ехать сначала туда, а потом назад. Но мне известно одно весьма уютное и тихое местечко, где мы могли бы не только выпить по чашечке чаю, но и заняться еще кое-чем.

Дженни с подозрением взглянула на мужа.

– Если ты думаешь о том же, о чем и я, – предостерегающе начала она, – нам не повезло. Во-первых, я сегодня не ездила за покупками и в доме нечего есть, кроме вчерашних остатков, а во-вторых... – Она не договорила, так как Джон перебил ее.

– Мы могли бы обойтись и без еды, – пробормотал он.

– ... во-вторых, Джек и Джосс вот-вот вернутся домой.

– А-а... – протянул Джон и вздохнул при упоминании о мальчиках. Джосс их младший сын, а Джек – племянник Джона, сын его брата Дэвида. С тех пор как родители Джека расстались, он жил с Джоном и Дженни.

Сестра Джека, Оливия, и ее муж Каспер с двумя детьми жили неподалеку, и Джек с самого начала захотел поселиться с семьей тети и дяди.

– Кого это ты так увлеченно разглядывал? – поинтересовалась Дженни, подходя к окну. – Ага, дама сердца Гая. Я и забыла, что она должна была зайти к тебе.

– Ммм... она мне понравилась. Очень милая, а судя по тому, что она мне рассказала, ее мать ничуть не похожа на своего брата. Судя по всему, мать Крисси и ее брат никогда не ладили, но, несмотря на это, родители этой девушки потребовали список всех, кому Чарли задолжал, чтобы расплатиться с ними.

– Очень великодушно с их стороны.

– Очень, – согласился Джон.

– Но почему именно она приехала в Хэслвич, чтобы за-

няться делами наследства, а не ее мать?

– Она об этом не говорила, но мне кажется, ее мать, зная, каким человеком был ее покойный брат, опасается, что жители Хэслвича могут отнестись к ее появлению не слишком благожелательно. Я сказал Крисси, что в каждой семье найдется своя паршивая овца.

Дженни подняла голову, глядя ему в глаза.

– Мне так хочется, чтобы Дэвид объявился и поговорил с твоим отцом. Для Бена это было бы таким приятным сюрпризом. Если не считать рождественской открытки, Дэвид совсем забыл отца.

– Все так, – подтвердил Джон и, обняв жену за плечи, привлек к себе. – На той открытке была испанская марка. Но Дэвид не счел нужным ничего о себе сообщить, предпочитая, очевидно, хранить место своего пребывания в тайне.

– Может, это и к лучшему? – предположила Дженни, поворачиваясь, чтобы посмотреть на мужа. – В конце концов, если Дэвид решит вернуться, чем он займется? Нельзя же предположить, что он собирается снова работать тут... особенно после того, как...

– Да, ты права, – с грустью согласился Джон.

– Ты все еще тоскуешь? – мягко спросила Дженни. Ведь братья, да еще близнецы, даже если...

Джон покачал головой.

– Нет, уже не так сильно. По крайней мере мне так кажется. Но ради отца... Я хочу, чтобы все стало по-другому. По-

сле отъезда Дэвида отец так изменился...

– Он стареет, Джон, – заметила Дженни.

– Да и мы не становимся моложе. – Джон поморщился, вспомнив о переменах, что произошли за последние несколько лет в его семье – с того злополучного вечера, когда братья отмечали свое пятидесятилетие и у Дэвида случился сильнейший сердечный приступ, чуть не окончившийся весьма плачевно. Оба они стали дедушками. Сын Джона, Макс, женился, у него теперь двое детей, да и у дочери Дэвида, Оливии, тоже двое ребятшек, но, если сам Джон старается почаще навещать своих внучат, получая искреннее удовольствие от возни с ними, Дэвиду вряд ли даже известно, что он стал дедушкой.

– На днях Оливия сказала, что Тигги решила развестись с Дэвидом, – сообщила Дженни.

– Да, знаю, – откликнулся Джон. – Мы с Оливией обсуждали это пару дней назад. Друг Тигги сделал ей предложение и уговорил официально порвать с Дэвидом.

Дженни резко взглянула на мужа и, не подумав, быстро спросила:

– А ты не?.. – но тут же умолкла, закусив губу. Разумно ли напоминать Джону, что он чуть было не поддался искушению нарушить клятву супружеской верности, увлекшись женой своего брата-близнеца? Да ведь и сама Дженни не так уж безгрешна – пусть на очень короткое время, но и она чуть было не решилась ответить на чувства Гая.

Джон, казалось, прочитал ее мысли. Он покачал головой и, взяв руки жены в свои, мягко ответил:

– Единственное, о чем я жалею, так это о том, что по своей глупости едва не потерял тебя.

– Ах, Джон, – прошептала Дженни и, обняв мужа, прижалась щекой к его груди. – Мне так хочется, чтобы Гай и Крисси были счастливы. Он влюблен в нее по уши...

– А она – в него, – заверил ее Джон. – Ты бы видела, как она покраснела, когда я сегодня заговорил о нем.

– Пожалуй. Когда я видела их вместе, у нее действительно был такой вид, словно она любит его, но... – Дженни замялась, задумчиво покусывая губы.

– Но что? – удивленно переспросил Джон. – Уж не хочет ли добрая мама-овечка защитить своего бедного маленького ягненочка? – намекнул он.

Дженни покачала головой и нахмурилась.

– Ладно, ладно, – извиняющимся тоном призналась она, – может быть, временами я и правда слишком беспокоюсь за него, однако Гая вряд ли кто-нибудь назовет бедным ягненочком – он настоящий мужчина, способный за себя постоять, вот только... они же познакомились совсем недавно, и если ты видел, как Гай смотрел на нее...

– Ты же сама говорила под Рождество, что желаешь ему поскорее жениться и обзавестись кучей ребятишек!

– Ну да! Так оно и есть, ты прав, – согласилась Дженни и рассмеялась. – Ладно, сдаюсь, я действительно чересчур

переживаю за него. Да, Крисси, похоже, так же влюблена в него, как он – в нее.

Руки их переплелись, и Дженни крепче прижалась к мужу, отвечая на полный любви взгляд, которым он окинул ее.

– Эй, привет!

Крисси вздрогнула от неожиданности, обернулась и, узнав сестру Гая, улыбнулась.

С Фрэнсис была еще одна женщина, на несколько лет моложе ее. Увидев ее густые и вьющиеся темные волосы и поразительно красивое лицо, Крисси решила, что она, должно быть, тоже родственница Гая.

– Мне было очень приятно познакомиться с вами вчера, – с улыбкой проговорила Фрэнсис и, обращаясь к своей спутнице, пояснила: – Вчера вечером Гай и Крисси обедали у нас. – Она посмотрела на Крисси. – Натали тоже принадлежит к обширному клану Куков.

– Значит, вы хорошо знаете Гая? – поинтересовалась Натали, не замечая протянутой руки Крисси, и уставилась на девушку в ожидании ответа.

От ее напряженного взгляда Крисси стало не по себе. Не зная, что сказать, она замялась, но Фрэнсис пришла ей на помощь и, лукаво взглянув на Крисси, объяснила, обернувшись к Натали:

– Не так хорошо, как хотелось бы Гаю, если только я все правильно поняла по тому, какими глазами он смотрел на Крисси вчера вечером.

– Ах вот оно что... – протянула Натали, окинув Крисси полным снисходительного презрения взглядом. – Ну что тут сказать? Гай всегда быстро влюбляется, но остывает еще быстрее. Он всю жизнь был ужасным сердцеедом и волокитой.

– Натали! – предостерегающе воскликнула Фрэнсис и сочувственно взглянула на Крисси.

– Но это же правда! – возразила Натали, не обращая внимания на Фрэнсис. – Гай всегда был равнодушен к женщинам определенного типа – мы все помним, как он сходил с ума по Дженни Крайтон.

– Натали! – резко урезонила ее Фрэнсис.

– Но я же не выдумываю! – фыркнула Натали, вызывающе тряхнув головой. – Временами Гай распускает нюни, как влюбленный мальчишка. Ну, ладно, мне пора, – неожиданно проговорила она и, не замечая Крисси, быстро коснулась губами щеки Фрэнсис и, повернувшись на каблучках, зашагала прочь.

– Я должна извиниться, – смущенно начала Фрэнсис. – Натали не всегда сознает, как ее слова... – Она замолчала, видя, как побледнела Крисси и каким несчастным стало ее лицо.

Да, временами Натали бывает совершенно невозможной. В семье уже давно привыкли к ее безапелляционным суждениям и ехидным замечаниям. Казалось, с самого рождения она получала удовольствие оттого, что причиняла боль дру-

гим, ставя их в неловкое положение. Фрэнсис не раз пыталась убедить себя, что происходило все это не потому, что у Натали был такой скверный и неуживчивый характер, а потому, что она была очень не уверена в себе. Впрочем, подчас поверить в это было совсем нелегко.

Разумеется, нельзя забывать и о том, что вот уже много лет известно всей семье: Натали равнодушна к Гаю. Он, со своей стороны, никогда не давал ей ни малейшего повода и надежды. Она совсем не в его вкусе. Характер Гая отличался рыцарским великодушием и стремлением оберегать и защищать, что неизбежно влекло его к мягким и женственным представительницам прекрасного пола, которых он мог бы взять под свое крыло и избавить от жизненных невзгод. Натали не только не привлекала Гая внешне, но, наоборот, даже отпугивала своим слишком вспыльчивым нравом. Однако верность своей семье не позволила Фрэнсис объяснить все это Крисси. Хотя про себя Фрэнсис решила, что обязательно сообщит Гаю о том, как выходка Натали расстроила Крисси.

– Не знаю, как долго вы собираетесь пробыть в городе, – мягко начала она, обращаясь к Крисси, – но я очень рада, что встретила вас. Дело в том, что я собиралась разыскать вас и пригласить куда-нибудь перекусить. Не знаю, что успел рассказать Гай о нашей семье, но по традиции мы стараемся собраться вместе хотя бы раз в месяц – чаще всего в воскресенье. Многие из нас работают в ресторанах или пабах,

и выбраться иногда бывает не так-то просто, а потому наши семейные встречи по очереди проходят в одном из наших заведений. В этом месяце моя очередь, и всем будет очень приятно, если вы сможете присоединиться к нам.

– Благодарю вас, я буду очень рада, – вежливо проговорила Крисси, но голос ее прозвучал как-то сдавленно.

Крисси была не столь наивна, чтобы не заметить мгновенно вспыхнувшего недоброжелательства, сквозившего в репликах Натали. Она видела также, как смутилась Фрэнсис, когда Натали упомянула Дженни Крайтон. Несомненно, обвинения Натали – по крайней мере в этой их части – были отнюдь не пустыми.

Крисси знала, что Гай прожил до встречи с ней полжизни, и вполне естественно, что у него бывали увлечения и романы, но почему же он не рассказал ей о своих отношениях с Дженни Крайтон? Почему не признался честно и откровенно? Почему предпочел умолчать? «Гай всегда быстро влюбляется, но остывает еще быстрее!» – с презрением отозвалась о нем Натали.

Пять минут спустя, распрощавшись с Фрэнсис и направляясь к дому дяди, Крисси раздумывала, много ли ей, собственно, известно о Гае?

Пока она беседовала с Джоном Крайтоном, поднялся резкий ветер, пробиравший ее до костей, небо быстро покрылось неприветливыми серыми облаками, за которыми исчезло солнце. Крисси поняла, что напрасно доверилась обман-

чивому теплу и вышла из дома в тонком платье. Неужели точно так же ей не следовало верить и Гаю? – отчего-то подумала она.

Крисси поглядывала на часы с некоторой опаской. Еще час – и придет Гай. Безоблачное, теплое утро сменилось дождливым и холодным вечером. В доме Чарли не было центрального отопления, и в комнатах вскоре запахло сыростью. Впервые со времени приезда в Хэслвич Крисси стало грустно и одиноко.

Приободриться не помогали даже мысли о том, что родители уже направляются в Мексику. Наоборот, ей стало еще тоскливее оттого, что она не может снять трубку и услышать их хорошо знакомые, спокойные и исполненные любви голоса.

С другой стороны, утешать и любить ее должен Гай. Гай, мужчина, с которым еще сегодня утром она мечтала провести всю оставшуюся жизнь... Гай, тот самый мужчина, который благодаря небрежно брошенным словам посторонней женщины превратился вдруг в почти незнакомого человека.

Все это глупости, твердила себе Крисси. Если Гай предпочел умолчать о своих отношениях с Дженни Крайтон, этому должно быть какое-то простое и разумное объяснение, надо будет задать ему всего один-единственный вопрос, и все станет ясно.

Гай только что вышел из супермаркета, держа в руках пакеты с покупками, когда его окликнули Джон и Дженни.

– Ммм... Ты был у «Лоуфорда», – с некоторой завистью прокомментировала Дженни, разглядев надписи на пакетах. – Везунчик – у них отличные продукты, но, когда в доме двое прожорливых подростков, такая кормежка становится не по карману. Ладно, не буду спрашивать, с кем это ты собираешься пировать сегодня вечером, – поддразнила она его. – И так все ясно.

– Ну и не спрашивай, – сухо парировал Гай.

– Криси – чудесная девушка, Гай, – убежденно проговорила Дженни. – И я отлично понимаю, почему она не горит желанием объявлять во всеуслышание о том, что Чарли Плэтт – ее дядя, тем более что семья фактически еще много лет назад отеклась от него и порвала с ним всякие отношения. Мы все это помним... Да, вот еще что! Ни за что не догадаешься! Судя по всему, полиция подозревает, что в шайке, которая занимается кражами со взломом, главарем является женщина.

Дженни заметила, что Гай помрачнел, и энергично покачала головой.

– Понимаю, звучит не очень правдоподобно, но полиция считает, что иногда женщине бывает проще проникнуть в дом, который преступники наметили для ограбления, и разведать, что там есть из ценных вещей... Господи, а времени-то сколько! – воскликнула она, услышав бой часов на колокольне. – Нам пора! До завтра, и желаю приятно провести вечер.

По-прежнему нахмурившись, Гай смотрел вслед Джону и Дженни. Итак, Крисси – племянница Чарли Плэтта? Но почему же она ничего ему не сказала? Почему намеренно умолчала об этом, почему позволила ему думать, будто она просто действует в интересах семьи этого негодяя? Почему скрыла, что она близкая родственница Чарли?

Сейчас Гай с особой ясностью вспомнил, что, когда он был еще ребенком, Чарли не раз обманывал его, притворяясь, будто искренне хочет стать другом, пытаясь убедить, что его жестокие проказы и безжалостная травля были всего лишь недоразумением. Гай помнил и о том, как Чарли насмеялся над ним, когда мальчик в очередной раз попался на удочку старшеклассника. Именно постоянная настороженность и немалая доля цинизма, вкупе с некоторой жесткостью и неуступчивостью, впервые появившиеся в характере Гая как защитная реакция на Чарли Плэтта и ему подобным подонкам, помогли ему впоследствии стать таким удачливым бизнесменом. В своем деле он должен быть всегда на чеку, становясь порой чуть ли до неприличия подозрительным. Ведь ему то и дело приходится проверять, кому в действительности принадлежат выставленные на продажу вещи. Но Гай и подумать не мог, что должен быть столь же недоверчивым, когда дело касалось их отношений с Крисси.

Он полностью доверился ей, безоговорочно поверил каждому ее слову, ему даже не приходила в голову мысль усомниться в ее искренности. Казалось, само ее присутствие ли-

шало его холодного расчета и безупречной логики.

А вот теперь выясняется, что она совсем другая, иначе зачем ей скрывать от него, что она племянница Чарли Плэтта!

Скрывать от него... Подумать только! Гай вздохнул. Господи, даже сейчас он пытается найти ей какое-то оправдание! Да ведь она ни о чем не умалчивала – она намеренно, умышленно скрыла правду, обманув его. Разве мало было моментов, когда она могла бы признаться, кем она в действительности доводится Чарли Плэтту?

Похоже, склонность ко лжи у нее в крови! С самого начала Гая поразила искренность и открытость Крисси, ее готовность сопереживать, и как же горько сознавать теперь, что все это лишь притворство.

Гай пересек площадь и направился к дому, пытаясь убедить себя, что судит о девушке слишком сурово, поддаваясь неприязни, которую он до сих пор испытывал к Чарли Плэтту. Вероятно, у него нет права осуждать Крисси, не давая ей шанса открыться ему. В конце концов, может оказаться, что существует вполне простое и разумное объяснение, почему она не сказала ему правду.

И что же именно за объяснение это может быть? – резко поинтересовался его циничный двойник.

А вдруг она просто забыла? «Да, кстати, я совсем забыла сказать тебе, что Чарли Плэтт – мой дядя».

Гай яростно затряс головой, браня себя за импульсивность, но тут же, на манер своих племянниц и племянников,

добавил про себя язвительное: «Как же!»

Когда он добрался до своего дома, первое потрясение от разговора с Дженни начало проходить, и Гай нашел в себе силы остановиться и вежливо ответить Рут, которая принялась расхваливать его за удачный выбор цветов, посаженных перед его домом.

Рут жила по соседству, и Гай знал ее и по сотрудничеству в благотворительных фондах, и по тому, что Рут доводилась родственницей Дженни.

Рут, несмотря на свой так называемый «элегантный» возраст, оставалась привлекательной женщиной, красота которой, похоже, еще сильнее расцвела с тех пор, как жизнь снова свела ее с мужчиной, которого она когда-то, еще совсем юной девушкой, всем сердцем полюбила. Теперь они стали мужем и женой. По договоренности с Грантом она проводила полгода в Америке, а затем на полгода возвращалась домой, в Хэслвич. Несмотря на столь космополитичный образ жизни, Рут была истинной жительницей Чеширского городка, удивляя всех, кто знал ее, своей жизнерадостностью и щедростью души.

– Рут, я тут совершенно ни при чем, – заявил Гай в ответ на похвалы Рут. – В отличие от тебя я не отношусь к активным любителям цветоводства, так что мне пришлось призвать на помощь Бернарда. Если мой садик еще не захирел, это целиком его заслуга.

Бернард Филипс был еще одним представителем разветв-

ленного клана Куков и приходился Гаю троюродным братом. Вместе со своими двумя сыновьями и дочерью Бернارد основал довольно крупное цветоводческое хозяйство, небольшая доля акций в котором принадлежала Гаю. По характеру своему Гай был истинным предпринимателем, а потому сразу почувствовал, насколько доходным может стать это дело.

Иногда Гай соглашался, что не зря кое-кто из его семейства дал ему прозвище Делец.

Друзья и коллеги считали Гаю проницательным и удачливым бизнесменом, а в прошлое Рождество сестры ласково упрекнули его в том, что им движут лишь рассудочность и логика. Что он склонен взвешивать лишь все «за» и «против», вместо того чтобы потерять голову и влюбиться. До того дня, когда он повстречал Крисси, Гай и сам был склонен думать именно так.

Крисси... Лучше бы они никогда не встречались, в бешенстве подумал Гай, распрощавшись с Рут и войдя в свой дом.

Какая же она на самом деле? Открытая, великодушная и любящая женщина, встречи с которой, как ему казалось, он ждал всю жизнь, или же совсем иная?

Она ли виновата в том, что обманула его, или же он сам обманывал себя, наделив ее добродетелями и достоинствами, которыми она вовсе не обладала?

А вдруг и правда он сам виноват, что слишком идеализировал ее, возводя в ранг божественно-прекрасного чувство, которое было, скорее всего, обыкновенным вожделением?

Полчаса спустя, побросав в угол покупки со всеми вкусностями к намечавшемуся ужину, Гай понял, что может узнать правду одним-единственным способом – если напрямую спросит у Крисси, почему она ничего не сказала ему о своем родстве с Чарли Плэттом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Криси, как ей казалось, выскребла дом покойного дяди сверху донизу, но слабый запах запустения и плесени почему-то никак не выветривался.

С тисового столика соскользнула старая простыня, и Криси подошла поближе, чтобы прикрыть его, и в который уж раз невольно залюбовалась им. Сейчас ей стало особенно понятно, почему мама хотела непременно выкупить этот столик.

В изящной резьбе словно таилось тепло летнего солнца, и, глядя на него, невольно хотелось протянуть руку и погладить его. Криси улыбнулась и провела пальцем по узору.

Она не считала себя таким уж знатоком антиквариата, но не сомневалась, что столик будет стоить немало. Через два месяца у мамы день рождения, и Криси вдруг решила, что хорошо бы его выкупить и преподнести ей в подарок.

Она все еще улыбалась при мысли о том, как обрадуется и удивится мама. В дверь постучали. Должно быть, это Гай.

Криси подбежала к двери, чтобы впустить его, ожидая, что он обнимет ее, и удивилась, увидев его нахмуренное лицо. Вместо того чтобы войти, Гай отстранился, явно намереваясь держаться от нее подальше.

Криси тут же вспомнила высокомерные и презрительные намеки Натали. К вечеру на улице похолодало. Дом был сы-

рым и нетопленным, и Крисси вдруг заметила, что дрожит от холода. Она повернулась, чтобы снять с вешалки свою куртку. Дверь в маленькую гостиную была по-прежнему распахнута. Накинув куртку, Крисси изумилась, заметив, что Гай буквально окаменел. Его взгляд был прикован к чему-то в комнате.

– Что такое?.. Что-то не так? – с беспокойством спросила она.

– Откуда здесь этот столик? – резко спросил Гай.

Крисси нахмурилась, услышав в его голосе какие-то новые, осуждающие нотки. Сердце ее упало.

– Я выставила его сюда, чтобы пригласить оценщика. Он принадлежал... – она замолчала, закусив губу. Гай, не отрываясь, как-то странно смотрел на нее.

– Продолжай же, – с ласковой насмешливостью предложил он. – Может быть, ты хочешь, чтобы это объяснил я? Пожалуйста. Этот столик принадлежал Чарли Плэтту, которого все в округе знали. В лучшем случае его считали пройдохой и мерзавцем, в худшем – обыкновенным вором. Короче говоря, он не может быть законным владельцем этой вещи!

– Мерзавец?! Вор?!

Крисси смертельно побледнела, услышав в голосе Гая неподдельную ненависть. Ей уже было известно, что он недолюбливал ее дядю, она догадывалась, что для этого должны быть веские причины. Тем не менее горечь и ярость, которые она слышала сейчас в его голосе, видела в его глазах,

настолько не подходили Гаю, настолько шли вразрез с его ровным характером, с его нежностью и любовью, что Крисси растерялась и лишь молча смотрела на Гая, ошеломленная его словами.

– Но ведь тебе все это и так отлично известно, не правда ли, Крисси? Именно поэтому ты так старательно прятала от меня этот столик! Ты скрыла от меня и то, что Чарли Плэтт – твой дядя.

– Да нет же! – воскликнула Крисси.

– Нет? – насмешливо переспросил Гай. Выходит, он тебе не дядя?

Крисси снова закусила губу. Она была слишком потрясена, чтобы сказать что-либо в свое оправдание.

Конечно, она знала, что рано или поздно ей придется рассказать Гаю, кто она такая. Крисси понимала, что слишком долго тянула с объяснением, но ей и в голову не могло прийти, что Гай отреагирует столь болезненно и начнет ее в чем-то обвинять. Сейчас он смотрел на нее так, словно... словно она недостойна даже его презрения, словно ему противно видеть ее!

– Я... я собиралась сказать тебе... Я хотела, все тебе рассказать, – хрипло возразила она, – но...

– Ну, ясное дело, ты хотела! – почти ласково прервал ее Гай, и в голосе его послышалась откровенная неприязнь.

– У меня не было времени... все произошло так внезапно, – упрямо продолжила Крисси, надеясь, что заставит его

понять и не даст ему растоптать, уничтожить, превратить в ничто все, что возникло между ними.

– Да уж, могу себе представить! Наверное, ты имеешь в виду, что не успела избавиться от этой улики, – ядовито заметил Гай, кивком головы указывая на тисовый столик. – Я знал, что Чарли ничем не брезговал, когда ему надо было раздобыть денег на выпивку, но и представить себе не мог, что он докатился до того, что стал укрывателем краденого!

– Краденого?! – взорвалась Крисси. – Никто не крал этот столик! Он принадлежал еще моей прабабушке, и...

– Этот столик, – Гай не дал ей договорить, и жесткая складка залегла у его рта, он чеканил каждое слово, – был похищен меньше двух недель назад из имения Квинсמיד. Я узнал бы его, даже если бы полиция не разослала всем антикварам подробное описание. Я сам оценивал его для Бена Крайтона. Дело тут не просто в цене. Это копия столика французской работы, – холодно добавил он, – и, поскольку это всего лишь копия, она не стоит и десятой части подлинника.

– Ты лжешь! – заявила Крисси. Потрясение и боль от его незаслуженных обвинений сменились наконец гневом, не менее неистовым, чем ярость самого Гая.

Господи, в чем он пытается ее обвинить? На что имеет наглость намекать? Мать Крисси уверенно сказала, что столик принадлежал еще ее бабушке, а своей матери Крисси верила безоговорочно, и никто на свете не мог бы заставить ее

усомниться в ее словах.

– Это я лгу? – На долю секунды лицо Гая исказил гнев. Он стиснул кулаки и шагнул вперед, и Крисси инстинктивно попятилась, однако Гай тут же опомнился и пояснил: – Я никогда не ударю женщину. Даже такую женщину, как ты.

Лицо Крисси запылало от непереносимого унижения.

«Такую женщину, как ты»!

– Любопытно, сколько еще краденого у него хранилось и куда все делось? Уверен, полиции будет очень интересно услышать, что ты ответишь на этот вопрос.

Полиции?! Сердце Крисси бешено билось, однако она знала, что нельзя допустить, чтобы он запугивал ее или угрожал ей. Да какое он имеет право! И, главное, с какой стати она должна чего-то бояться? Она ведь не сделала ничего противозаконного, как, кстати, и ее покойный дядя! Этот столик вот уже много поколений хранится у них в семье, а Гай, должно быть, ошибся, приняв его за тот, что украли из какого-то Квинсмида. Иначе ведь и быть не может!

Они стояли друг против друга в тесном коридорчике возле двери в маленькую гостиную, и Крисси с трудом верилось, что всего несколько часов назад они лежали, обнявшись, в постели, обмениваясь клятвами верности, обещаниями вечной любви, и строили планы на будущее.

Ей хотелось и плакать, и смеяться одновременно. Господи, неужели она могла быть такой слепой идиоткой? Теперь ей было совершенно ясно, что Гай – обыкновенный бабник,

которому ни в коем случае нельзя доверять, если он заводит речь о прочных отношениях. Интересно, многих ли женщин он провел подобным образом? Скольких еще увлек и бросил? Со сколькими поступил так же, как с ней? Может быть, он явился, специально подыскивая предлог, чтобы поспорить с ней, переложив на нее вину за то, что его любовь к ней вдруг остыла?

Любовь! Да он даже не знает, что это такое. А вот ей это отлично известно. Да, известно, потому что, несмотря на жгучую боль, которую Гай ей причинил, Крисси знала, что, если бы он сейчас шагнул к ней, обнял ее, попросил прощения, сказал бы, что все это досадная ошибка, что его просто потрясло известие о том, что она племянница Чарли Плэтта, что именно поэтому он был так жесток и груб с ней, она бы, не раздумывая, простила его.

Однако одного взгляда на Гая было достаточно, чтобы понять, что он ничуть не раскаивается и уж тем более не собирается просить прощения. Поэтому, как ни трудно скрыть обиду, не показать ему, как больно ей слышать от него несправедливые обвинения, Крисси выпрямилась и спокойно сказала:

– Думаю, тебе лучше уйти.

– Знаешь что? – саркастически откликнулся Гай. – Сдается мне, ты права. Господи! – добавил он и покачал головой, поворачиваясь к двери. – Ты же чуть не обманула меня! Если бы Дженни не проговорила, что ты – племянница Чарли...

– Рано или поздно я бы сказала тебе правду, – с достоинством возразила Крисси. – Собственно говоря, я молчала только потому, что ты испытываешь к нему такую неприязнь.

– Ты солгала мне, – холодно прервал ее Гай.

– Так же как и ты солгал мне, когда я спросила тебя о Дженни, – с вызовом бросила Крисси.

Нет, нельзя допустить, чтобы он так и остался обвинителем, решила она. С какой стати?

– Сегодня я встретила твою сестру. С ней была одна из твоих родственниц. Кажется, все считают тебя отъявленным волокитой, – с горькой улыбкой проговорила Крисси. – Жаль, что я не нашла об этом до того, как мы с тобой познакомились.

В глазах Гая отразилась такая ярость, что смелость покинула Крисси.

Да, она была не права, решив не говорить ему про дядю Чарлза, но, по крайней мере, она не скрывала от него немаловажные факты из своей жизни, не утаивала свои увлечения.

Неудивительно, что он такой... такой опытный и искушенный любовник, подумала вдруг Крисси, призвав на помощь весь свой цинизм и пытаясь подавить острую боль от того, что надежды ее оказались несбыточными.

– Понятия не имею, чего ты наслушалась и от кого, – мрачно проговорил Гай, – мне до этого нет дела. То, как я отношусь к Дженни, касается только меня, и никого больше,

но Дженни никогда не отвечала на мои чувства и ни разу не изменяла Джону, которого она горячо любит.

– Ясное дело! Разве ты можешь ответить иначе? – намеренно ядовито протянула Крисси.

– Ах ты, стерва! – огрызнулся Гай и как ошпаренный выскочил за дверь.

В доме и без того холодно, и нечего разводить лишнюю сырость, пожурила себя Крисси примерно через час, однако слезы незаслуженной обиды и неожиданной утраты обретенной, как ей казалось – навсегда, любви брызнули из ее глаз, когда она уже считала, что успокоилась.

Чтобы чем-то занять хотя бы руки, если не мысли, она до позднего вечера скребла и отмывала тесную кухню с давно устаревшей плитой и древней раковиной с таким остервенением, что руки ее болели и ныли так же сильно, как и сердце.

Господи, как только она могла оказаться такой наивной дурочкой и поверить Гаю, когда он говорил, что любит ее? Должно быть, она была очарована, околдована, опутана каким-то злым волшебством. Крисси искала и не могла найти никакого разумного объяснения случившемуся – его просто не было.

Разумеется, Гай не испытывал к ней никакой любви. Разве можно в этом сомневаться? Он ведь даже по-настоящему не знает ее! Возможно, он просто использовал ее, чтобы пережить боль безответной любви к Дженни – безответной и неразделенной, по крайней мере, по его словам. Конечно же,

он не любит Крисси. Да и она тоже его не любит. Но в таком случае, почему она ведет себя словно героиня древней трагедии, почему заламывает руки и плачет? Да! Заливается в три ручья, одна, в пустом, сыром, холодном доме? Ей надо радоваться, что так быстро раскусила его!

А чего стоят все его выдумки о том, что он повезет ее в Амстердам, чтобы купить там кольцо для помолвки! Да уж, не приходится сомневаться – без Гая жизнь ее будет намного, намного лучше и спокойнее, убеждала себя Крисси.

Выбежав от Крисси, Гай не возвратился к себе. Он просто не смог. Впервые с тех пор, как бурные дни юности остались позади, он вдруг вспомнил, что именно испытывает человек, которому отчаянно хочется выплеснуть накопившиеся эмоции. Гай мрачно размышлял о том, что сейчас не прочь врезать кому-нибудь изо всех сил. Вот именно, изо всех сил!

Он нахмурился, сообразив, что ноги сами собой привели его к старой школе – той самой, где годы учебы были омрачены страхом перед Чарли Плэттом.

«Рано или поздно я бы сказала тебе правду», – защищалась Крисси, когда он упрекнул ее во лжи. Но с какой стати он должен верить ей, да и может ли он ей верить, после того как видел в гостиной ее дома этот проклятый столик? А она еще имеет наглость утверждать, что столик принадлежит ее семье!

На какую-то долю секунды Гаю показалось, что в глазах Крисси мелькнуло что-то такое, что чуть не заставило его

усомниться в своей правоте... Но потом она обвинила его в непостоянстве и бросила в лицо презрительное замечание насчет Дженни.

Гай расхаживал по игровой площадке, вновь и вновь прокручивая в голове свою ссору с Крисси. Гнев его угас, и душу заполнила горькая пустота. Казалось, все его мечты навсегда разбиты.

Да, ему с самого начала следовало внять внутреннему голосу, который не раз за последние два дня приказывал ему быть осторожнее, а он... Но теперь уже ничего не изменишь. Его чувство к Дженни можно было бы назвать спокойной нежностью, и Гай успел примириться с этим, поскольку понял, что слишком долго был один и Дженни привлекла его именно способностью сострадать и сопереживать.

Любовь к Крисси свалилась на него как снег на голову. Все произошло так внезапно. Он испытал одновременно и страсть, и жажду обладания, и мальчишескую беззаботность, заставившую его забыть о привычной осторожности. Последние два дня Гай с трудом узнавал себя. Да, в его любви к ней было все...

Любовь? Губы Гая искривила насмешливая ухмылка. Словно испугавшись самого себя, он круто повернулся и зашагал к дому.

Господи, кого он пытается обмануть? Любовь... Ведь в действительности от чувства, которое он испытывал к Крисси, невозможно избавиться одним волевым решением, как

бы ни требовала того его уязвленная гордость.

Полчаса спустя, когда Гай вернулся к себе и прошел на кухню, показавшуюся ему особенно неуютной, ему бросились в глаза пакеты с продуктами, которые он купил к романтическому ужину с Крисси. Нахмурившись, Гай решительно швырнул покупки в мусорное ведро.

На столе осталась бутылка вина. Гай хотел было выкинуть и ее, но остановился. Нет, это уже чистое святотатство! Достав штопор, он откупорил бутылку и рассеянно налил себе стакан.

Вино ему понравилось, но даже его сладковато-терпкий вкус не смог заглушить тупую боль, что терзала его душу. Гай залпом осушил стакан и тут же налил себе еще, с горечью размышляя о том, что был уверен, будто неплохо разбирается в людях. Так было до этого вечера, когда жизнь доказала ему, как мало он знает. Крисси удалось без каких-либо усилий обвести его вокруг пальца.

Стакан был пуст. Гай нахмурился и вновь наполнил его. Бесплезно проклинать судьбу, которая свела его с этой лживой женщиной. Уж лучше проклинать самого себя за то, что он так жестоко обманулся. Гай уставился на полупустую бутылку. Пожалуй, нет смысла оставлять вино. Прихватив стакан и бутылку, он направился к лестнице.

Гай спал, и ему снилось, что он крепко обнимает Крисси, наслаждаясь таким знакомым ароматом ее тела. Вдруг он ощутил, как она напряглась и, обернувшись через плечо,

взглянула на какого-то человека, что стоял неподалеку, наблюдая за ними.

– Почему ты смотришь на него? – ревниво поинтересовался Гай и увидел Чарли Плэтта, насмешливо ухмыляющегося в тени школьных ворот.

– Мне пора, – решительно заявила Крисси, высвобождаясь из объятий Гая.

Неожиданно Чарли оказался возле них, возвышаясь над Гаем, как, бывало, в детстве. Он презрительно усмехнулся, когда Гай взял руку Крисси в свою.

– Ты что же, на самом деле решил, что ей нужен ты? – с вызовом произнес Чарли, и Гай увидел, как он обнял Крисси и повел ее прочь. До Гая донесся хриплый смех Чарли. И его льстивый голос: – Посмотри, Крисси, что я тебе принес. – Он показал ей столик, который почему-то оказался стоящим посреди тротуара.

– Нет, не бери его! – воскликнул Гай, но Крисси лишь негодуя расхохоталась.

– Ясное дело, я возьму его, – ответила она. – Он мой. Чарли подарил его мне.

– Да нет же! – запротестовал Гай и проснулся от звука собственного голоса. Он рывком сел на постели, растерянно моргая и глядя в темноту. Похоже, даже во сне ему нет спасения от переживаний.

«Крисси не горит желанием объявлять во всеуслышание о том, что Чарли Плэтт – ее дядя», – заметила Дженни

несколько часов назад.

«Никто не крал этот столик! Он принадлежал еще моей прабабушке», – с гордостью сообщила ему Крисси.

«Полиция подозревает, что в шайке, которая занимается кражами со взломом, главарем является женщина», – сказала Дженни.

Гай застонал и перевернулся на другой бок, изо всей силы ударив по подушке. Нет, не может быть, что Крисси связана с ворами, теми, что недавно вломились в Квинсמיד. В этом он совершенно уверен. Но ведь точно так же он еще сутки назад был уверен в том, что Крисси неспособна на обман и ложь!

Он окончательно проснулся и лежал на спине, глядя в потолок. Абсурд, но даже после всего, что ему стало известно о Крисси, тело его – впрочем, не только тело, но и душа – отчаянно тосковало по ней, и каждая клеточка его существа наполнилась горькой болью от неожиданной разлуки.

Гай понимал, что еще никогда не испытывал подобных чувств ни к одной женщине, даже к Дженни. Получается, в одном он оказался прав – Крисси действительно та единственная в мире женщина, которую ему суждено любить. Впрочем, в остальном он жестоко заблуждался – даже когда воображал, будто она разделяет его чувства.

Именно поэтому он никак не мог взять в толк, как она допустила, что они стали близки. Быть может, от нечего делать? Просто чтобы приятно провести время, пока она зани-

мается своими делами в Хэлсвиче?

Гай мог бы поспорить на что угодно, что Крисси не из тех женщин, которые предпочитают секс всем остальным возможным развлечениям. Он догадался об этом по ее едва заметному колебанию, по некоторой неопытности и неуверенности, не мешавшим ей, впрочем, быть совершенно искренней.

Голова его кружилась и болела от вина, а тело и сердце ныли от горечи разлуки с Крисси, от желания быть с ней, ощутить ее рядом с собой.

Гай нахмурил брови, напоминая себе, что он уже не подросток, что у него есть дела и обязанности. Вопрос в том, яростно думал он, хочется ли ему, чтобы вся округа узнала, каким глупцом он оказался...

Гай только что положил телефонную трубку, когда в дверь позвонили. Несмотря на таблетку парацетамола, которую он принял рано утром, голова его раскалывалась. Но когда он встал и направился к двери, сердце учащенно забилося от безумной надежды. Разумеется, нечего ждать, что на пороге он увидит Крисси. Разве такое возможно? Между ними все кончено, и ему, наверное, надо радоваться, что это произошло именно сейчас, а не позже.

– Гай, с тобой все в порядке? – обеспокоено спросила Дженни, когда он жестом пригласил ее войти. – Выглядишь кошмарно.

Солнечный свет, врывающийся в дверь, больно резал ему

глаза, и Гай поморщился, подозревая, что Дженни уже обо всем догадалась.

– У нас возникли кое-какие проблемы с официантами, которые будут работать на ярмарке, – объяснила Дженни и прошла в кухню, – Я, право же, вовсе не хотела врываться к тебе в такую рань. А Крисси уже поднялась?

– Ее тут нет, – отрывисто проговорил Гай и добавил, повернувшись спиной к Дженни: – Между нами все кончено.

– Гай... – в голосе Дженни звучало искреннее изумление. – У всех случаются ссоры, – с сочувствием начала она, – я уверена, что...

– Это вовсе не тот случай, когда «милые бранятся», Джен, – мрачно возразил Гай. – Пока ты вчера не заговорила об этом, я понятия не имел, что Крисси – родственница Чарли Плэтта. Она ввела меня в заблуждение, заставив поверить, что действует просто по поручению его семьи.

Дженни нахмурилась.

– Ох, Гай, прости меня. Мне не следовало ничего тебе говорить. Я и представить себе не могла... Понимаешь, я была уверена, что ты все знаешь...

– Нет. Я ровным счетом ничего не знал, – с тяжелым сердцем признался Гай. – Она солгала мне! – выкрикнул он и принялся расхаживать по кухне. – И, кроме того, она...

– Гай, я отлично понимаю, как ты потрясен. Тебе сейчас очень больно, – мягко заговорила Дженни. – Я знаю, что ты никогда не испытывал к Чарли особой любви, но тебе не при-

ходило в голову, что, может быть, именно поэтому Крисси решила тебе ничего не говорить?

Гай выглянул в окно. Интересно, станет ли Дженни так же убежденно защищать Крисси, когда узнает про столик? Почему-то он не был в этом уверен.

– Дело не только в том, что она ничего не сказала мне о своем родстве с Чарли, – медленно проговорил он. – Есть... есть и еще кое-что.

Он обернулся. Дженни озадаченно смотрела на него, явно заинтригованная его словами.

– Столик Бена находится у нее, – сказал Гай и жестко добавил: – Джен, я видел его собственными глазами. Ошибки быть не может. Господи, я же сам оценивал этот чертов столик по просьбе Бена, и я сказал ей об этом, а она заявила, что он принадлежит ее семье. Но ведь она же должна понимать, что столик не мог принадлежать Чарли.

– Почему?

– Хотя бы потому, что... Если бы ты только видела, как этот тип жил!

– Может быть, она искренне верит, что столик принадлежал Чарли? – неуверенно предположила Дженни.

– Как?! Как она может так думать? Ведь я же сказал ей, что это ложь?! Я так и сказал ей. Больше того, сказал, чей это столик!

– О Господи! – воскликнула Дженни. – Прости, Гай, но я просто не знаю, что тебе сказать. А мне она показалась такой

милой, такой искренней. Вы так хорошо смотрелись вместе – словно вы созданы друг для друга. Может быть, тебе стоит попытаться еще раз поговорить с ней?

– Чего ради? – резко бросил Гай. – Она опять солжет мне, и все... – Он покачал головой.

– Как бы там ни было, слишком поздно, я только что звонил в полицию и сообщил им о местонахождении столика. Дженни, я не мог поступить иначе, – тихо добавил он, поскольку та молчала. – Ты же меня знаешь, верно?

– Знаю... – убитым голосом откликнулась Дженни.

– Через полчаса они заедут за мной. Полиция хочет, чтобы я отправился туда и опознал столик.

– Гай, мне так больно все это слышать! – проговорила Дженни.

– Можешь поверить – тебе и вполтину не так больно, как мне, – лаконично парировал Гай.

Они еще немного поговорили о работе официантов на антикварной ярмарке, а потом Дженни сказала, что ей пора возвращаться.

– Джен, ты ведь никому, кроме Джона, не скажешь, правда? – попросил Гай. – Я имею в виду эту историю со столиком. По крайней мере пока.

– Разумеется, – пообещала она.

– Рано или поздно правда все равно выплывет наружу, и одному Богу известно, в каком дурацком положении я тогда окажусь – особенно в глазах моей семейки.

– Гай, но ведь должно существовать какое-то разумное объяснение. – Дженни явно старалась утешить его, но Гай лишь горько рассмеялся в ответ.

– Спасибо за попытку, Джен, это очень мило с твоей стороны, но ведь мы оба отлично знаем правду. Этот столик никак не может принадлежать семье Крисси. Другого такого на свете нет, он уникален. Он был изготовлен на заказ, и, хотя мне неприятно так говорить, мелкий фермер вроде прадеда Крисси просто не мог позволить себе приобрести столь дорогую безделушку – вернее, он и мечтать не мог о подобной роскоши.

По утверждению Бена, было решено заказать копию только потому, что отец Бена считал, будто его обошли при разделе наследства, когда Честерская ветвь семейства Крайтонов отказалась передать ему подлинный столик, хотя мать обещала, что после ее смерти он обязательно получит его.

– Ммм... Пожалуй, когда Бен захочет, он многое может вспомнить, – сокрушенно призналась Дженни. – Как я понимаю, и речи не может быть, что отец Бена унаследовал подлинный столик – один из двух одинаковых столиков, которые были изготовлены во Франции для девочек-двойняшек из честерской ветви семьи. Если я все правильно помню, отец Бена решил изготовить копию, чтобы потешить свое уязвленное самолюбие и таким образом насолить честерским Крайтонам, а вовсе не потому, что ему уж так хотелось заполучить этот столик.

– Два одинаковых столика... Очень интересно. А где они сейчас?

– Один хранится у Лоренса, второй стоит у Генри. Они чудо как хороши, французской работы, намного изящнее той копии, что была у Бена, хотя никто из нас, разумеется, даже и не намекает ему об этом, – рассмеялась Дженни. – Ты же знаешь, как ревниво относится Бен ко всему, что касается Честерской ветви его семьи. Ясное дело, в его глазах отец был обделенным судьбой праведником. Хотя даже из того, что рассказала мне Рут, можно сделать вывод, что их отец был на редкость упрямым и своевольным человеком, настоящим домашним тираном. А вот Бен, похоже, до сих пор видит отца в розовом свете. Гай, предоставь Крисси еще один шанс, – неожиданно закончила Дженни, легко касаясь его руки.

– Не могу, слишком поздно. Слишком много было сказано. Я сомневаюсь, что она захочет что-либо изменить. Впрочем, я, видимо, круглый дурак, потому что все еще надеюсь, – насмешливо договорил он.

Хотя Крисси и не выпила перед сном бутылку красного, как это сделал Гай, спала она так же скверно, как и он.

Сейчас уже поздно сожалеть, что с самого начала она ничего не сказала ему о своем родстве с Чарли. Будь она с ним откровенна, он бы, по крайней мере, тут же шарахнулся от нее, тоскливо размышляла Крисси. Да и она не влюбилась бы в него так безоглядно.

А он... Если бы он действительно любил ее, он бы ее вы-

слушал, дал бы ей время все объяснить, ему бы хотелось понять ее объяснения. Однако ничего этого он не сделал. Похоже, он и впрямь лишь искал предлог, чтобы разорвать их и без того не слишком прочные отношения. Возможно, все дело в том, что он уже охладел к ней? Вот на что намекала Натали!

Что же касается его обвинений в том, что столик, принадлежавший еще прабабушке Крисси, на самом деле был...

Крисси замерла, услышав стук в дверь, и сердце ее бешено забилось, а здравый смысл и логика испуганно отступили. Тем сильнее оказалось ожидавшее ее потрясение. Возле ее дома стоял полицейский автомобиль, а на пороге возникли офицер полиции с непроницаемым лицом и рядом с ним Гай, столь же отчужденно смотревший на нее.

– Мисс Олдхэм? – поинтересовался офицер. Крисси кивнула. Он вошел в дом, вежливо отстранив ее, и пояснил: – Нам стало известно, что здесь находится некий столик, который, судя по всему, является краденым.

– Краденым? – Крисси метнула в Гая исполненный возмущения и ярости взгляд, но он молча последовал за полицейским. – У меня действительно есть столик, – пытаюсь держаться как можно достойнее, начала Крисси, – однако он во все не краденый. Он... он принадлежал еще моей прабабушке.

– Понятно. А вы располагаете какими-либо доказательствами, подтверждающими, что это на самом деле так? –

спросил полицейский.

Ясное дело, у Крисси не было никаких доказательств, кроме маминых воспоминаний и уверенности в том, что дядя Чарлз присвоил столик после бабушкиной смерти.

Крисси отчаянно не хотелось в присутствии Гая признаться, что сейчас у нее нет убедительных доказательств, и потому она, отвернувшись, спокойно ответила:

– Нет, боюсь, сейчас я не располагаю подобными доказательствами. Моя мама может описать вам столик и дать слово, что он принадлежал ее семье.

– Все ясно. А когда и где мы можем переговорить с вашими родителями, мисс?

Крисси закусила губу.

– К сожалению, сейчас это непросто, поскольку мама и отец в отъезде. Они совершают деловую поездку, и поэтому я здесь... вернее, поэтому мама... то есть они не смогли приехать.

– Иными словами, в данный момент никто не может подтвердить ваше заявление о том, что столик принадлежит именно вам?

– Похоже, это так, – согласилась Крисси, надеясь, что голос ее звучит спокойно. Она чувствовала на себе пристальный взгляд Гая, но не поворачивалась, чтобы не дать ему насладиться стыдом и отчаянием, которые жгли ее.

– А когда можно будет связаться с вашей матерью... вернее, с вашими родителями?

Крисси снова покусала губы.

– Еще не скоро.

– А вы, мистер Кук, полагаете, что этот столик принадлежит мистеру Бену Крайтону?

– Я знаю, офицер, что он принадлежит мистеру Крайтону, – резко поправил полицейского Гай. – Я сам производил оценку несколько месяцев назад, и, когда в доме произошла кража, этот столик был одним из первых занесен в список похищенных вещей.

И полицейский, и Гай посмотрели на Крисси так, что ей стало не по себе. Если честно, она даже почувствовала себя виноватой. Но ведь это абсурд – в чем ее вина? В худшем, в самом худшем случае мама ошиблась, и столик – не тот, о котором она говорила. Но она так уверенно описала его!

– Моя мама выросла в доме, где стоял этот столик, – дрожащим голосом произнесла Крисси, – но, если она... то есть, я хочу сказать, если произошла ошибка...

– Ошибка? – с издевкой переспросил Гай, и Крисси метнула в него полный презрения взгляд.

– Да, ошибка, – твердо повторила она. – Тогда моя мама первая и заявит об этом, – медленно сказала она, обращаясь к полицейскому. – А до тех пор все, что я могу сказать или сделать...

– Она помолчала, с отчаянием понимая, что глаза ее полны слез, и изо всех сил заморгала. Меньше всего ей хотелось расплакаться в присутствии Гая, позволить ему увидеть, ка-

кую боль он причиняет ей, как несчастна она по его вине.

– Ну что же, полагаю, лучшее, что можно сделать, – это поместить столик на нейтральную территорию, где и будет проведено официальное опознание, – дипломатично предложил полицейский.

Крисси сделала попытку улыбнуться ему, когда он поблагодарил ее за помощь следствию и направился к двери. Обернувшись, она окаменела – Гай, судя по всему, решил задержаться.

– Я должен был сообщить в полицию, – тихо сказал он, как только они остались одни.

– Да, я не сомневалась, что ты так поступишь! – пылко воскликнула Крисси. Не в силах остановиться, она быстро заговорила: – Я знаю, ты считаешь, что я лгу, но это не так – я говорю правду, так же как и мама. Этот столик принадлежит нашей семье.

– Еще десять минут назад ты не была в этом уверена, – едко заметил Гай.

– Мама никогда не стала бы лгать, – с достоинством возразила Крисси, и лицо ее залил пунцовый румянец, когда Гай презрительно посмотрел на нее. – Она не стала бы лгать, – горячо повторила она. – Мама не...

– Продолжай! – подзадорил ее Гай. – Она не такая, как ты?

С нее достаточно! Размахнувшись, Крисси собралась влечь ему пощечину, но Гай отреагировал быстрее. Поймав ее руку, он завел ее за спину Крисси.

– Бог мой, да ты окончательно завралась! – хрипло выдохнул он. – Дядюшка Чарли гордился бы тобой! Почему ты ничего не сказала мне о нем, Крисси?

На долю секунды Крисси показалось, что он действительно хочет объяснить себе ее поступок, но, вовремя опомнившись, она упрекнула себя в глупой слабости.

– Если бы я сказала тебе, ты бы все равно ничего не понял, – с вызовом заявила она.

– Да уж, могу себе представить, – не без сарказма согласился Гай, – но вот это я отлично понимаю!

Не успела она увернуться, как он прижал Крисси к стене и, все еще удерживая ее руку, впился губами в ее рот, целуя так страстно и так жадно, что Крисси показалось, будто ее жжет огонь. Она с ужасом поняла, что отвечает ему, отвечает на этот неожиданный поцелуй, позволяя ему поработить ее тело, ее чувства, ее душу, и даже не пытается защищаться или сопротивляться. Господи, где же ее гордость, где чувство собственного достоинства, где самоуважение? Что с ней?

– Я тебя ненавижу! – с яростью воскликнула она, когда он наконец оторвался от ее губ. – Да, ненавижу и не желаю тебя видеть. Никогда. Ясно?

Но было уже поздно. Гай ушел, громко хлопнув дверью, и ее гневные слова эхом разнеслись по пустому, холодному дому.

А Гай почти бежал по улице, не в силах поверить в то, что произошло. Он никогда не обращался так ни с одной женщи-

ной, никогда не бывал так груб, так бесцеремонен, он и понятия не имел, что ему когда-нибудь захочется так себя вести, он представить себе не мог, что желание будет обуревать его с такой силой, что ему придется скрывать свою страсть, притворяться, будто его душит ярость, – ведь он всегда презирал лицемерие.

Да, ему хотелось поцеловать Крисси – и не только поцеловать, со стоном вынужден был признать он. Он и сейчас хочет ее. Господи, когда же придет конец этому наваждению? Да и придет ли вообще?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

– Крисси...

Крисси была в отчаянии. Глаза ее наполнились горячими слезами, как только она услышала полный сочувствия голос Джона.

Прошло уже несколько недель с того дня, как она поссорилась с Гаем. Крисси постоянно твердила себе, что, раз уж жизнь обрушила на нее самое худшее из всех возможных потрясений, теперь все должно меняться только в лучшую сторону. Увы, пока что ее предсказание не спешило сбыться. Перемены к лучшему в ее жизни почему-то не происходили.

Десять минут назад она приехала обсудить с Джоном кое-какие юридические вопросы, но сейчас у нее просто не было сил выслушать то, что он рассказывал ей о долгах покойного дяди. Чтобы разобраться с имуществом Чарли Плэтта, пришлось пригласить нового оценщика, заняться бесконечной перепиской, и потому потребовалось значительно больше времени, чем могли предположить и сама Крисси, и ее мать.

– Прошу прощения, – извинилась она сквозь слезы, увидев, что Джон протягивает ей пакетик с бумажными платочками. – Не понимаю, что со мной...

Джон знал о случившемся со слов Дженни и деликатно промолчал. Он просто не мог себе представить, что Крисси

имеет хоть какое-то отношение к краже.

– Полагаю, вы в курсе, что полиция еще не закончила расследование? – спросила Крисси, вытерев слезы. – Я хотела съездить домой и порыться в семейных альбомах с фотографиями. Может быть, найдется какой-нибудь снимок, где будет этот столик, – сказала Крисси и горько рассмеялась. – Мама говорила так уверенно. Она рассказывала, что ее бабушка очень гордилась этим столиком, и еще мама помнит, как прабабушка полировала столик до блеска. Мама сказала, что ее бабушка не раз плакала, дотрагиваясь до этого столика, хотя и притворялась, что все в порядке, когда мама спрашивала, в чем дело.

– Может, вам стоит вернуться домой? – мягко предложил Джон. – Я мог бы выслать все детали дела по факсу.

– Нет. – Крисси не дала ему договорить и энергично затрясла головой. – Если я уеду, люди могут решить, что... Нет, я не хочу, чтобы кто-то думал, будто я... пытаюсь убежать или скрыться, – поспешно закончила она.

Джон улыбнулся.

– Понимаю, – сказал он.

Когда Крисси спустя час вышла из его офиса, самочувствие ее резко ухудшилось. Утром, как и в предыдущие несколько дней, она не завтракала, и, хотя сейчас знала, что ей давно пора бы проголодаться, почему-то от одной мысли о еде ее начинало подташнивать. Голова стала какой-то невесомой и кружилась так сильно, что Крисси вынуждена бы-

ла остановиться. Она ухватилась, чтобы не упасть, за ограду, отделявшую величественную церковь норманнского стиля от прилегающего к ней кладбища.

Пожалуй, такого с ней еще никогда не бывало, и Крисси решила, что постоит тут немного, сделав вид, будто любит церковь, прежде чем отправится к дому дяди Чарли.

Она потрясла головой, желая избавиться от дурноты и тумана в голове, и вдруг обнаружила, что находится в нескольких ярдах от элегантных особняков. Здесь, сообразила она, живет Гай. Но даже мысль об этом не придавала ей сил – напротив, ей, похоже, стало еще хуже. Слезы выступили на ее глазах. Хотя она так старалась подавить болезненные переживания и воспоминания, поднявшиеся в ее душе!

Рут упрекала себя за ненужную слабость. Ведь сейчас она должна быть в Америке вместе с Грантом. Ему пришлось срочно вылететь в Штаты, на какое-то деловое совещание. Рут совсем было собралась отправиться с ним, но в последнюю минуту передумала, поддавшись неясному чувству вины, которое охватывало ее всякий раз после разговора с Беном – из-за кражи со взломом он казался особенно беззащитным и одиноким.

– Я отлично знаю, что он может быть и упрямым, и несговорчивым, – объясняла Рут Гранту, устраиваясь поуютнее возле него в постели. Уверенность, что их медовый месяц будет длиться всю жизнь, радость от простой мысли о том, что они уснут вместе, а утром она проснется рядом с ним, на-

слаждаясь близостью, резко противоречили всему, что могла подумать о Рут ее собственная семья. Ведь еще недавно Рут была незамужней тетушкой всех Крайтонов, старой девой с безупречной репутацией. Временами Рут размышляла, что, наверное, многие осудят ее за то, что в ее-то годы она испытывает радость от физической, чувственной и душевной близости с мужем, что она безоглядно любит его, как двадцатилетняя девушка. Иногда Рут и сама начинала сомневаться, пристало ли женщине зрелого возраста так восторгаться тем, что судьба вновь свела ее с Грантом. Впрочем, муж без труда развеял все ее сомнения. – Ведь он же мой брат, – со всей серьезностью произнесла она, когда Грант попытался поцеловать ее. – Грант, я так беспокоюсь за него. После этой несчастной кражи со взломом он очень постарел, стал таким ранимым! А тут еще эта операция... Ты действительно не станешь возражать, если в этот раз я не полечу с тобой?

– Еще как буду возражать, – ворчливо отозвался Грант, – но тем не менее я все понимаю.

У Бена, к несчастью, начался один из тех периодов, когда он отказывался видеть и Рут, и кого-либо еще, и она вполне могла отправиться вместе с Грантом. Она уже отчаянно скучала по нему, а он должен возвратиться не раньше чем через неделю. Чья-то беспомощная фигура на другой стороне улицы перед окном ее спальни внезапно привлекла ее внимание, и Рут нахмурилась.

Девушка, кем бы она ни была, выглядит не лучшим обра-

зом, отметила Рут, увидев, как Крисси судорожно цепляется за ограду. Желание помогать и защищать заставило Рут поспешно спуститься вниз.

– Привет! Я увидела вас в окно, – объявила Рут. – Похоже, вам нездоровится. Почему бы вам не зайти ко мне и не присесть на пару минут?

Крисси не слышала шагов Рут и не успела отвернуться, чтобы спрятать залитое слезами лицо. Она пробормотала что-то, пытаясь отклонить неожиданное предложение, но Рут уже взяла ее за руку и мягко, но настойчиво повела к открытой двери своего дома.

Чувствуя, что у нее нет сил сопротивляться или спорить, Крисси покорно поплелась следом. Всю свою жизнь Крисси была очень независимой и упрямой, так что мама, бывало, нежно журила ее за это. Но сейчас, как ни странно, девушка была рада, что чья-то добрая воля принялась руководить ее действиями, а ей остается лишь слушаться.

Дом Рут находился недалеко от особняка Гая, и, как и в его доме, коридор и гостиная, куда незнакомая женщина привела Крисси, были обставлены и старой, и новой мебелью – впрочем, такое сочетание не резало глаз, а, напротив, казалось вполне удачным. Здесь в отличие от дома Гая на полочках, на комодах, на стенах виднелись семейные фотографии, которыми, судя по всему, очень дорожили. Крисси застыла, узнав на одной из них Дженни и Джона – они смеялись, глядя на фотографа.

– Это мой племянник Джон со своей женой, – с улыбкой пояснила Рут, заметив, куда смотрит Крисси.

– Так ваша фамилия Крайтон? – поинтересовалась девушка.

– Была, но уже нет, – весело ответила Рут. – А вы знаете Джона и Дженни?

Крисси закусила губу.

– Можно сказать и так. Джон занимается делами... то есть по поручению моей мамы он ведет переговоры о продаже дома моего покойного дяди, Чарлза Плэтта, – сказала она, с вызовом подняв голову и в упор глядя на пожилую даму. – Меня зовут Крисси Оддхэм, – добавила она, – а Чарлз Плэтт был моим дядей. Насколько мне известно, его не очень-то жаловали в городе, так что, если вы хотите, я могу...

Рут не дала ей договорить.

– У нас у всех есть родственники – близкие или дальние, – о которых нам не всегда приятно вспоминать, – спокойно ответила она, догадываясь о том, что может переживать девушка. – В каждой семье найдется своя паршивая овца, и в моей тоже, – закончила она. Голос ее звучал непринужденно, что, впрочем, не помешало ей пристально всмотреться в бледное лицо Крисси и заметить, как дрожат ее пальцы.

Судя по всему, девушка расстроена не только тем, что Чарли Плэтт приходится ей дядей. По мнению Рут, Крисси едва ли принадлежит к сверхэмоциональным, склонным к истерикам женщинам, но безысходность и тоска в ее глазах

всерьез обеспокоили Рут, как и то, что неожиданной гостье явно нездоровилось.

Рут быстро приняла решение.

– Сейчас я приготовлю нам по чашечке чая, и ты мне все по порядку расскажешь, – уверенно заявила она.

Уже давно никто, а тем более посторонние люди, не обращался с Криси столь решительно и властно. В конце концов, она взрослая женщина, она сама распоряжается своей жизнью. Вернее, именно так Криси считала еще совсем недавно. События последних недель доказали, как скверно она справляется с волнением и как бессильна в сердечных делах. Ведь она до сих пор мечтает о том, чтобы Гай одумался, пожалел об их разрыве и взял назад все несправедливые обвинения и ядовитые упреки. Вот уж точно несбыточная мечта! Стоило только Криси подумать об этом, как слезы вновь заблестели на ее ресницах.

– Вот так, – скомандовала Рут через десять минут, наливая Криси и себе по большой чашке свежезаваренного чая. – А теперь посмотрим... На чем мы остановились? Ах, да! Ты только и успела сказать мне, что Чарлз Плэтт – твой дядя. Боюсь, он был не слишком симпатичным человеком, – поспешила добавить Рут, – но я уверена, тебе и без меня это известно. Я знала еще его мать и даже бабушку – и твою маму тоже, хотя она давненько уехала из Хэслвича, не так ли?

– Да, – ответила Криси. – Сейчас она в отъезде вместе с отцом, вот поэтому-то...

– ... ты и приехала вместо нее, – догадалась Рут.

– Пожалуй... – осторожно согласилась Крисси.

Она поглядела на Рут и мысленно пожала плечами. Разве есть смысл утаивать правду? Крисси уверена, что мама поняла бы ее, и ей отчаянно хотелось поговорить с кем-нибудь. Как ни больно ей было, она рассказала Рут все.

– О Господи! – посочувствовала Рут, когда Крисси закончила свой рассказ.

Ясное дело, Рут отлично знала столик, который упомянула Крисси. Брат Рут, Бен, очень дорожил этим столиком. Еще их отец привез его в Квинсמיד, когда переселился туда. Тем не менее Рут поняла, что причина переживаний Крисси не только в том, кому может принадлежать пусть и изящно обработанная, но все же бездушная деревяшка.

– А ты не пробовала поговорить с Гаем и все ему объяснить? – мягко поинтересовалась она.

Крисси покачала головой.

– Зачем? Он уже все для себя решил и, кроме того... Говорят, никогда нельзя допускать, чтобы эмоции влияли на... – Крисси отхлебнула чай и страшно побледнела. – Простите, – с трудом выговорила она. – Не знаю, что со мной. Должно быть, это на нервной почве, но я так скверно себя чувствую... Это точно не пищевое отравление, потому что я ничего не могу есть – от одной мысли мне становится тошно. Понять ничего не могу... Раньше у меня не было никаких проблем со здоровьем.

Рут внимательно посмотрела на нее. Кажется, она уже догадалась, отчего совершенно здоровой молодой женщине до того противно думать о еде, что ее начинает тошнить. Когда-то Рут пережила все это сама, да и работа в благотворительном фонде, который она учредила для поддержки матерей-одиночек и которым управляла, научила ее распознавать самые ранние, почти незаметные признаки беременности.

– Мне бы не хотелось совать нос не в свое дело, – тихо заговорила она, – но...

Рут всегда была сторонницей откровенных высказываний и сейчас не стала кривить душой.

– Может, я и ошибаюсь, но тебе не приходило в голову, что ты беременна?

– Нет! – задохнулась Крисси и тут же поняла, что Рут наверняка права.

Не она ли пару часов назад твердила себе, что жизнь уже провела ее через худшее из всех возможных испытаний? И вот теперь, услышав предположение Рут, Крисси поняла, что ошибалась. Ее положение может быть еще хуже. Собственно говоря, оно уже стало хуже. Она беременна от Гая. Господи, да как же это случилось?

Но стоит ли удивляться? После того как они предавались безудержной, безоглядной, головокружительной страсти, удивляться надо было бы, если б она не забеременела.

– Похоже, я напугала тебя, – мягко проговорила Рут и добавила: – Я знаю, что это такое. Мне самой довелось все

это пережить... – Она улыбнулась, заметив недоверчивый взгляд Крисси. – Это, разумеется, было давно и при совершенно иных обстоятельствах. Мне пришлось отдать ребенка в другую семью.

– Нет, не может быть! – воскликнула Крисси, тем самым непроизвольно, сама не зная того, дала Рут понять, что станет исключительно заботливой и любящей матерью.

– Еще как может! Но мне по-настоящему повезло. Жизнь подарила мне второй шанс, и моя дочь... вернее, наша дочь стала неотъемлемой частью и моей жизни и жизни Гранта, – призналась Рут. – Я понимаю, ты потрясена, но ты должна будешь сказать о ребенке Гаю.

– Нет! – Крисси яростно затрясла головой. – Это не его дело... И кроме того, он не захочет иметь к этому никакого отношения.

Рут удивленно подняла брови.

– Ты уверена? – поинтересовалась она. – Я-то знаю Гая с детства, и мне думается, он воспримет свой долг по отношению к вашему малышу очень и очень ответственно.

– Но мы не собирались заводить детей! Все вышло чисто случайно! – поспешно возразила Крисси. – Мне не нужна его помощь... и не нужно никакое чувство долга. Я сама справлюсь. Это мой ребенок, только мой!

Рут слушала, сочувственно кивая. Как же хорошо знакома ей эта упрямая женская гордость! Она сразу ощутила, что начинает переживать – не только за Крисси, но и за ее малы-

ша, однако Рут была достаточно мудра, чтобы промолчать.

– У нас в городе великолепный медицинский центр с очень опытным гинекологом. Мне кажется, тебе стоит туда навестись.

– Да, большое спасибо, я обязательно так и сделаю, – натянуто ответила Крисси, записав на листке, который дала ей Рут, адрес медцентра и фамилию врача.

Полчаса спустя, поддавшись на уговоры Рут съесть несколько тостов и выпить еще одну чашку чая, Крисси на еще не совсем твердых ногах вышла на улицу, поблагодарив пожилую женщину не только за гостеприимство, но и за доброту. Господи, у нее будет ребенок от Гая! Может, ей и не хочется этому верить, но инстинктивно Крисси сознавала, что это правда.

Что же ей теперь делать? Что она скажет родителям? Хотя они и не страдают предрассудками и очень любят ее, несомненно, известие, что у них скоро появится внук, ошеломит их. Крисси устало прикрыла глаза, напоминая себе, что у многих женщин и родители не такие понимающие, и профессии никакой, и заработок маленький – а ведь справляются же! Значит, справится и она.

У Гая выдался на редкость напряженный день. Управляющий поместьем лорда Этли, судя по всему, застал одну из официанток, которые обслуживали ярмарку, в закрытой для посетителей части дома. Девушка утверждала, что заблудилась в огромном особняке, и сокрушенно жаловалась на то,

как обошелся с ней управляющий.

– Накричал на меня, словно я воровка какая! – возмущалась она. – Да он-то сам кто такой?

Ярмарка должна была открыться на следующий день, и Гаю не хватает только таких осложнений. Да если еще вспомнить, что...

Он резко нажал на тормоз, увидав, как из бокового переулка появилась Крисси и медленно поплелась по тротуару. Голова опущена, она выглядит усталой и донельзя измученной. Гаю потребовалась вся сила воли, чтобы не выскочить из машины, не кинуться к ней, не обнять... Последние недели, когда он тщательно избегал встреч с Крисси, были самыми долгими в его жизни. Господи, и зачем только судьбе было угодно, чтобы он наткнулся на этот проклятый столик?

Если бы этого не случилось... Да, он действительно был зол... чувствовал себя уязвленным – ведь Крисси намеренно не сказала ему, что Чарли приходится ей дядей... Но ведь, с другой стороны, как она не замедлила напомнить ему, и он был не вполне откровенен с ней, и он утаил от нее важные факты своей жизни. За прошедшее время Гай поостыл, успокоился и понял, что Крисси, скорее всего, как и предположила Дженни, ничего не сказала о своем родстве с Чарли только потому, что не хотела создавать между ними никаких преград.

«Дай Крисси еще один шанс, Гай», – советовала Дженни несколько недель назад. Теперь ее слова с новой силой зву-

чали в голове Гая.

Понурившись, Крисси завернула за угол, так и не заметив Гая. На перекрестке загорелся зеленый свет. Гай проехал чуть вперед, затем, повинувшись внезапному импульсу, включил левый поворот и свернул вслед за Крисси. Не обращая внимания на желтую линию, он припарковал машину, захлопнул дверцу и побежал догонять Крисси.

Она услышала чьи-то торопливые шаги за спиной, инстинктивно остановилась и обернулась. Гай увидел, как на лице ее отразилось изумление, едва она узнала своего преследователя.

– Гай... – выдохнула она, не в силах унять бешено колотящееся сердце.

– Крисси, с тобой все в порядке? – обеспокоено спросил Гай, заметив, какой у нее усталый вид. Его поразила бледность Крисси.

– Ясное дело, со мной все в порядке, – огрызнулась она и, резко отвернувшись, случайно задела Гая. Из руки ее выпал листок бумаги, который дала ей Рут и который она до сих пор, сама того не замечая, судорожно сжимала.

Она нагнулась, чтобы поднять его, но Гай оказался проворнее. Разгладив бумажку, он нахмурился, прочитав фамилию и адрес одного из практикующих врачей.

– Если ты не больна, зачем тогда тебе адрес доктора Джардин? – вскричал он. – Хотя, по правде говоря, выглядишь ты не лучшим образом.

– Я же сказала, что со мной все в порядке, – стиснув зубы, солгала Крисси, – так что, будь любезен, отдай мне адрес.

Доктор Джардин. Гай нахмурился еще сильнее. Хотя сам он никогда не обращался к этой женщине за консультацией, ее имя почему-то показалось ему странно знакомым. Доктор Джардин, доктор Джардин...

Он уже готов был вернуть адрес Крисси, как вдруг сообразил, в чем дело. Именно к доктору Джардин обращалась одна из его сестер с подозрением на бесплодие. Доктор Джардин заведовала гинекологическим отделением городского медцентра. Гинеколог... Господи, с какой стати Крисси вдруг обращаться к гинекологу в чужом для нее городе? Что случилось? Она так бледна, у нее такой измотанный и усталый вид – ни дать ни взять привидение, и одновременно в ее взгляде такая гордость, и стоит она, сложив руки поперек живота, словно...

– Ты беременна! – Гай выпалил это, не успев обдумать, доверившись интуиции, не пытаясь сообразить, насколько правильна может быть его догадка. Но стоило ему лишь взглянуть в лицо Крисси, как он понял, что прав.

Целая буря эмоций охватила его: потрясение, боль, радость, гнев, гордость и любовь... Да, главное – любовь.

Крисси отвернулась, сжав губы. На сердце было тяжело.
– Крисси! – услышала она за спиной требовательный голос Гая.

– Мне нечего тебе сказать, – дрожащим голосом высоко-

мерно произнесла она.

– Значит, ты действительно беременна, – не веря себе, проговорил Гай. – От меня... Это мой ребенок...

– Нет, – с вызовом отозвалась Крисси, как будто его слова ранили ее в самое сердце. – Этот ребенок, если ему и правда суждено появиться на свет, ни имеет никакого отношения к тебе. Это мой ребенок, только мой!

– Сомневаюсь, что суд согласится с тобой! – воскликнул Гай. Он был слишком потрясен, чтобы сдерживаться. До сих пор его не особенно занимали мысли о детях и отцовстве, хотя он всегда отлично ладил со своими племянницами и племянниками. Тогда почему же его захлестнуло столь могучее, древнее ощущение – смесь гордости, радости обладания и желания защитить? Едва он узнал, что Крисси носит его ребенка, мир словно перевернулся.

Крисси недоверчиво уставилась на него.

– Суд? – слабо повторила она. – Но...

– У отца есть права, – заявил Гай.

У отца... Крисси изумленно открыла рот, но тут же снова закрыла его и с горечью произнесла:

– Вряд ли ты задумывался о том, что можешь стать отцом, когда ты... когда я... словом, когда мы...

– А разве ты думала о том, чтобы стать матерью? – вызывающе поинтересовался Гай.

На это Крисси нечего было возразить.

– Нам надо поговорить, – настойчиво сказал Гай, но Крис-

си замотала головой.

– Оставь меня в покое! – воскликнула она и, резко повернувшись, быстро зашагала прочь.

Охваченный гневом, Гай последовал за ней и, схватив за руку, заставил ее остановиться и развернул к себе.

– Отпусти меня! – Крисси пыталась вырваться.

– Еще недавно ты умоляла меня ни за что не отпускать тебя, – безжалостно напомнил ей Гай.

Лицо Крисси залилось румянцем, но она нашла в себе силы ответить:

– А ты говорил, что любишь меня, хотя мы оба знаем...

Она замолчала и почувствовала, что пальцы Гая сильнее впелись в ее руку. Он с усилием произнес:

– Когда мы оба знаем... О чем ты, Крисси?

Крисси покачала головой. Ее охватила внезапная слабость, она была сердита на себя из-за того, что тратит силы, которых и без того немного, на бесполезную перебранку с Гаем. Ей следует думать только о ребенке...

– Моя машина рядом, я отвезу тебя, – с мрачной решимостью заявил Гай. – И не спорь со мной, Крисси. Ты выглядишь так, словно вот-вот рухнешь.

Она и сама чувствовала это, упрекая себя не только за физическую, но и за душевную слабость, за то, что позволяет Гаю вновь подавить ее волю.

– Когда ты узнала... насчет ребенка? – тихо спросил Гай, усаживая ее в машину.

– Какая разница? – устало отозвалась Крисси, не желая признаваться, что до сих пор не подозревала бы о своей беременности, если бы не разговор с Рут.

Крисси зажмурилась. Ей на самом деле было очень скверно, но тут же открыла глаза, сообразив, что что-то не так. Они ехали вовсе не к дому Чарли. Дорога была ей совершенно незнакома!

– Что ты делаешь? Немедленно останови машину, я хочу выйти! – потребовала она и, потянувшись к ручке на дверце машины, с ужасом обнаружила, что Гай успел заблокировать все двери. – Что ты делаешь? У тебя нет никакого права так поступать! – закричала она. – Ты...

– Как отец я имею полное право защитить здоровье моего ребенка, – холодно отозвался Гай.

Крисси не нашлась, что ему возразить. Подумать только – как отец он имеет право...

Она вновь почувствовала дурноту, равномерное покачивание автомобиля лишь усиливало неприятное ощущение.

– Гай, меня, кажется, сейчас стошнит, – дрожащим голосом проговорила она.

– Прямо сейчас? Крисси медленно кивнула.

Гай продемонстрировал настоящий такт и деликатность. Он тут же остановил машину и не проявил ни капли раздражительности или чисто мужского отвращения из-за того, что ее вырвало, да еще в его присутствии.

– Я хочу домой, – жалобно сказала она.

– Тебе надо жить там, где кто-нибудь сможет присматривать за тобой, – сухо ответил Гай, – и именно туда я собираюсь тебя отвезти. Поехали...

Пока он вел ее к машине, Крисси твердила себе, что она настоящая идиотка, раз не воспользовалась шансом сбежать от него, хотя, разумеется, Гай не дал бы ей убежать далеко, да и чувствовала она себя отнюдь не так, чтобы даже пытаться бегать с ним наперегонки.

Они вернулись в машину, и Крисси только тут сообразила, что город остался позади.

– Куда мы едем? – неуверенно поинтересовалась она.

– Я только что тебе объяснил, – спокойно сказал Гай, – туда, где и ты, и наш ребенок будете в безопасности.

Их ребенок... Крисси хотела было возразить, что ее ребенка нет и не может быть до Гая никакого дела, но она слишком вымоталась, чтобы спорить. Теперь они оказались за городом, и шоссе сменилось узкой дорогой, по обе стороны которой тянулись высокие изгороди. Наконец Гай свернул на грунтовку, миновал ворота фермы и притормозил возле невысокого длинного дома.

Глаза Крисси округлились от изумления, едва она увидела, куда они приехали. Не в силах сдержаться, она повернулась к Гаю и неуверенным голосом воскликнула:

– Это же ферма моих дедушки и бабушки!

– Да, – подтвердил Гай. – В прошлом году ее купили моя сестра с мужем, – продолжил он. – Теперь это уже не фер-

ма. Вся земля давно распродана, и остались лишь два выгона да конюшни. Моя сестра обучает детей-инвалидов верховой езде, а земля используется как пастбище для пони.

– Твоя сестра... Сколько же их у тебя? – слабым голосом поинтересовалась Крисси.

– Пять, – сообщил Гай.

– Пять сестер!

– Вот увидишь, она тебе понравится.

– Но разве ты можешь вот так просто взять и приехать...

Она ни за что не согласится...

– Согласится, да еще с радостью, – перебил ее Гай, предпочитая не вдаваться в подробности. Именно он помог Лоре выкупить ферму, став таким образом совладельцем конюшен. Кроме того, Гай был уверен, что его великодушная и добрая сестра никогда не откажет в помощи тем, кто в ней нуждается.

– Это она? – с волнением спросила Крисси, увидев выглядывающую из дома высокую темноволосую женщину.

– Она, – подтвердил Гай.

Узнав машину, женщина подбежала к ним, и Крисси тут же заметила, что брат и сестра очень похожи друг на друга. Оба высокие и хорошо сложенные, у обоих темные волосы, и, несмотря на то что женщине уже, судя по всему, за пятьдесят, фигура ее сохранила девичью стройность и гибкость.

– Гай! – радостно воскликнула она, когда он открыл дверцу машины. – Какой чудесный сюрприз! Да ты не один!

Ты, наверное, Крисси. – Она улыбнулась Крисси, застенчиво взглянувшей на нее. – Я слышала о тебе от Фрэнсис.

– Угу. – Найдется ли на свете хоть что-нибудь, о чем Фрэнсис не растрезвонит всему семейству? – начал было Гай, но Крисси положила руку на его рукав, глазами умоляя ничего больше не говорить. – В настоящее время нас с Крисси едва ли можно назвать добрыми друзьями, – спокойно сказал он, – и я уверен, она не замедлит высказать тебе все, что думает обо мне. Но сейчас она не вполне здорова. Дело в том, что все это время она жила в той проклятой развалюхе, что принадлежала Чарли Плэтту. Сырость там отчаянная – мне всегда казалось, что старую свалку, на которой построен весь квартал, засыпали в свое время недобросовестно.

– Ммм... Пожалуй, ты прав. Летом там всегда подозрительно пахнет, – задумчиво проговорила сестра Гая.

Крисси прислушивалась к их беседе с нарастающим беспокойством. Коттеджи появились еще в те времена, когда подрядчики старались построить как можно больше домов за самую низкую цену. Крисси уже не раз удивлялась, что в доме Чарли, несмотря на все ее усилия навести чистоту, то и дело появляется неприятный запах плесени. До сих пор она объясняла это сыростью и отсутствием отопления. Очевидно, все совсем не так. А вдруг это что-то более зловещее... какие-нибудь вредные испарения, которые могут грозить опасностью не только ей, но и ее малышу?

– Ты и вправду бледненькая, – посочувствовала ей сестра

Гая. – Ну, проходите в дом. Меня, кстати, зовут Лора. А Рик, мой муж, сейчас в отъезде – отправился прикупить нескольких пони.

– Гай сказал, вы учите детей-инвалидов верховой езде, – заметила Крисси, направляясь к дому.

– Вот именно, и сейчас мы планируем расширить дело, но, оказывается, найти подходящих пони вовсе не просто.

Лора отворила дверь, и Крисси замерла на пороге, глядя по сторонам.

– Раньше эта ферма принадлежала дедушке и бабушке Крисси, – пояснил Гай, обращаясь к сестре.

– Да что ты? – изумилась та. – Но постой-ка, ведь тогда это означает, что...

– ... что я – из семьи Плэттов, – с натянутой улыбкой закончила Крисси. – Вернее, Плэтт – девичья фамилия моей мамы. А Чарли приходился ей братом, – добавила она, вскинув голову и стиснув зубы, ожидая, что Гай или Лора вот-вот презрительно отзовутся о Чарли.

– Да-да, – протянула Лора, но вместо неодобрения на ее лице появилась приветливая улыбка. – Теперь я вспомнила! – воскликнула она. – Я же знаю твою маму еще со школы. Она всегда была так не похожа на Чарли – такая спокойная и старательная.

– Она и сейчас такая, – подтвердила Крисси, решив не поддаваться искушению взглянуть на Гая, чтобы проверить, как он воспринял слова сестры о матери Крисси.

– Прошу тебя, присмотри за ней, – попросил Гай спустя полчаса, когда она вышла проводить его до машины, оставив Крисси в доме.

Лора вопросительно подняла бровь, но Гай покачал головой, и она поняла, что с вопросами пока лучше повременить.

Было очевидно, что Гай и Крисси в ссоре, однако ясно и то, что Крисси несчастна и плохо себя чувствует. Лора не принадлежала к числу женщин, любящих расспрашивать людей об их неприятностях, и никогда не старалась завоевать чье-либо доверие. Тем не менее бледная молодая женщина с темными кругами вокруг глаз и мрачный, явно не в лучшем расположении духа Гай ничуть не походили на счастливую пару, восторженно описанную Фрэнсис. По ее словам, ужиная в ресторане, Гай и Крисси были буквально пьяны от любви.

Машина Гая сорвалась с места, Лора вернулась в дом и увидела, что Крисси по-прежнему сидит, уставившись широко открытыми глазами на зеленый выгон за окном.

– Пожалуйста, простите, что Гай так неожиданно привез меня к вам, – неловко извинилась Крисси. – Я сейчас вызову такси, и вам не надо будет обо мне беспокоиться.

– Только через мой труп! – весело парировала Лора и добавила серьезным тоном: – По-женски мы с тобой можем ворчать и фыркать, обижаясь, что Гай все решил за нас, но ведь ясно как день, что тебе нездоровится. Свободная комната у меня найдется, и, по правде говоря, мне так одиноко,

когда муж уезжает по делам. Я буду тебе по-настоящему благодарна, если сможешь пожить у меня. Гай прав – в тех коттеджах действительно очень нездоровый воздух, – заметила она и покачала головой. – Одна из моих подруг живет в том квартале – и она вечно болеет.

– Я не больна, – тихо ответила Крисси. – Похоже, я жду ребенка. Вас, должно быть, это шокирует, – добавила она, поскольку Лора промолчала, – я не собиралась вам ничего говорить, но...

– Нет, ничуть, – прервала ее Лора, – скорее я тебе завидую. У нас с Риком не могло быть детей, – пояснила она. – Разумеется, теперь я все равно уже слишком стара и почти научилась справляться с болью от мысли об этом. Время – лучший доктор, да и работа помогла мне отвлечься... Это из-за ребенка вы с Гаем поссорились?

– Нет, не только... – ответила Крисси и покачала головой. – Хотя... – Она не договорила. Наверное, сейчас не самое подходящее время, чтобы делиться с сестрой Гая беспокойством, что притязания Гая на отцовство могут в дальнейшем привести к осложнениям. – Нет, все дело в том, что... – Она набрала воздуха. – Дело в том, что мы с Гаем поторопились, толком еще не зная друг друга, – печально закончила она.

– А теперь, когда вы познакомились поближе, чувство, которое ты приняла за любовь, оказалось... чем-то иным? – предположила Лора.

Крисси грустно улыбнулась и тихо ответила:

– Если бы так... Пожалуй, я лучше не буду больше ничего говорить, – устало сказала она.

– Лично я ничего не имею против, – заверила ее Лора. – Пойдем-ка наверх, я покажу тебе дом, а потом, когда ты немного отдохнешь, мы можем прокатиться в город за твоими вещами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

– Если тебе лучше, мы могли бы днем наведаться в Фитцбург-Плейс, – предложила Лора.

– Это еще зачем? – с подозрением поинтересовалась Крисси.

– Вчера состоялось официальное открытие антикварной ярмарки, и я не прочь прогуляться по торговым рядам, – бодро сообщила Лора.

– Да, пожалуй, это интересно, – согласилась Крисси.

Она жила у Лоры уже два дня и должна была признать, что не встречала более гостеприимной хозяйки. Они отлично поладили друг с другом. Лора, сама того не сознавая, по-матерински заботилась о девушке, а Крисси не раз думала, что обрела подругу, с которой ей не хочется расставаться. Впрочем, не следует забывать, что Лора – сестра Гая.

– Только никаких фокусов, – предупредила Крисси.

– Абсолютно никаких, – пообещала Лора и добавила: – Гай, разумеется, будет там, и, если ты считаешь, что вам лучше не встречаться...

Крисси отвернулась и уставилась в окно. День выдался теплый и солнечный. Впервые за последние недели она проснулась, не испытывая тошноты, – с какой же стати ей отказывать Лоре в маленьком одолжении? Только потому, что она рискует столкнуться с Гаем? Джон уже заканчивал

подготовку бумаг, необходимых для продажи дома покойного дяди. Совсем скоро Крисси сможет уехать, вернуться к своей привычной жизни, и уж тогда-то они никогда больше не увидятся.

– Мне тоже хочется проветриться, – согласилась она. – Но, если ты затеваешь драматическое примирение... – начала она.

– Вы оба взрослые, самостоятельные люди, – спокойно ответила Лора, и Крисси принялась собирать тарелки после завтрака.

– Это верно. – Наблюдая, как Лора загружает грязные тарелки в посудомоечную машину, Крисси недоумевала, почему заверение, что Лора не собирается их мирить, вызвало в ее душе такое разочарование.

Неужели она до сих пор хочет, чтобы он вернулся?! После всего, что наговорил... После всех обвинений... Пожалуй, Гай как нельзя лучше доказал ей, что без него ее жизнь... вернее, ее и ребенка будет намного спокойнее.

Но, с другой стороны, он ведь отец этого ребенка! Крисси нежно прикоснулась к своему пока еще плоскому животу, словно обещая малышу заботиться о нем и дать всю любовь, которая ему так необходима.

– С тобой все в порядке? – обеспокоено спросила Лора.

– Да-да, все хорошо, – быстро ответила Крисси.

Накануне она была у врача, которая подтвердила, что Крисси совершенно здорова, а тошнота по утрам вполне нор-

мальное явление.

– Чаще всего это прекращается на третьем или четвертом месяце, – бодро утешила ее доктор и весело рассмеялась, заметив, как вытянулось лицо Крисси.

– Еще четыре месяца? – жалобно протянула она.

– Обычно я стараюсь не прописывать антирвотные средства, – объяснила врач, – по крайней мере если будущей матери не становится так плохо, что ее самочувствие сказывается на развитии ребенка. А пока очень советую начинать утро с пары сухих крекеров.

Лора тоже рекомендовала справляться с утренним недомоганием при помощи того же средства, объяснив Крисси, что, хотя сама она никогда не имела необходимости прибегать к нему, обе ее сестры, испытывавшие схожие сложности, клялись, что лучшего лекарства на свете нет.

– А ланч мы можем взять с собой, – сказала Лора. – Мне бы очень хотелось показать тебе поместье, но, во-первых, ты его уже видела, а во-вторых, мне кажется, Гай будет не слишком-то доволен, если я стану гонять тебя по парку.

– Гаю все равно, что я делаю, – решительно ответила Крисси, но Лора или не слышала, или предпочла не отвечать.

– Гай очень переживает за тебя, – заявила Лора через час, когда они ехали на ярмарку. – Он звонит по нескольку раз в день и спрашивает, как ты себя чувствуешь.

Крисси отвернулась и отрывисто ответила:

– До меня ему нет никакого дела. Он волнуется за ребен-

ка. Но ведь это мой ребенок, Лора! – страстно воскликнула она. – Какое отношение имеет ко мне Гай?

– Никакого! Если не считать, что он всего-навсего отец твоего ребенка, – напомнила ей Лора.

Крисси вздохнула. За последние дни они несколько раз заводили этот спор. Лора не пыталась навязать своей гостье точку зрения Гая, однако не торопилась принять и сторону Крисси.

– Большинство мужчин на его месте обрадовались бы возможности избавиться от ответственности, – пробормотала Крисси.

– Пожалуй, – спокойно согласилась Лора. – Но Гай не из таких. Он всегда очень ответственно ко всему относится.

– Но не настолько ответственно, чтобы проверить, так ли это, прежде чем заявлять, что любит меня, – не сдержалась Крисси.

Лора ничего не ответила, и Крисси закусил губу. Ей не хотелось быть столь откровенной, но временами боль от того, что сделал с ней Гай, становилась просто невыносимой.

– Если к тому же учесть его дурную славу, удивляюсь, что ничего в этом роде не случилось с ним до сих пор, – с горечью проговорила она.

Вот теперь, кажется, ей удалось привлечь внимание Лоры, поскольку та озадаченно нахмурилась и вдруг остановила машину у обочины дороги, а затем спросила:

– О чем ты? Какая еще дурная слава?

Криси с трудом сглотнула. В глазах Лоры появилось незнакомое, жесткое выражение, и Криси почему-то сразу вспомнилось, с каким неодобрением, бывало, смотрела на нее мать после детских шалостей и проказ.

– Я... то есть... я узнала обо всем от Натали... – забормотала она в ответ.

– Натали! – презрительно фыркнула Лора. – Эта женщина родилась для того, чтобы досажать другим. Ей просто неизвестно, что значит «говорить правду». Кроме того, Натали уже давно испытывает... слабость к Гаю, хотя он никогда не подавал ей ни малейшего повода надеяться. Подозреваю, Натали выучилась отлично манипулировать людьми, причем исключительно в свою пользу. Криси, я могу со всей ответственностью заверить тебя, что за Гаем никогда не числилось подобной славы. Разумеется, у него были подружки... Но не более того...

Она замолчала, качая головой.

– Вообще-то ты должна обсуждать все это не со мной, а с Гаем. Надо признаться, Криси, ты меня порядком удивила, – добавила она, и девушка почувствовала себя еще более неуютно. – Я-то считала тебя достаточно проницательной и умной, чтобы не поверить наговорам явно ревнующей сплетницы.

Криси слегка пожала плечами.

– Все это теперь уже неважно, – солгала она.

– А полиция связывалась с тобой, чтобы уточнить, кому

именно принадлежит столик? – Лора завела машину, выр-
лила на шоссе, решив сменить тему разговора.

Крисси помотала головой.

– Нет, они хотят подождать до возвращения моих роди-
телей и переговорить с мамой. В конце концов, она еще не
видела этот столик, и...

– Когда они с твоим отцом приедут в Хэслвич, я буду
очень рада, если они остановятся на ферме, – сказала Лора. –
Ты сама знаешь, места там хватит на всех, а ведь твоя мама
провела на ферме все свое детство...

Крисси была тронута столь великодушным предложени-
ем.

– Я обязательно передам ей твое приглашение, – ответила
она. – Догадываюсь, ее беспокоит, как ее примут в городе. –
Крисси колебалась. – Дело в том, что она очень болезненно
воспринимает все, что связано с ее братом, с его репутацией
и...

– Господи, да кому придет в голову обвинять ее в темных
делишках Чарли?! – воскликнула Лора.

Крисси покусала губы, но не смогла сдержаться:

– Гай отказался от меня, узнав, кто я... Лора вздохнула.

– Не знаю, следует ли мне говорить тебе, – тихо начала
она, – но у Гая были веские причины недолюбливать твоего
дядюшку.

Крисси с ужасом выслушала рассказ Лоры о том, как Чар-
лз издевался над тихим и болезненным мальчиком, каким

был когда-то Гай.

– Но почему же он не рассказал мне? Почему вообще ничего не сказал? – недоуменно спросила она.

Брови Лоры взметнулись вверх.

– Ты до сих пор не поняла? – сухо поинтересовалась она. – Он же мужчина.

Криси вздохнула, примирившись со своим поражением.

Хотя Гай и показал Криси поместье, в котором должна была состояться ярмарка, девушка все равно не была готова увидеть все то, что ожидало их в имении лорда Этли.

Они словно перенеслись в другое время, думала Криси, жадно впитывая звуки, запахи и краски викторианской Англии.

Уличные музыканты весело наигрывали популярные когда-то мелодии, а акробаты и даже вор-карманник развлекали публику, демонстрируя свое искусство. Чуть в стороне, на высоко поднятом помосте, выступали «пожиратели огня», и их мастерство то и дело заставляло зрителей восторженно ахать. В толпе слышались протяжные выкрики продавца пирожков, а поразительно красивая цыганка в пестром костюме, с парой цепляющихся за ее юбки ребятишек (рассмотрев их, Криси заподозрила, что перед ней кто-то из родственников Гая), предлагала желающим погадать по руке или предсказать будущее.

Криси остановилась, завороченно глядя на происходящее.

– Неужели Гай один все это организовал? – недоверчиво спросила она у Лоры.

– Похоже на то, – лаконично подтвердила та. – Разумеется, он пытается доказать, будто это необходимо, если хочешь привлечь побольше посетителей, но на самом деле... – Лора покачала головой и рассмеялась. – На Рождество он всегда помогает нам устраивать пантомиму и веселый маскарад. Мы наряжаемся и разыгрываем какую-нибудь пьесу. Зрителей нет, но зато все становятся участниками.

– Наверняка это замечательно! – искренне отозвалась Крисси, и вдруг в глазах у нее потемнело при мысли, что ее ребенок никогда не увидит ничего подобного, никогда не узнает, какое это счастье – ощущать себя частью большой и дружной семьи.

Чтобы отвлечься, Крисси осмотрелась и заметила киоск, где торговали украшениями «под старину». Помня, что это слабость ее матери, девушка направилась к палатке.

В это время напротив прилавка остановился груженный большими бочками фургон, в который был запряжен огромный битюг. Крисси услышала предупреждающий возглас, но не сообразила, в чем дело, и вдруг увидела, что плохо закрепленная бочка сорвалась и катится прямо на нее.

Крисси хотела отскочить в сторону, но, словно зачарованная, замерла на месте. Сердце выскакивало из груди, и грозный грохот стремительно приближающейся бочки не мог заглушить его стук.

– Крисси! – услышала она голос Гая и, инстинктивно обернувшись, увидела, что он мчится к ней сквозь толпу.

– Гай... – прошептала она. Ноги у нее подогнулись, и весь мир закружился перед глазами.

Крисси неуверенно открыла глаза, чувствуя, что лежит на чем-то мягком и теплом, и осторожно повернула голову. Мужская куртка, от которой исходит такой знакомый запах.

– Гай... – Она попыталась сесть, но его рука тут же мягко, но решительно уложила ее обратно.

– Все в порядке... Все хорошо, – спокойно сказал Гай. – Ты просто упала в обморок.

– Что случилось? – Крисси растерянно приложила руку ко лбу. Она помнила лишь, как кто-то закричал, и вдруг перед ней снова возникла несущаяся на нее бочка. Ужас пронзил ее, и она воскликнула: – Ребенок!

– С ребенком все будет в порядке, – раздался рядом с ней незнакомый голос.

– Это доктор Майлз, – представил Гай белокурого молодого человека, стоявшего возле них на коленях. Судя по всему, они находятся неподалеку от рыночной площади. Скорее всего, в одном из внутренних дворишков, сообразила Крисси, что, впрочем, было совсем непросто, если учесть, что она по-прежнему лежала на спине.

– А бочка?.. – боязливо спросила она.

Врач покачал головой.

– Гай успел вовремя, – заверил он. – Вы потеряли созна-

ние – или от потрясения, или из-за жары, или от всего вместе, что неудивительно, поскольку вы в положении. Тем не менее я с полной уверенностью могу сказать, что ни вы, ни ребенок ничуть не пострадали, хотя, наверное, вам было бы неплохо навеститься к вашему врачу, особенно если вы собираетесь и дальше чуть что хлопаться в обморок, – поддразнил он ее.

– А где Лора? – спросила Крисси, до глубины души потрясенная тем, что могло произойти.

– Отправилась раздобыть нам всем по чашке чая, – спокойно ответил врач и отвернулся, предварительно попросив ее не спешить и еще немного полежать. – Ну а теперь давайте-ка мне осмотреть вашу руку, – тихо обратился он к Гаю. – Надеюсь, срок действия вашей прививки от столбняка еще не истек?

– К счастью, нет, – ответил Гай.

Врач встал между Крисси и Гаем, и потому она не успела рассмотреть, что случилось с его рукой, но услышала, как он быстро втянул сквозь зубы воздух и поморщился.

– Ммм... рана довольно глубокая, необходимо наложить швы, – сказал врач. – Я, разумеется, ее промою и перевяжу, но категорически настаиваю, чтобы вы отправились в мед-центр, и как можно скорее.

– Вам легко говорить, – ответил Гай, качая головой. – Но я не имею права уходить отсюда до вечера. У меня моральные обязательства перед антикварами, которые выставили

тут свой товар, и юридические – перед лордом Эстли, который, как вам, должно быть, известно, разрешил использовать его поместье только под мое честное слово.

– Ясное дело, он будет на седьмом небе от счастья, узнав, что ты предпочел умереть от гангрены, лишь бы не нарушить свое слово, – саркастически протянула Лора, возвратившаяся с чаем.

Крисси зажмурилась. Голова болела и кружилась, впрочем, на этот раз беременность была ни при чем.

Гай спас ее от страшной опасности и, судя по всему, серьезно ранен сам.

– Послушай, я уверена, что Дженни согласится за всем проследить, так что можешь спокойно отправляться в больницу, – обратилась к Гаю сестра. – Я сейчас же позвоню ей, на мобильный, а потом отвезу вас обоих в медцентр. Где твой телефон?

– Я оставил его на складе, – ответил Гай. – Пойду принесу.

– Никуда ты не пойдешь, – отрезала она. – Это я пойду, а ты останешься с Крисси.

– Ну а мне пора в медпункт, – сказал врач, складывая свой чемоданчик.

Крисси подождала, пока они не ушли, и лишь затем обратилась к Гаю:

– Я еще не поблагодарила тебя. Эта бочка...

– Я не сделал ничего особенного – на моем месте так поступил бы каждый, – быстро возразил Гай. – Если бы ты по-

страдала, виноват был бы я. В конце концов, именно я отвечаю за безопасность гостей.

– Все случилось совершенно случайно, – тихо ответила Крисси и инстинктивно сомкнула руки на животе, размышляя о том, что могло произойти, если бы Гай не подоспел вовремя.

– Господи, а что, если это... Да где же врач? Крисси, ты?.. – хрипло воскликнул Гай.

– Все в порядке... На самом деле. – Крисси протянула руку, чтобы остановить его, увидев, что Гай готов кинуться вслед за врачом. – Я просто думала, что могло бы произойти, если бы не ты... Странно, верно? Несколько дней назад я и не знала, что у меня будет ребенок. А вот теперь от одной мысли о том, что с ним могло случиться хоть что-нибудь... – Крисси умолкла, не в силах продолжать.

– По-твоему, я сам ничего такого не чувствую?

– Мужчины все воспринимают совсем иначе, – возразила она как можно спокойнее, чтобы он не понял, как глубоко она тронута его волнением.

– Разве? Это тебе только кажется, – с горечью парировал он и тихо добавил: – Что, по-твоему, я должен переживать при мысли, что и с тобой, и с нашим ребенком могла бы случиться беда, а я не успел бы защитить вас обоих?

– Но ты же успел! – прерывающимся голосом напомнила ему Крисси, отчаянно желая сменить тему разговора, прежде чем он догадается, какую власть имеют над ней его

присутствие и голос.

Абсурд, да и только! Ей так хочется прикоснуться к нему и обнять. В конце концов, что ей до его чувств? Какое ей может быть дело до него?

Крисси повернула голову, чтобы посмотреть на Гая, и застыла, увидев большой кровоподтек на лбу и потемневшее пятно крови, расплывшееся на рукаве рубашки.

Странные, непонятные, еще никогда не испытанные переживания охватили Крисси – и страх, и боль, и потрясение, и даже гнев из-за того, что он посмел рисковать собой, когда и она, и их будущий ребенок так нуждаются в нем.

Крисси то и дело поглядывала на часы. Врач в медцентре что-то слишком долго накладывал швы на руку Гая. Лора заметила одну из подруг в глубине коридора и удалилась, чтобы вволю поболтать с ней.

Наконец дверь отворилась, и Крисси почувствовала, как запылало ее лицо, едва она увидела Гая.

– С тобой... все будет в порядке? – неловко спросила она.

– Похоже на то. Врач сказал, что вытащил из раны несколько щепочек. По его словам, никакой опасности нет, – бодро ответил Гай. – Крисси... – добавил он совсем иным, куда более серьезным тоном, и та замерла, в ожидании недоумевая, что же он хочет ей сказать. – Крисси, может быть, мы попробуем начать все заново? – Он внимательно посмотрел на нее. – Сегодня я многое передумал. Разве мы не должны доказать нашему малышу – или малышке, – что любим его

и хотим быть с ним рядом?

– Да, наверное, ты прав, – слабо откликнулась Крисси.

– И ты, и я выросли в благополучных семьях, родители очень любили нас, – продолжил Гай. – То есть я не хочу сказать, что одному родителю не под силу вырастить ребенка, но...

– Я понимаю тебя, – выдохнула Крисси, изо всех сил стараясь проглотить появившийся в горле ком и надеясь, что Гай не заметит слез, выступивших на ее глазах.

– Но ребенок... то есть когда он видит, что родители любят и уважают друг друга, он...

– Прости, что я не сказала тебе про Чарлза, – прервала его Крисси. – Мне следовало быть с тобой откровенной. Я действительно собиралась все тебе рассказать, но... – она слегка пожала плечами, приказывая себе не сдаваться, не соглашаться на неожиданное предложение заключить мир.

Сегодня Крисси поняла, как глубоко и беззаветно любит Гая, но сейчас она не может поддаться своему чувству. Ведь Гай до сих пор любит Дженни. Даже если бы он и не любил ее – все равно этот проклятый столик по-прежнему стоит между ними.

– Мы могли бы попробовать, – говорил ей Гай.

– Может быть, – согласилась она и, заставив себя взглянуть ему в глаза, поинтересовалась: – А вдруг наш малыш будет похож на дядю Чарлза? Ты и тогда будешь любить его? – с болью в голосе закончила она.

Гай побледнел.

– А ты сама сможешь любить его, если он будет похож на меня? – спросил он.

Крисси зажмурилась. Ну конечно же! Неужели он еще сомневается?

– Ничего у нас не получится, Гай, – устало сказала она. – Между нами всегда будет этот резной столик, и ты ни за что не сможешь забыть о том, что Чарлз был моим дядей, а я... – Она замолчала и вновь пожала плечами. – А я буду знать, что заменяю женщину, которую ты на самом деле любишь, и всегда буду помнить, что ты женился на мне только из-за ребенка. Наверное, ты считаешь, что, если тебе не удастся заполучить Дженни, тогда любая другая...

Крисси не договорила, так как горло ее свело от невыносимой боли.

– Что? Крисси! – Гай, казалось, потерял дар речи, но тут к ним подошла Лора.

Заметив выражение крайнего удивления и раздражения на лице брата, она воскликнула:

– Выходит, вы оба уже готовы. Отлично. Гай, если хочешь, мы можем подбросить тебя до дома – нам все равно по пути.

Выругавшись сквозь зубы, Гай включил светильник на тумбочке у кровати и потянулся за болеутоляющими таблетками. Рука болела так, словно ее терзали на части, как и предсказывал врач, но вовсе не сильная боль вырвала его из беспокойного сна.

Гаю снилось, будто Крисси стоит на пути тяжелой бочки, и опять ему потребовалось не меньше трех секунд, чтобы очнуться от оцепенения и броситься на помощь.

Он устало провел рукой по волосам. Кровоподтек на виске сильно болел, и голова слегка кружилась.

Ему пришлось изрядно поволноваться за жизнь Крисси и их будущего ребенка, и он понял, что ему нет дела до того, что Чарли Плэтт приходился ей дядей, и Бог с ним, что она ничего не рассказала ему о своем родстве с ним. И теперь Гай не желал даже думать о проклятом столике. По правде говоря, он был бы рад собственными руками разломать его на мелкие части, чтобы уже никто и никогда не смог спорить, кому же он принадлежит на самом деле.

Да, он любит Крисси и всегда будет любить, и только это отныне важно для него. Самое главное теперь – найти способ убедить ее, что его чувства к ней искренни. Гай был уверен, что и она любит его. Ни одна женщина не смогла бы притвориться столь потрясенной – он хорошо запомнил выражение лица Крисси, когда она увидела, как сильно он пострадал, спасая ее. Ни одна женщина не старалась бы изо всех сил скрыть свои переживания, как делала это Крисси во время их объяснения в медцентре, если бы не любила его. А уж что касается ее намеков на то, будто он до сих пор любит Дженни...

Завтра он должен во всем разобраться. Завтра. Господи, где же эти таблетки? Гай застонал, потянувшись к тумбочке,

и случайно опрокинул неплотно закрытую коробочку антибиотиков. Не станет же он собирать их посреди ночи. До утра ни с таблетками, ни с ним самим ничего не случится.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Но утром Гай был уже не в состоянии ни думать, ни собирать рассыпавшееся лекарство.

Гай лежал в беспамятстве, вызванном сильной лихорадкой, он беспокойно ворочался с боку на бок, что-то непрерывно бормоча, а его тело и волосы были влажными от пота. Под повязкой, которую ему наложили в медцентре, рука распухла и стала чуть ли не в два раза больше, дергающая боль усиливалась, багровая полоса, свидетельствующая о заражении, угрожающе ползла вверх, к самому плечу.

– Привет, Джон, что-то вид у тебя утомленный, – с улыбкой приветствовала Рут своего племянника, встретившись с ним на городской площади.

– Ммм... Пожалуй, так оно и есть... Самую малость, – согласился Джон. – Мне сегодня пришлось отвозить ребяташек в школу. Дженни опять поехала в Фитцбург-Плейс – подменить Гая. Он должен был появиться в восемь, но почему-то задержался, а Дженни не смогла разбудить его по телефону. Может быть, его оставили на ночь в больнице.

– В больнице? – переспросила Рут.

– Угу... Вчера на ярмарке чуть было не произошло беды. Одна из бочек сорвалась с повозки, и, не подоспей Гай вовремя, Крисси могла бы серьезно пострадать.

– О Боже мой! Нет, не думаю, что Гай в больнице, – за-

думчиво сказала Рут. – Вчера я собственными глазами видела, что Лора довезла его до дома. А сзади в машине сидела Крисси. Как ты думаешь, у них есть надежда на примирение? – спросила Рут.

Джон мрачно взглянул на нее.

– Хотелось бы тебя порадовать, но...

– Влюбленные частенько ссорятся и мирятся, – напомнила ему Рут.

– Все так. Только это не просто размолвка. Они повздорили еще из-за того французского столика, причем Гай утверждает, что он принадлежит Бену, а Крисси твердит, что столик уже несколько поколений хранится в ее семье.

– Да, тогда все намного сложнее, – согласилась Рут.

– Мне очень жаль, но я должен бежать, – извинился Джон, наклоняя голову, чтобы поцеловать тетю. – Через десять минут у меня встреча с клиентом.

Утро было замечательное, однако мысли Рут были далеки от погоды. Как глупо и обидно, что какой-то там столик – просто бездушный кусок дерева – может рассорить двух людей, явно созданных друг для друга. Вернее, их уже трое, если считать малыша, которого носит Крисси.

Жаль, что соломоново решение тут вряд ли применимо, думала Рут. Можно было бы предложить или даже пригрозить распилить этот столик на две части – и дело с концом.

На две части... Рут нахмурилась. С того дня, когда она впервые услышала эту историю со столиком, какая-то неяс-

ная мысль то и дело упрямо всплывала в глубине ее памяти.

– Что ты тут делаешь? – поинтересовался Бен, увидев Рут.

– Решила зайти навестить тебя, – ответила Рут, стараясь не замечать сердитого лица брата. – Да, кстати, мне надо разыскать кое-что в библиотеке, – добавила она.

– Интересно, что же именно? – требовательно спросил Бен.

– Ничего такого, что могло бы тебя заинтересовать, – с притворным безразличием откликнулась Рут. – Кстати, я попросила миссис Брукс принести нам чай.

– Чай! Тьфу... Терпеть его не могу! От чая у меня опять разыграется ревматизм! – ворчливо пожаловался Бен.

– Вот чудеса – никогда не слыхала, чтобы от чая человеку становилось хуже! – невинно возразила Рут, понимая, что в приступах ревматизма, скорее всего, виноват крепкий портвейн, который Бен потребляет после ужина.

Выпили по две чашки ароматного чая, и Рут заявила, что ей пора и что перед уходом она ненадолго заглянет в библиотеку.

Она уже сообразила, что именно ей необходимо разыскать. Быстро закрыв за собой дверь, Рут направилась к полке, на которой в строгом порядке стояли тетради с записями расходов и доходов семьи еще времен молодости ее отца.

Рут не знала точно, за какой год ей нужны, а потому ей потребовалось больше времени, чем она предполагала. Пролистав и просмотрев несколько толстых тетрадей,

она обнаружила наконец то, что стремилась найти. Убедившись в правильности своей догадки, Рут не смогла сдержать возгласа радости.

Ну конечно, вот запись, сделанная мелким почерком ее отца.

Расход... Уплачено Томасу Берри, столяру-краснодеревщику, 2 фунта 10 шиллингов и 6 пенсов за изготовление двух одинаковых столиков из тисового дерева.

Два столика! Пара! Выходит, она права. Впрочем, Рут тут же самокритично отметила, что сообразить надо было куда раньше. Ее отец, особенно дотошный в том, что касалось деталей, ни за что не стал бы заказывать лишь одну копию двух злополучных оригиналов, оставшихся у честерской ветви Крайтонов.

Получается, и Гай, и Крисси, каждый по-своему, правы, утверждая, что столики принадлежат разным владельцам, но все равно неясно, как имущество Крайтонов могло попасть в семью Крисси.

Рут услышала, как открылась дверь библиотеки, и только успела закрыть тетрадь, как к ней, хромая, приблизился Бен.

– Ты еще тут? – проворчал он и застыл, увидев тетрадь в ее руках. – На что тебе понадобились старые записи, скажи на милость? – хрипло спросил он.

– Мне надо было кое-что проверить, вот и все, – спокойно ответила Рут.

– Ты... ты не имеешь права! – выпалил Бен. – Все-таки

Я...

– Бен, не забывай, что я – твоя сестра, – твердо заявила Рут. – Ты не сумеешь ни запугать, ни обидеть меня. Лучше скажи-ка мне вот что. Речь идет о пропавшем столике – вернее, о двух столиках.

Бен тяжело опустился в кресло.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – искренне глядя ей в глаза, солгал он.

– Нет, имеешь, да еще как! – с нажимом воскликнула Рут. – Ты отлично знаешь, что я имею в виду. Бен, ну и мошенник же ты! – ласково пожурила она его. – Мог бы по крайней мере сообщить в полицию, что с самого начала существовали два одинаковых столика!

– Нет, не мог! – яростно огрызнулся Бен. – Я дал отцу слово, что никогда никому не раскрою... нашу тайну.

– Ну, что до меня, то я ему никаких обещаний не давала, – резко возразила Рут, – и уж я-то молчать не стану. Господи, Бен, какая теперь разница? Выходит, действительно были изготовлены два столика. Мне надо было догадаться об этом с самого начала! Ну, давай же, расскажи, как получилось, что один из столиков оказался у Плэттов?

Бен нахмурился и отвел глаза в сторону.

– Отец дал столик в приданое одной девушке, которая вышла за старого Плэтта. Она служила тут в горничных.

– Что? Наш отец подарил горничной один из двух одинаковых столиков – причем на свадьбу? – фыркнула Рут. – Нет,

Бен, я вовсе не хочу сказать, что он был скуп, но я знаю, уверена, что он ни за что бы так не поступил, если бы у него не было каких-либо особых причин!

– Неужели ты так ничего и не поняла? Девчонка хоть и потеряла голову, но, видать, была себе на уме и не упустила своей выгоды. А старый Плэтт не любил болтать лишнего. Он тогда только что овдовел, и у него осталась на руках большая ферма – надо думать, что он готов был жениться на ком угодно. По словам отца, девчонка была сама не своя от горя, и он разрешил ей взять столик, потому что...

– Уж не хочешь ли ты сказать, что эта горничная – то есть прабабушка Крисси – ждала ребенка от нашего отца? – потрясение переспросила Рут. – А он поспешил сбыть ее с рук и расплатился с ней... резным столиком?

– Она сама хотела забрать именно этот столик, – оправдывался Бен, – и, черт возьми, ей надо было радоваться, что отец подыскал ей мужа.

– Подумай, Бен, – возразила Рут. – Должно быть, она сама была еще ребенком. Наверное, ей было лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Ах, бедняжка, да ведь она, я думаю, без памяти влюбилась в него!

– В кого? В Арчи Плэтта? Вряд ли. Он был в два раза старше ее и...

– Да нет, в нашего отца, – поправила его Рут. – Бедная девочка... Получается, в Крисси течет кровь не только Плэттов, но и Крайтонов... – Она улыбнулась.

– Только смотри, никому не проговорись, – предостерег ее Бен. – Я ведь дал честное слово.

– Вряд ли девочке самой захочется афишировать подобное родство, – сухо ответила Рут, размышляя, что теперь-то понятно, от кого Чарли Плэтт унаследовал скверный характер. Эгоизм и жадность, увы, отличительные черты мужчин из рода Крайтонов.

Это вполне можно отнести и к Дэвиду, брату-близнецу Джона. Да и старший сын Дженни и Джона, Макс, – типичный представитель семейки Крайтонов. Несомненно, что и Чарли Плэтт получил свой отвратительный характер в наследство от отца Бена и Рут. Впрочем, это, разумеется, лишь субъективное предположение, которое теперь уже никто не докажет и не опровергнет.

Рут решила как можно скорее переговорить с Крисси и Гаем, а также сообщить в полицию. Правда, все это едва ли понравится Бену...

Теперь, когда появилось разумное объяснение, почему одинаковые столики принадлежат разным владельцам, Рут не сомневалась, что такая новость обязательно поможет Крисси и Гаю помириться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Крисси проснулась, словно ее кто-то толкнул, и вскочила с постели. Сердце ее учащенно билось. Несколько секунд она пыталась понять, что же именно вырвало ее из объятий сладкого сна.

Лучи солнца заливали комнату, предоставленную Лорой своей гостье, золотистым светом, а вчерашнее происшествие, похоже, нисколько не повлияло на самочувствие девушки. Если кто вчера и пострадал, так это Гай.

Гай... Внезапно Крисси стало трудно дышать, и она тут же поняла, что с Гаем произошло что-то ужасное. Она кинулась в комнату Лоры и принялась трясти ее за плечо.

– Крисси... Что такое? Что случилось? Твой малыш?.. – забормотала Лора, открыв глаза и видя склонившуюся над ней Крисси.

– Нет, со мной все в порядке, – заверила ее Крисси. – Что-то с Гаем.

– С Гаем? – Лора нахмурилась и села. – Но почему? Откуда ты знаешь?

– Нет! Не могу объяснить – я просто знаю, что ему плохо, – сбивчиво говорила Крисси. – Лора, что-то случилось! Я знаю, понимаешь? Я чувствую!

– Господи, с чего ты взяла? – недоверчиво протянула Лора, окончательно проснувшись. – Вчера тебе довелось пере-

жить настоящее потрясение, и я понимаю, что женщина в твоём состоянии...

Ох уж это состояние! Крисси состроила гримасу. Вовсе не беременность заставляет ее волноваться за жизнь отца своего ребенка. Нет, это любовь к нему, любовь, и ничто больше.

– Лора, пожалуйста, – умоляла Крисси, хватая телефон с тумбочки. – Позвони ему...

– Ладно, – согласилась Лора, – но мне кажется, ему не понравится, если мы разбудим его в шестом часу утра.

Крисси было все равно – сейчас ею руководил инстинкт, говоривший, что надо спешить, потому что иначе случится беда.

Не отрываясь, она смотрела, как Лора набрала номер Гая, а затем ждала, пока в трубке не послышались длинные гудки...

– Наверное, он принял снотворное и не слышит звонков. – Лора постаралась успокоить Крисси. – Я понимаю, ты волнуешься за него, – сказала она, положив трубку, – но ты же слышала, что сказал врач: никакой опасности нет.

– Лора, пожалуйста, прошу тебя, – снова принялась умолять ее Крисси, и голос ее дрожал от терзавшей ее тревоги. – Я знаю, что ему плохо.

Она повернулась и направилась к двери, а Лора устало поинтересовалась:

– Что ты собираешься делать?

– Оденусь и съезжу к нему, – решительно ответила Крис-

си.

Лора вздохнула.

– Ладно, подожди, я тоже поеду с тобой, – уступила она, – но предупреждаю, Гай вряд ли встретит нас с распростертыми объятиями, если мы его разбудим.

В другой раз Крисси, пожалуй, была бы рада оказаться на улице в столь ранний час, но сейчас удовольствие было омрачено неясной тревогой, с каждой минутой все сильнее овладевавшей ее душой.

– Для женщины, которая утверждает, что ни капельки не любит Гая, ты, мне кажется, чересчур взволнованна, – сухо констатировала Лора, когда они въехали в Хэслвич и покатались по пустынным улицам.

– Я... я люблю его, – хрипло призналась Крисси. – Но не могу быть с человеком, который не доверяет мне и не уважает меня, который... – она умолкла, не в силах продолжать, и лишь покачала головой.

– Прости, я не хотела расстраивать тебя, – тихо извинилась Лора.

– Ты и не расстроила, – грустно откликнулась Крисси. – Это я сама...

Когда они миновали старую церковь, Крисси взглянула на дом Гая – занавеси на втором этаже были задернуты, но на первом этаже остались открытыми со вчерашнего дня.

Лора забарабанила в дверь, а затем несколько раз нажала кнопку звонка, поморщившись от слышного даже на улице

пронзительного трезвона.

– Ну, уж теперь-то он проснется, – заметила она, однако в доме было по-прежнему тихо.

– Может, надо позвонить еще раз, – предложила Крисси, но Лора покачала головой.

– У меня есть идея получше, – заявила она, порылась в сумочке и достала связку ключей и, немного поколебавшись, с довольной улыбкой сняла один ключ. – Гай дал мне его когда-то, чтобы я могла приглядывать за домом, когда он в отъезде, – объяснила Лора и, повернув ключ в замке, нажала на ручку двери.

Крисси зашла в дом следом за Лорой и невольно поежилась – до того жуткой показалась ей гулкая тишина.

Они поднялись на второй этаж. Дверь в спальню Гая была закрыта. Окликнув его, Лора вошла внутрь, и недоверчивое раздражение, которое она не могла скрыть с того момента, как Крисси разбудила ее, исчезло, едва она наклонилась к кровати.

– О Господи! – в ужасе воскликнула она.

– Что такое? Что случилось? – с беспокойством спросила Крисси, стоя за спиной Лоры.

– Точно не знаю, но похоже на заражение крови, – едва слышно ответила Лора и отступила так, чтобы Крисси смогла увидеть руку Гая.

Даже в полумраке, царящем в спальне, Крисси увидела, как распухла и воспалилась рука Гая выше повязки. Заме-

тила она и зловещую багровую полосу, что ползла к самому его плечу.

– Гай! Гай!.. – позвала Лора и легонько потрясла брата за плечо. Он нахмурился и что-то невнятно пробормотал, но так и не открыл глаза.

Слава Богу, что она поверила интуиции, думала Крисси десять минут спустя, когда врач «скорой помощи» сообщил, что Гая необходимо как можно скорее перевезти в больницу.

За четыре часа, которые заняла сложная операция, Крисси так издергалась, что, если у Лоры и оставались какие-либо сомнения относительно глубины ее чувств к Гаю, сейчас они окончательно рассеялись.

Если кто-нибудь захочет видеть страстно любящую женщину, достаточно взглянуть на Крисси, и все станет ясно, думала Лора.

Когда наконец врач сообщил, что им можно пройти в палату, Крисси пропустила Лору вперед.

– Иди сначала ты.

Лора не стала спорить. Открывая дверь палаты, она увидела, как в глазах Гая загорелась безумная надежда, однако лицо его тут же стало безразличным и непроницаемым.

– Надеюсь, ты не настолько ослаб, чтобы два посетителя сразу сильно утомили тебя, – загадочно проговорила Лора и поманила Крисси. Вот теперь, с удовлетворением отметила она, лицо ее брата осветилось неподдельной радостью. Он увидел неуверенно приближающуюся к его кровати Крисси.

– Ну... как ты? – прерывающимся голосом спросила Крисси. За бесконечно долгие часы ожидания она так извелась, что едва держалась на ногах.

– Я должен радоваться, что оказался тут, – устало ответил Гай.

– За это благодари одну лишь Крисси, – отозвалась Лора, старательно не замечая ее умоляющих взглядов. – Должна сказать, когда она растолкала меня в шестом часу утра и заявила, что тебе плохо, я не сразу поверила ей. Слава Богу, что она такая упрямая, а не то...

Гай изумленно взглянул на Крисси и чуть слышно прошептал:

– Ты все знала... Но как?..

– Крисси, мне кажется, тебе стоит присесть, – решительно заявила Лора. – Знаешь, Гай, все это время она, как маятник, металась туда-сюда. Я уже просто устала смотреть на нее. Кстати, мне надо позвонить подруге, так что вы уж меня извините...

Лора выскользнула за дверь прежде, чем Крисси успела возразить. Сердце ее быстро забилося, и она робко шагнула к двери. Словно почувствовав, что творится в ее душе, Гай взмолился:

– Крисси, не уходи. Пожалуйста... – Она удивленно обернулась. – Господи, Крисси, что мы с тобой натворили? – хрипло выдавил Гай. – Вчера, до того, как лихорадка скрутила меня, я все думал, что, если бы с тобой случилась беда,

я бы так и не успел сказать тебе, как сильно тебя люблю, как упрекаю себя за то, что позволил неприязни к твоему дяде взять надо мной верх...

– Лора рассказала мне, как он измывался над тобой, когда вы учились в школе, – нетвердым голосом прервала его Крисси. – Он и к маме моей относился точно так же, хотя она была старше его. Она... как-то раз она призналась, что до сих пор чувствует себя виноватой за то, что ненавидела его в те годы.

– Да, должно быть, ей было нелегко, – тихо ответил Гай, – однако по моей вине тебе пришлось еще тяжелее.

Крисси даже не сообразила, как случилось, что руки их переплелись, выдавая чувства, которые логика и взаимные подозрения заставляли их скрывать.

– Ты носишь моего ребенка... – замороженно прошептал Гай. – Когда хирург объяснил, к чему могло привести заражение крови, я подумал, что малыш мог появиться на свет, а я так бы и не узнал об этом... Не сумел бы любить вас и защищать – вас обоих. Крисси, я не хочу потерять тебя – и не только из-за ребенка, но и из-за нас с тобой.

– И я не хочу расставаться с тобой, – прошептала Крисси, и из глаз ее покатались слезы. Несмотря на протесты Крисси, Гай сел на постели и, обняв девушку здоровой рукой, нежно поцеловал в лоб, пытаясь утешить.

– Я понимаю, мы еще не все решили, – признался он. Улыбаясь, он осторожно отвел с ее лица влажные прядки волос. –

Но мы обязательно во всем разберемся.

– Я не хотела скрывать от тебя правду, – печально прошептала Крисси.

– Шшш... – остановил ее Гай, и она через силу улыбнулась. – Меня потрясло не известие, что ты – родственница Чарли. Мне было больно, что ты недостаточно доверяешь мне. Я повел себя, как капризный ребенок, – раскричался и принялся обвинять тебя.

– Я ничего не сказала только потому, что полюбила тебя, – дрожащим голосом проговорила Крисси. – Я боялась, что ты разлюбишь меня, и, когда мама предложила пока ничего не сообщать тебе о дяде Чарли, я согласилась, учитывая то, как ты относишься к нему... – Крисси покачала головой и тихо продолжала: – Меня тоже очень задело, что ты не был откровенен со мной и ничего не сказал о своих отношениях с Дженни.

Она умолкла, с тревогой ожидая его ответа.

– Да... – помолчав, согласился Гай. – Я действительно не был с тобой откровенен.

– Потому что не хотел, чтобы я узнала, как сильно ты любил ее, – грустно заключила Крисси.

– Да нет же! – воскликнул Гай так запальчиво, что резкая боль пронзила его руку, и он невольно поморщился. – Нет, Крисси, я никогда не любил ее по-настоящему. Именно поэтому мне и не хотелось ничего говорить тебе, не хотелось признаваться в собственной слабости. До встречи с тобой я

понятия не имел о том, что такое любовь... – Он помолчал, качая головой. – Не спорю, я очень привязан к Дженни, и она всегда будет моим лучшим другом, однако люблю я тебя, и только тебя. Ты всегда будешь для меня единственной любимой женщиной на свете.

– И тебе не помешает даже то, что, по-твоему, я солгала насчет столика? – чуть слышно спросила Крисси.

Гай вздохнул.

– Не знаю, что и сказать... Ведь я сам оценивал его.

– Понятно, – еще тише ответила Крисси и, осторожно освободившись из его объятий, направилась к двери.

Пальцы ее уже коснулись ручки двери, когда Гай окликнул ее.

– Что случилось? – быстро спросила она, подбежав к нему. – Позвать врача? Твоя рука?..

– С рукой все в порядке, – глухо ответил Гай, – а вот со мной – нет. О Господи, Крисси, да мне дела нет до этого треклятого столика. Для меня на свете есть только ты. Я продам свою долю в антикварном магазине, и мы уедем куда-нибудь далеко-далеко, где сможем начать все сначала...

Крисси изумленно уставилась на него.

– И ты пойдешь на это ради меня? – прошептала она. – Даже если...

– Для тебя я готов сделать все что угодно. – Гай застонал, приподнимаясь на локте, и заставил Крисси присесть на его кровать. – Все что угодно, – повторил он. – Я люблю тебя,

Крисси, и, как только я выберусь из этого чертова медцентра, мы с тобой сядем и решим, что будем делать дальше, и не только ради нас обоих, но и ради нашего малыша... – пообещал он и подкрепил свои слова страстным поцелуем.

Лора заглянула в палату, увидела целующуюся пару и бесшумно прикрыла дверь.

– Втроем мы обязательно будем счастливы, – заявил Гай, но, хотя Крисси и улыбнулась ему в ответ, на сердце у нее было беспокойно.

Разумеется, ей было приятно слышать, что Гай готов уехать из Хэслвича и начать все сначала, но ведь в таком случае получается, что ее матери и ее семье нельзя доверять – и это недоверие навсегда останется между ними, как бы они ни старались забыть о нем.

– Рут Рейнольдс, одна из моих соседок, прислала нам с тобой официальное приглашение пожаловать к ним на чай, – сообщил Гай, когда Крисси вошла в гостиную.

Накануне его выписали из больницы при условии, что кто-нибудь будет присматривать за ним.

Лора решительно отказалась выхаживать брата, сославшись на то, что у нее слишком много дел. Муж ее должен вернуться со дня на день, так что у Крисси просто не было выбора.

– Заходите, заходите, – радушно приветствовала их Рут, открывая дверь. – Я и Джона пригласила, – неожиданно заявила она, проводя гостей в нарядную столовую. – Мне ду-

мается, он непременно должен присутствовать – не только как свидетель, но и потому, что сможет, в случае необходимости, подтвердить мои слова. Однако я, кажется, опережаю события... Как ты себя чувствуешь, Гай? – заботливо спросила она.

– Намного лучше, – уверенно ответил Гай. – И все благодаря Крисси, – добавил он и нежно улыбнулся ей.

Ясное дело, Рут уже слышала об их примирении от Дженни.

– Я так рада за них обоих, – поделилась с ней Дженни. – Ведь они просто созданы друг для друга...

– Ну, присаживайтесь скорее, – пригласила Рут. – Крисси, пожалуйста, налей нам всем чаю, а я тем временем кое-что вам расскажу.

Рут улыбнулась в ответ на удивленный взгляд Крисси. Ничего не понимая, девушка послушно принялась разливать чай.

– Меня очень занимало, кому же на самом деле может принадлежать столик, обнаруженный в доме Чарли Плэтта, – начала Рут. – И я провела небольшое расследование. Джон отлично знает, что мой отец был просто не в себе от обиды, считая, будто родичи из Честера обошли его при дележе наследства. Мне показалось странным, что он решил заказать лишь одну копию с тех столиков – а их была пара, – что были подарены честерским двойняшкам. Я порылась в старых бумагах и...

Рут замолчала и взяла в руки пожелтевшую тетрадь.

– Это книга доходов и расходов за тот год, когда отец заказал столик – вернее, мне следует сказать «столики»...

Прошло несколько секунд, прежде чем Гай и Крисси сообразили, что она имеет в виду, и Гай воскликнул:

– Значит, ты хочешь сказать, что были изготовлены два столика?

– Да, именно два, – спокойно подтвердила Рут. – Два одинаковых столика – точь-в-точь как та пара, что была привезена из Франции.

– Но все равно это не объясняет, каким образом один из них оказался в моей семье, – заметила Крисси.

– Ты права, – согласилась Рут.

– Не может быть, что мой прадед решил купить один из столиков, – вслух подумала Крисси. – Ни за что не поверю, что...

– Нет, Крисси, он ничего не покупал, – мягко перебила ее Рут, взглянув на Джона. – Наш отец – мой и Бена – был женат дважды. Наша мама умерла вскоре после моего рождения, и для помощи по дому и в детской наняли молоденькую служанку. Эта девушка – твоя прабабушка, Крисси. Она полюбила моего отца, они были близки, и, когда ее беременность стала очевидной, он, судя по всему, убедил ее выйти замуж за одного из своих фермеров-арендаторов, бездетного вдовца. Вероятно, мужчины договорились, что ребенок будет воспитан как законный сын фермера. Бедняге страшно

хотелось иметь наследника. Не сомневаюсь, что без щедрого подарка тут не обошлось. – Рут вздохнула. – Бедняжка. Подозреваю, она искренне любила моего отца и упростила его позволить ей взять с собой что-нибудь, что напоминало бы ей о нем. Он согласился, и она выбрала столик, – закончила Рут.

Криси изумленно посмотрела на нее и тихо спросила:

– Это правда? Но ведь тогда...

– Да, Криси, это чистая правда, – подтвердил молчавший до сих пор Джон.

– Но почему же моя мама никогда об этом не говорила? Почему?..

– Сомневаюсь, что ей это известно, – ответила Рут. – Я сама ни о чем не догадывалась, а Бен, мой брат, узнал обо всем, только когда умирал наш отец. Как он утверждает, отец заставил его дать слово хранить все в тайне. Брат доверился мне только после того, как я пригрозила отправиться в полицию и сообщить о существовании двух одинаковых столиков.

Пока говорила Рут, Гай молчал, но взгляд его был красноречивее любых слов.

– Два столика... – мрачно протянул он наконец, а затем, вскочив, принялся расхаживать по комнате. Ну, разумеется! Господи, почему только я сам об этом не догадался? Я же знал, что существуют два подлинника!

– А ты и не мог ни о чем догадаться, – успокоила его Рут. –

В конце концов, ты же видел только один из них и понятия не имел, что их могло оказаться два.

– Может быть, и нет, но все равно мне следовало подумать, порасспрашивать... Крисси!

– Все в порядке, – откликнулась Крисси и, подняв руку, дотронулась до его пальцев. – Рут совершенно права. Ты на самом деле ничего не мог знать, и, – честно добавила она, – на твоём месте я отреагировала бы точно так же.

Гай наградил её таким взглядом, что Рут поспешно отвела глаза. Иногда посторонним людям не следует становиться свидетелями слишком искренних и страстных чувств.

– Лгунишка, – услышала она голос Гая, – да к тому же и добрая душа...

Крисси покачала головой. Невероятные откровения Рут никак не выходили у неё из головы.

– Я до сих пор не могу поверить в то, что узнала, – обратилась она к Джону и Рут. – Все так неожиданно...

– Ну, по крайней мере теперь мне ясно, в кого это Чарли уродился таким пройдохой, – весело заметила Рут и пояснила: – К сожалению, время от времени в роду Крайтонов появляются мужчины, которых хотя и нельзя назвать отпетыми мошенниками, но и кристально честными тоже не сочтешь...

Вспомнив о чём-то, она поднялась, подошла к Крисси и нежно обняла её.

– Добро пожаловать в семейство Крайтонов, дорогая.

Семейство Крайтонов! Крисси молча открыла и снова за-

крыла рот.

– Все в порядке, – мягко заверила ее Рут. – Мы пойдем, если ты предпочтешь не афишировать свое родство с нами.

– Даже и не знаю, что на все это скажет мама! – тихо ответила Крисси.

– Полагаю, вам с Гаем надо о многом поговорить, – сказала Рут, дотрагиваясь до руки Крисси, и на прощанье еще раз обняла девушку.

Обнял ее и Джон.

Когда Крисси и Гай добрались до его дома и Гай отправился варить кофе, Крисси вдруг расплакалась. Гай прибежал из кухни и обнял ее.

– Что такое? Что случилось?

– Ничего, – всхлипнула Крисси, уткнувшись в его плечо. – Просто я так рада, что все позади... Знаешь, я ужасно боялась, что этот столик будет преследовать нас до окончания дней, что ты никогда не поверишь мне...

– Не поверю тебе?.. – Гай склонил голову, целуя ее, и губы Крисси, ответившие на его поцелуй, немного уменьшили чувство вины и раскаяния, что терзало его. Завтра же утром мы с тобой летим в Амстердам, – заявил он, как только они, едва не задохнувшись, прервали поцелуй. – Я куплю тебе не только кольцо в честь помолвки, мы вполне сможем добавить и еще одно – «кольцо вечности», – сказал он, нежно поглаживая ее палец, – потому что уж на этот раз, любовь моя, мы будем вместе вечно.

– Верно, – согласилась Крисси.

– Ой, покажи скорее кольца! Какая прелесть! – воскликнула Бобби, внучка Рут, пока Крисси уворачивалась от дождя розовых лепестков, которыми гости осыпали новобрачных.

Гай изрядно удивил Крисси, когда отказался от тяжелого старинного кольца и заказал одному из лучших ювелиров Амстердама комплект из трех колец. Он сам выбрал причудливо ограненный бриллиант в форме сердечка для кольца в честь помолвки. У Крисси замирало сердце при взгляде на такую красоту.

Простая оправа, в которую был вставлен камень, великолепно гармонировала с золотым обручальным кольцом, а «кольцо вечности» из переплетающихся полосок золота и платины, усыпанных крошечными, как искры, бриллиантами, чудесно дополняло комплект.

– Они немыслимы друг без друга, как и мы трое, – нежно сказал Гай, когда они выбрали кольца. Подумать только, трое!

Свадебное платье Крисси сшили на заказ в Честере. Его простой покррой и роскошные волны тяжелого шелка цвета сливок скромно скрывали ее чуть заметно округлившийся животик. Именно из-за малыша Крисси решила обойтись без традиционного белоснежного наряда и предпочла длинное платье благородных линий и безупречную атласную накидку с небольшим шлейфом.

– Я вовсе не стыжусь того, что ношу нашего ребенка, – с гордостью пояснила Крисси матери. – Но мы ведь как-никак венчаемся в церкви, и мне кажется, что белое платье не вполне подходит к такому случаю.

– Ты будешь выглядеть прелестно, милая, – заверила ее мать.

Разумеется, так оно и было.

Гай шептал и шептал ей на ухо, что она ослепительно красива.

Улыбаясь, Крисси дотронулась до руки Гая, предлагая ему взглянуть туда, где стояли ее мать и его сестра и оживленно беседовали.

Крисси была рада, что Лора и ее мать так быстро подружились: это было очень кстати. Лора настояла на том, чтобы родители Крисси остановились на ферме, и сумела рассеять опасения Роуз насчет того, что могут подумать о ней люди.

– Послушай, ведь ты и твой брат – не одно и то же. Ты – это ты, – убежденно говорила она.

Лора оказалась права. Несколько женщин, с которыми Роуз когда-то училась в школе, тепло и радушно приветствовали ее. Крисси, правда, подозревала, что к этому причастна Лора – впрочем, она даже намеком не испортила радость матери. И родня Гая, и Крайтоны дали ясно понять, что они всей душой приветствуют увеличение своих семей.

Одна лишь Натали держалась холодно и отчужденно, и потому Крисси ничуть не огорчило известие о том, что та ре-

шила переехать в Лондон.

Мать Крисси была не менее дочери поражена, узнав о своем родстве с Крайтонами, но больше всего Крисси порадовали случайно услышанные слова мамы, произнесенные в разговоре с Дженни накануне венчания. Роуз сказала, что они с мужем подумывают перебраться в Хэслвич, когда отец Крисси уйдет на пенсию.

– В конце концов, – говорила она Дженни, – к тому времени здесь будут жить не только наша дочь и зять, но и наши внуки...

– Можно подумать, – прервал ход мыслей Крисси поддразнивающий голос Гая, пока они наблюдали, как одна из его молоденьких племянниц всюду флиртует с молодым человеком из числа гостей, – можно подумать, ты предпочитаешь остаться здесь, а не отправиться на Барбадос в моем обществе.

– Да неужели? – расхохоталась Крисси в ответ. – Как чудесно чувствовать себя частью большой и дружной семьи и знать, что наш ребенок – вернее, наши дети – не будет расти в одиночестве. Но чудеснее всего знать, что ты любишь меня, – прерывающимся голосом прошептала она ему на ухо. – Что же касается Барбадоса...

– Барбадос! Почему, черт побери, я не забронировал нам номер в какой-нибудь из гостиниц Гросвенора? – простонал Гай, наклоняя голову, чтобы поцеловать Крисси. – Ты хоть знаешь, сколько часов туда лететь?

– Не забудь, гости еще не ушли, – с притворной скромностью напомнила ему Крисси.

– Ну, подожди только, пока мы останемся вдвоем! – предостерег ее Гай.

– Вдвоем? – Крисси подняла бровь и дотронулась до своего чуть выступающего животика. – Ну, это будет еще не скоро, – лукаво ответила она. – Кстати, я очень рада, что полиция арестовала банду преступников, занимавшихся похищением антиквариата.

– И я тоже рад, – подтвердил Гай, выразительно взглянув на нее. – Как вспомню, что мне казалось, будто ты можешь иметь к этому какое-то отношение...

– Шшш... – Крисси приложила палец к его губам. – Не забудь, все ведь так хорошо сходилось – в конце концов, в банде действительно была женщина.

– Я недостоин тебя и не заслуживаю такого счастья, – с нежностью прошептал Гай в ответ.

Мадлен Крайтон стояла у самой ограды церковного двора, глядя, как смеются, целуясь, новобрачные. Их любовь была столь очевидной и осязаемой, что казалось, стоит только протянуть руку, и можно будет ощутить ее.

Мадлен устало отвернулась.

Когда она была беременна и носила их с Максом детей, муж обращался с ней отнюдь не с нежностью и любовью, а, напротив, с ядовитой злостью, то и дело напоминая, что он не хотел заводить детей. Впрочем, он не упускал случая, что-

бы дать ей понять, что она больше не желанна ему.

Мадлен быстрым шагом направилась сквозь толпу гостей к Дженни, матери Макса, стоявшей рядом с детьми.

Все эти дни Мэдди изо всех сил старалась не думать о Максе и своем неудачном замужестве. Брак... Но можно ли назвать истинным союзом обыкновенную сделку, зафиксированную лишь на бумаге? Макс не любит ее, и время от времени Мэдди задавалась вопросом: а любил ли он ее вообще когда-нибудь? По его вине она чувствует себя никому не нужной, нежеланной, нелюбимой и сейчас едва ли не радуется, что так называемые «дела» увлекли Макса в далекую Испанию.

Едва ли... Мэдди все еще помнила, как когда-то начинался их роман, как счастливы они были...

– Ммм... Да это просто рай земной! – воскликнул Гай. Они лежали на широкой кровати коттеджа для новобрачных, и высоко над головой умиротворяюще жужжал кондиционер, наполняя освежающей прохладой жаркий даже ночью воздух Барбадоса.

– Выходит, все-таки стоило дожидаться? – поддразнила его Крисси. Он склонился над ней и, лениво очертив пальцем контур ее губ, нагнул голову, целуя ее обнаженную грудь.

– Да еще как! – приглушенно ответил он голосом, в котором сквозило удовлетворение насытившегося зверя.

Он в самом деле похож на прекрасного хищника, подумала Крисси, наблюдая за Гаем, поднявшимся с кровати. В

мягком свете, наполнявшем комнату колеблющимися тенями, его обнаженное тело блестело после их страстного поединка, и рельефные мускулы на его плечах и груди казались еще внушительнее.

– До сих пор у нас не было для этого времени, – заявил Гай и взял бутылку шампанского, стоявшую в ведерке со льдом. Прибыв на Барбадос, они так и не успели добраться до шампанского, торопясь скрепить действием обеты, которые они дали друг другу при венчании.

Криси, не отрываясь, смотрела, как Гай, открыв бутылку, разлил шампанское в высокие бокалы. Пожалуй, она могла бы глядеть на него целую вечность. В нем столько грации, столько чисто-мужской гордости и достоинства... Словно прочитав ее мысли, Гай повернул голову, и она увидела, как потемнели его глаза, а взгляд неторопливо скользит по ее телу.

Криси казалось, будто по всем ее жилкам разливается обжигающее пламя, и она с удовлетворением отметила, что и Гай не остался равнодушным к этому безмолвному обмену взглядами. Рука его слегка дрожала, когда он приблизился к кровати и протянул ей полный до краев бокал. Несколько капелек золотистой влаги скатились прямо на грудь Криси, и она подняла руку, намереваясь смахнуть их, но Гай, остановив ее, наклонился и начал медленно слизывать с ее кожи шампанское. Язык его кружил, подбираясь все ближе к напрыгшимся соскам ее болевшей от нетерпения груди.

– Ммм... – с наслаждением пробормотал он и, оставив свой бокал в сторону, подхватил грудь Крисси в ладонь и принялся нежно посасывать острую вершинку, не в силах оторваться от этого лакомства.

Крисси ощущала, как возбуждение захлестывает ее тело, и попыталась подавить слабый стон восторга, однако Гай, должно быть, все же расслышал его, так как ласки его стали более настойчивыми и уже не столь игривыми.

Она хочет его... О Господи, как же он желанен ей, но Крисси решила, что Гай заслуживает небольшого наказания за то, что так самозабвенно мучит ее. Глаза ее заискрились смехом, и она плеснула в него шампанским из своего бокала.

– Какого ч-ч... – начал было Гай возмущенно и тут же замолчал, увидев, как Крисси спокойно оставила свой бокал.

– Боишься обжечься – не играй с огнем, – ответила Крисси, решительно опрокидывая мужа на постель. Склонив голову, она принялась нарочито медленно слизывать пьянящую влагу с его тела, постепенно спускаясь все ниже и ниже, не мешая каплям шампанского катиться дальше.

Через несколько секунд Крисси была вознаграждена, услышав, как Гай застонал от наслаждения. Осыпая его гладкую, как шелк, кожу легкими поцелуями и чередуя их с влажной лаской язычка, Крисси собралась было поохотиться за последней капелькой шампанского, которой она позволила беспрепятственно скатиться ниже остальных, но окончательно потеряла голову. Это ее ничуть не расстроило. В са-

мом деле, кто захочет стремиться к победе, когда поражение и сладкий плен могут быть столь прекрасны, а разделенная любовь и испепеляющая страсть так горячи?

Серебристый рассвет уже заливал небо призрачно-перламутровым светом, когда Гай наконец привлек Криси к себе и простонал:

– Только представь себе: еще целых три недели такого блаженства. Как думаешь, мы выживем?

Засыпая, они все еще улыбались.